

Рома Зверь

ДОЖДИ-ПИСТОЛЕТЫ

•РОСМЭН•

Annotation

Рома Зверь — самый известный рок-музыкант страны. Он не такой как все, если сравнивать его с другими звездами. И такой же как все, если сравнивать с простыми парнями из районов — кварталов.

И никто не ожидал, что Рома Зверь однажды возьмет и напишет книгу, в которой откровенно и безжалостно расскажет о своей жизни, о счастье любить и быть любимым, о радости встреч, о горечи разлук, о друзьях и врагах, о надежах и разочарованиях.

Читатель узнает, поймет, почувствует, как из этих жизненных разломов рождается музыкант, рождается артист, которому суждено уехать из родного города и взорвать столичную сцену, изменив само представление о современной молодежной культуре.

-
- [Рома Зверь](#)
 - [ЛЕХА](#)
 - [АМАЗОНКИ](#)
 - [РЫБАЛКА](#)
 - [ДРАКИ](#)
 - [НАСТЯ](#)
 - [ИРАИДА И ОКСАНА](#)
 - [МАМА, ПАПА](#)
 - [ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ТЕАТРАЛЬНОЕ](#)
 - [СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОЛЛЕДЖ](#)
 - [ВИТЯ БОНДАРЕВ](#)
 - [ДЕНЬГИ](#)
 - [БОГЕМА](#)
 - [СВЕТА](#)
 - [КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ](#)
 - [«МОИ ЛЮБИМЫЙ БУДУЩИЙ МУЖ...»](#)

- [ДОЖДИ-ПИСТОЛЕТЫ](#)
 - [О ЛЮБВИ](#)
 - [БРИЛЛИАНТОВЫЙ ВОЛОС](#)
 - [ДОСВИДОС](#)
 - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
-

Рома Зверь ДОЖДИ – ПИСТОЛЕТЫ

ЛЕХА

Раньше было модно — обмен квартир. Моя мама увлекалась. Наверно, ей было прикольно переезжать из города в город, вот она все время и обменивалась. До сих пор не знаю — зачем, это надо у нее спросить.

Родился я в Таганроге, потом мы переехали в Дружковку, в Донецк, затем в Мариуполь, где прожили шесть лет. Там я закончил школу и проучился год в строительном. В Мариуполе у меня остался лучший друг Леха Макаров.

И в конце концов вернулись в Таганрог. Такой круг получился. Мне было пятнадцать лет. Мы возвращались из Мариуполя в Таганрог втроем: мама, младший брат Паша и я. А еще у меня есть старший брат, мы все трое — от разных отцов, представляешь? У меня были не очень хорошие отношения с отцом младшего брата. Я его не любил, с ним не общался. Да и когда мы вернулись в Таганрог, мама с ним разошлась. А старший брат Эдик, когда еще учился на тракториста-комбайнера, поехал на практику в колхоз под Мариуполем, там женился и остался.

Мы ехали на автобусе. Ничего я себе такого не думал в тот момент. Думал: вот приедем, я увижу друзей своих старых и буду с ними каждый день. А что думать-то? Может, я, конечно, что и думал, да не помню. Я ехал туда уже по привычке, потому что периодически приезжал в Таганрог к своим старым друзьям.

Я помню, что сразу пошел к Роме Иваненко, моему старому другу, с которым мы еще в детский сад вместе ходили. А кличка у него была Иван.

— Я вернулся в Таганрог, все дела.

— Ну, клево!

Он с приятелями к тому моменту начал музыкой увлекаться. Я тоже на гитаре научился играть: где-то за год до возвращения мама в Мариуполе гитару купила. До этого у меня была какая-то убогая гитара, на которой нельзя было даже нажать струны, потому что они очень далеко от грифа были расположены. Вот мама и купила мне большую гитару «Концертная» львовского производства. Купила в магазине «Орбита», который находился рядом с моим домом на проспекте Metallургов.

— Чем занимаетесь?

— Да вот, — говорит, — на гитарах бренчим.

— А я тоже умею. Типа бренчу.

— Круто! Мы тут группу создаем, будешь бас-гитаристом?

— Буду.

На самом деле мы еще с Лехой в Мариуполе вовсю играли. Собирались ребята с его поселка. И мы играли разные песни. Дворовые, про Афган, Цоя. Все подряд. Это было достаточно жизненным и героическим. Ходили в пивбар, брали по четыре литровых баллона разливного пива, бухали в посадочке придорожной. Играли на двух гитарах. Вино, пиво, девушки, пацаны и — мы с Лехой, в центре внимания, с двумя гитарами. Сидим, разные песни поем, здорово.

Леха? Я в Мариуполе год в строительном отучился, и к нам пришел новичок, который приехал с Урала, из города Красноуральск. Звали его Алексей. Это и был тот самый Леха. Так как-то получилось, что он сел со мной за парту. И мы подружились. Сначала я его в гости пригласил. Потом он меня. Это восьмой класс — по-старому, по-новому — девятый.

Как учились на гитаре играть... Да как все! Просто собирались. Один парень знал аккорды, показал. Я, правда, ходил в Мариуполе во Дворец металлургов на уроки к преподавателю. Но там надо было по нотам.

Мне это было неинтересно — всякую хрень играть, там Баха или Скарлатти. Поэтому я выучил аппликатуру, то есть аккорды как ставить. По аккордам было интересно подбирать, как из чего песня строится. Последовательность аккордов, как для этого пальцы надо переставлять, чтобы получалось. Перебор, бой. Вот так и учились, показывали друг другу. Если не знал какого-то аккорда, можно было спросить у кого-нибудь, как брать, как зажимать струны. А потом дома репетировать этот аккорд, пока не выйдет. Я все время дома сидел с гитарой. Я практически спал с ней, даже в туалет ходил. Зашел в туалет, сел. Гриф наверх, иначе она не помещалась. И так круто в туалете было играть! Там же эхо: у-у-у-у, гудела гитара. Здорово, как на концерте! Прямо как электрогитара! А Леха играл на трубе — он учился в музыкальной школе еще в Красноуральске...

Леха жил очень далеко, на окраине города в поселке Горький. На трамвае нужно было минут пятьдесят ехать. И потом еще пешочком минут пятнадцать-двадцать. Это было очень далеко для города Мариуполя, который совсем не такой большой, как Москва. А я жил в районе проспекта Metallургов, около автовокзала. Там обитало несколько хулиганских авторитетов, не очень сильно криминальных, а таких... на уровне района. И поэтому меня не трогали, я, конечно же, знал, что нужно назвать несколько фамилий, кличек, чтобы от меня отстали. Такие вот были отношения.

После школы — либо к Лехе, либо ко мне. Чаще всего ко мне, до меня же было ближе: на трамвае «тройке» двадцать минут и от остановки до моего дома минут десять. И вот мы приезжали ко мне. У меня был магнитофон, тогда только-только появились такие модернизированные, под названием «Весна». Большой

стоячий кассетник со встроенным микрофоном. И мы с Лехой пели песни под гитару и записывали.

Когда уезжала моя мама, мы оттягивались. Как у всех молодых людей случается праздник, когда родителей нет дома. Квартира свободна, можно делать все что хочешь — взрослая жизнь! А мама очень часто уезжала. Она пыталась заниматься коммерцией. В Санкт-Петербурге почему-то не было грецких орехов. Поэтому мама покупала грецкие орехи, приезжала в Санкт-Петербург и там продавала. Они там нереально дорого стоили. Она часто уезжала с Пашей, и я оставался один.

Мы с Лехой брали выпить. Была такая водка в Мариуполе — «Гайдамацька». От слова «гайдамаки». Это казаки такие. Водка была разлита в бутылки, которые называли «Чебурашками». Не водочные, а лимонадные. Да мы выпивали-то чуть больше половинки, а остальное выливали наутро в раковину, потому как больше не могли. Мы не просто так бухали, мы жарили картошку, рюмочки ставили, сервировали журнальный столик и сидели — культурно выпивали.

И каждый раз мы записывали на магнитофон наши посиделки, как мы выпиваем, чокаемся, поем. Мы воображали, что у нас на этой вечерине есть девушки. У меня была кошка Рита. И мы орал: «Эй, Ритка! Куда пошла? Иди сюда, что за дела?» Орал, хохотали, подзывали несуществующих девочек — в общем, взрослая жизнь! А потом слушали запись и смеялись над собой же.

И, конечно, записывали, как на гитарах играли. Это было очень кайфово, потому что из двух гитар получается музыка. Ритм-гитара играла гармонию, аккорды. А вторая — мелодию. И вместе было очень прикольно слушать.

Играли, пели песни, все те же — дворовые, Цоя, Розенбаума. Напивались и пели. Пару раз соседи

приходили ругаться, но мы просто замолкали и минут 10-15 на цыпочках ходили, чтобы не спалиться.

И курили в форточку сигареты «Морэ». Такие длинные черные, в зеленой пачке, только-только тогда появились. Ага, ментоловые. Да не было тогда никакой разницы — мужские или женские, курили все подряд. Круто! А еще мы с ним ходили под окна и собирали бычки от «Космоса», когда не было денег. Мы тогда только курить начинали. Покурим бычков больших — уау! Штырит! Голова кружится!

А Леха, он в то время начал знакомиться с Юлей, с которой они впоследствии и поженились. Ну, а я ни с кем особо не встречался. В доме напротив моей двенадцатиэтажки жили две сестрички. У нас был двор... Как в Питере — колодец называется, да? В этом колодце была девятиэтажка, в четвертом подъезде жили они. И мы со старшим братом Эдиком на пару за ними ухаживали. Потом он уехал на практику в колхоз, женился и остался там жить... А тогда мы ухаживали за этими сестрами: Эдик — за старшей Светой, а я за младшей Инной. Она была очень красивая.

Помню, я и Леха за компанию воровали для них розы. Наш проспект Metallургов — две полосы движения, а посередине — аллея с розами. Немало мы с ним этих роз поотрезали! У меня тогда были такие коричневые штаны — «бананы», в которых было много карманов. Пошиты они были из какой-то болоньи, очень жесткой ткани. Там внизу был кармашек длинный, куда очень красиво помещался ножик. Перочинный, выкидуха. Такой — тыдыщщщщ — нажимаешь на кнопочку, и вылетает лезвие. Настоящая финка. Ночью мы выходили на ту аллею. Мимо изредка проезжали «бобики» милицейские, потому что время (93-94 гг.) было беспокойное — улица на улицу, район на район. И каждый раз, когда «бобик» проезжал по проспекту, мы прятались в кусты с розами. Обкалывались этими

розами, все в царапинах были. И вот мы резали розы, потом заходили к сестричкам на пятый этаж и клали розы под дверь. Огромную охапку. Нереальное количество роз, сколько могли унести в руках. Клали цветы и уходили... Конечно, догадывались. Ну, а кто еще? Были симпатии, записки всякие. Это же видно, когда говорят какие-то фразы короткие друг другу. Потому что, когда говоришь «привет», можно сказать «привет», а можно «привет». Да? И сразу понятно, что человек к тебе неравнодушен.

А Леха еще до моего отъезда стал ухаживать за Юлей, которая жила в поселке Горький. Мы вдвоем ходили в гости к ней. И я стал своим у них в районе. Как-то мы выпили у меня на Металлургов. Не то праздник был, не то день рождения у кого-то. А! Мы стипендию получили. Потом взяли шампанского, как джентльмены, и поехали к Юле. У Юли была подружка. Женька звали ее. И чего-то мы вчетвером тусили.

А потом мы с Лехой легли на рельсы. Там проходило железнодорожное полотно. Металлургический завод недалеко от этого поселка был. Ходили составы, возили руду, хрень всякую... И мы лежали на рельсах, девки визжали: «Дураки! Вставайте немедленно! У нас сейчас разрыв сердца будет!!!»

А мы лежали на рельсах и бухали шампанское. Нам это нравилось, что за нас переживают. А мы герои такие. Мы были абсолютно счастливы... ну, мы сами, конечно, вставали. Но нам хотелось, чтобы нас подняли. Потому что мы не боимся ничего. Мы смелые ребята...

Вот так мы с Лехой дружили, закончили девять классов средней школы. Потом я поступил в строительное училище там же, в Мариуполе, где отучился первый курс. А Леха пошел учиться в музыкальное училище по классу трубы. Но даже когда мы поступили в разные училища, мы по-прежнему дружили. Мы все равно встречались, выпивали, играли

на гитарах, приезжали к нему в район, там пацаны были. Он мне рассказывал какие-то истории, как они там дрались. Поселок на поселок.

В Мариуполе мы тогда с ним не замутили группу. В-первых, не с кем было. Он чего-то предлагал, у него же в музучилище много было знакомых. Но нам не до этого было. Мы просто песни играли. Даже это еще тогда плохо получалось. Гуляли, пили, учились. Мы к тому моменту еще не осмыслили, что можно группу делать. Тут хотя бы, чтобы две гитары вместе звучали, а уж группу... Да и сочинять я не пробовал тогда.

И вот мы уехали в Таганрог, Леха очень обижался на меня. Ради того, чтобы учиться со мной в одном училище, он, профессиональный трубач, перевелся из музыкального в строительное! «Я к тебе перешел, чтоб с тобой учиться. А ты уехал!» Но дружить мы так и не перестали. Никогда.

АМАЗОНКИ

Дали мне гитару. Мол, покажи, как ты умеешь. Стали петь песни. Не помню, какие, честно тебе скажу. Дворовые, какие же еще? Они посмотрели, послушали. Говорят, нечего тебе на басу играть, будешь на гитаре! А Иван в конечном итоге стал играть на бас-гитаре. Вот так началось наше творчество...

В доме, где жил Иван, по Итальянскому переулку, был чердак. Там мы и сделали место для репетиций. Была какая-то стойка с тарелкой, барабан. Две акустические гитары — такие старые! В этой берлоге мы и сидели, репетировали, пили пиво. Тусили...

Мы репетировали больше для себя. Песен у нас своих не было, нам интересно было понять, как это все делается. Мы брали какие-то известные песни, начиная с «Кино», заканчивая «Алисой», и пытались воспроизвести: кто соло выучит, кто ритм подберет. Вот так и учились играть.

Учеба в училище — параллельная жизнь «чердачному» творчеству. Ты представляешь себе, что такое училище? Нет? В Мариуполе я поступил на первый курс строительного ПТУ. Специальность — отделочник-строитель или плиточник-отделочник, что-то типа того. В Таганроге перевелся в местное училище аналогичного профиля. Мы пришли с мамой, сдали документы в ПТУ № 23, куда меня и приняли на второй курс.

Первое сентября. Я опоздал на торжественную линейку, на все эти праздничные дела. Прихожу в училище, занятия уже начались. Мне сказали, что я буду учиться в третьей группе. Стучусь в кабинет, открываю дверь, спрашиваю преподавателя: «Это третья группа?» Мне женщина отвечает: «Да, третья». Я

смотрю на людей в аудитории и не вижу ни одного мальчика. Я растерялся. Закрыв дверь. Стою, думаю, вот глупость-то какая! Подошел к вахтеру, спрашиваю: «Это пятнадцатый кабинет?» — «Пятнадцатый». Снова стучу, захожу: «Третья группа?» — «Да, третья». И уже, знаешь, все на меня с любопытством поглядывают, говорят: «Ты новенький, да?» — «Да», — говорю и опять закрываю дверь. Я ничего не понимаю, я вижу в аудитории одних девушек!

Причем в группе мариупольского училища, где я учился, были одни пацаны, и специальность наша называлась «плиточник-отделочник». А это что такое?! Как выяснилось потом, в Таганроге это называлось «плиточник-отделочник широкого профиля»: и маляр, и штукатур. То есть подразумевалась и отделка, и поклейка обоев. И оказалось, что по этой специальности в Таганрожском училище учатся одни девушки!

Третий раз, когда я хлопнул дверью... Стою и думаю, что теперь делать. И вдруг дверь открывается, выбегает весь этот класс, вся группа девок, и затаскивает меня в аудиторию. Они кричат: «Ты к нам, ты к нам!» Я такой: «Извините, я ничего не знаю...» — «Да, к нам, к нам!» Преподаватель пытается их успокоить. А они его просто посылают: «Да иди ты! Мы щас сами во всем разберемся!» Я такой: «Да я в третью группу...» — «Это к нам! Круто, садись! Ты откуда попал?»

Я сажусь за парту. Сижу и ничего не могу понять — почему одни девушки?! Я в принципе потом смирился. Правда, еще неделю не понимал, как я буду ходить по училищу. Как на меня будут смотреть пацаны? Мне это сначала не то что не понравилось, я просто был шокирован. Я то учился среди парней, а тут одни девушки! Полная глупость, правда? Как такое может быть?

Я стеснялся всего: то, что я один среди девушек, что все училище практически смеется надо мной. Там учились, допустим, на сварщиков — на такие мужские профессии. А я же не могу им всем объяснить, что в Мариуполе со мной только пацаны учились. Как я это всему училищу мог объяснить? Никак. У меня была тридцать одна девушка в группе. А я один...

Когда они стали недели через две-три при мне на переменах рассказывать разные женские штуки, что с ними происходит, я поначалу не знал, куда деться. Они просто меня не замечали, стали ко мне относиться не как к мужчине, а как к одному из этого большого женского коллектива. Меня это шокировало. Не то что мне было обидно. Я все время очень удивлялся. Как они могут при мне говорить разные вещи? О месячных, например, как это все у них происходит. Об их пацанах, кто как с кем. Да какие там советы спрашивали! Они ведь поначалу меня практически не замечали. Они между собой общались, а меня не брали в расчет. Не то чтобы они меня игнорировали, нет. Но они не относились ко мне как к мужчине. Просто член коллектива, и как бы не девочка, но из-за этого они не стеснялись при мне говорить о своих женских проблемах и тайнах.

Это потом уже, через год учебы, я ходил по коридорам училища, вокруг меня все время было человек десять девушек из моей группы. И я уже был буквально как принц какой-нибудь или султан турецкий. Сначала все смеялись, что я учусь среди одних девчонок, а потом все начали мне завидовать. Я шел в столовую — а вокруг одни девки!

Попробую тебе их описать. Они были разные. Как в любом коллективе, были боевые. Очень боевых было штук пять, таких оторв. Они курили, пили, с пацанами тусили, в драках участвовали. Боевые были детдомовские девушки. Другие были такие, как сейчас

называют, немного гламурные. Такие фифы из достаточно состоятельных семей. Они все время были очень сильно накрашены. Туши-помады. Какие-то юбочки, кофточки. Все время какие-то шмоточки, лаки для ногтей. В общем, типа ухоженные. Были еще совсем обычные девушки, как это и бывает. Такие незаметные серые мышки. И еще было несколько таких, которые переходили из одной тусовки в другую. Ни то ни се. Вот такой у нас был состав разношерстный.

Через год я уже ко всему этому привык. Так что они потом начали делиться со мной. Я стал для них какой-то подружкой в мужском обличье, мы дружили. С их стороны возникали какие-то там симпатии ко мне. Но дело в том, что, когда их тридцать, какой-то особой конкуренции быть не могло. Потому что для них для всех я был Рома. И если одна пыталась как-то заигрывать со мной, пыталась завязать серьезные отношения, то в коллективе это сразу пресекалось. Они не заигрывали. Да, они целовались со мной. Но так чтобы я был для кого-то отдельно кем-то, такого не было. У нас был коллектив. Может, кто-то что-то и хотел, но я этого не видел. Это была подростковая дружба. Где все было можно. Где по дружбе можно было и полапаться, и заниматься сексом. Да, по дружбе. По дружбе! По-другому и быть не могло. Потому что коллектив был достаточно мужской, как ни странно. Это были амазонки. У меня больше такого опыта не было в жизни никогда. Они были настоящей стаей из шестнадцатилетних девчонок. Очень безумная стая. Их боялись. И меня никто не мог обидеть. Там было много очень красивых девушек, и если какие-то ребята из училища пытались как-то пошутить или еще чего, да? Эти девушки могли без проблем расцарапать лицо. У них парни — таганрожские дворовые авторитеты. То есть когда их пять человек и один парень начинал

возмущаться по какому-то поводу, они его запросто могли порвать. И за это им ничего бы не было.

На 23 февраля все они дарили мне подарки, точнее, один общий делали. Брали бухла, мы шли во двор и отмечали все это дело. Наступало 8 Марта, и они опять мне дарили подарок, брали бухла и опять же во двор. Ведь я же один у них. И они прекрасно понимали, что я не мог дарить подарки каждой из тридцати одной. Поэтому подарок дарили мне. Ну что дарили... одеколон какой-нибудь, открытку. Блок дорогих сигарет. Я помню, они в кафе отмечали 8 Марта, и я вместе с ними. Открыток не помню, но чего они мне там писали...

Потом наступила практика, и мы месяца на два-три поехали строить, отделять какой-то объект. Мы жили в вагончиках для строителей. В вагончике была кухонька, раздевалка и, как в купе поезда, четыре лежачих места. Я переодевался с ними, они при мне раздевались. Я при них, они при мне. Нет, меня, конечно, возбуждало это все. Но я уже не реагировал на них как на полуголых девушек, потому что это были мои подруги. Это были просто мои боевые подруги, которые бухали со мной все подряд. Целовались по пьяни, потом говорили: «Э, Ромка, да все нормально!»

Мои амазонки знали, что я играю. Я брал с собой гитару на практику в эти вагончики и играл им. Потом она мне понадобилась на чердаке, и девчонки привезли мне другую. Для амазонок я играл разные дворовые песни. Они так слушали! Бывало, что и плакали. Они меня за это все время кормили, поили. То есть вкус к популярности, надо полагать, у меня тогда еще был воспитан!

Мне это очень нравилось: я играл песни про любовь, а девчонки плакали. Про любовь, про Афганистан, словом, обычные жизненные песни. Когда парень любит девушку, а она его, но у них есть какая-то проблема. Короче, про современных Ромео и Джульетту. Они все

время просили меня петь. Я, конечно же, стеснялся. Будучи стеснительным молодым человеком, я не мог выпендриваться. Я не знал, как то, как это играть. Но все-таки пел. А стеснялся я от такого количества людей, которые меня слушают. Все время был мандраж. Каждая песня — мандраж. Но я все равно пел.

Иногда меня упрашивали, иногда сам играл. Но больше упрашивали. Потому что, когда просили сыграть одну и ту же песню на протяжении недели каждый день, мне уже не очень хотелось. А им очень нравилось, и они меня уговаривали.

На практике мы штукатурили девятиэтажный дом. Был обед, девчонки приносили самогон. После такого обеда штукатурилось очень плохо. Но я все равно вышел на красный диплом. Я неплохо учился. Мне дали повышенный четвертый разряд после училища, хотя максимум при выпуске дают третий. Всего их шесть. Шестой дают, когда человеку уже лет пятьдесят по выслуге лет. А мне по выходу из училища присвоили уже четвертый.

Я, вообще, пошел в строительный, потому что мне это нравилось. Пошел после девятого класса, не хотелось учиться одиннадцать лет — терять время. Я хотел закончить училище, после этого поступать в техникум или институт, учиться дальше. Так я получал и специальность, и среднее образование, подумал, что это будет разумнее — сначала училище. Да, мне это нравилось: вот абсолютно голая стена, а потом она ровная, покрашенная. Мне нравилось мастерить, что-то делать, преображать. Я и сейчас в Таганроге вижу дома, где я что-то делал. Их, конечно, не так много. Обычные жилые дома, в них живут обыкновенные люди. Районы, кварталы.

Вот так я доучился до выпуска. И уже к тому моменту у нас образовалась группа. Мы нашли барабанщика. У нас был гитарист, я был второй

гитарист, мы нашли девушку-клавишницу. Ее звали Оля. Мы играли в основном какие-то известные песни, начинали свои играть. Сначала писал Леша Черный, потом песни начал писать я. В конце концов Леша Черный ушел из группы, у него какие-то дела были непонятные, все взрослели потихоньку. И в какой-то момент я стал руководителем этого ансамбля, который носил название «Асимметрия», потому как в нем играли Леша Черный и Рома Белый, то есть я, Рома Билык по кличке Белый. После того как Леша Черный ушел, состав был такой: Иван на басу, я, барабанщик Зыка Сергей и клавишница Оля.

Появилась Оля вот как. Мы все искали кого-то, кто умеет играть на фоно. И вот мама выяснила, что у ее подружки есть дочка, которая учится в музыкальной школе. Мы ее нашли, она тоже в центре жила. Пришли, послушали. Сказали: «Хочешь в группе играть?» Она такая: «В группе?» Не фифой была, но очень спокойная. Мы говорим: «Давай, давай! В группе на синтезаторе — это ведь круто!» На «ионике», как тогда называли. Как у Чиж — «и конечно, ионика».

Я пытался с ней роман завести, однажды целовались на море. Я даже песню после этого написал. Романтическую. Про море, про корабли, которые ждут какое-то наше тепло... Уж такие я песни писал. Но что-то у нас ничего не получилось, я не стал ничего предпринимать, мы остались друзьями. Она все время была немного не здесь, не понимала, что происходит. Все время в себе, очень вялая. Не капризная, нет, а просто очень спокойная. И в конце концов она покинула коллектив. А потом вообще стала реже с нами встречаться. Да она даже не тусовалась!

Так что личной жизни как раз особо-то и не было. Потому что все мои девочки и были этот амазонский коллектив. Я не выделял из них никого. Было просто какое-то количество девушек, с которыми я общался.

Либо детдомовские девочки-хулиганки, либо эти фифы. Но они тоже дружили с хулиганками, и это была одна большая компания. Каста. Интересно было и с теми, и с другими. Но с фифами все-таки больше, потому что они были не то что более женственны, они умели еще и заигрывать. Какие-то нежности разные оказывать. Те были заняты больше своей жизнью, которая у них была тяжела. А эти — освобожденные от таких проблем. Детдомовские жили в общежитии при училище, а фифы домашние, но тоже девчонки не промах!

Потом у меня появилась девушка с этого двора на Итальянском, где был чердак. Звали ее Юля. Спустя несколько месяцев, как я вернулся в Таганрог, мы отмечали мое шестнадцатилетие на ПМК. Какая-то там Передвижная механизированная колонна, сокращенно — ПМК. Нет, это был не промышленный район, обыкновенный спальный, на выезде из города. Пятиэтажка. Окна мои выходили уже в поля. Мой дом встречает тебя первым на въезде в Таганрог со стороны Ростова. Мы переехали туда не знаю зачем, это надо у мамы спросить. Это был другой уже дом, мой старый таганрожский двор из детства остался в центре.

Я пригласил друзей, своих старых таганрожских приятелей. Народу было — человек десять. Конечно же, приехал Леха из Мариуполя. Иван, все его знакомые, с которыми я уже поневоле подружился. Все они тусовали вместе, и я как бы к этой компании присоединился. И была как раз с этого двора на Итальянском девушка Юля.

Шестнадцать лет. Мама куда-то уехала, чтобы сын нормально отпраздновал. У нас была целая ночь. Мне, как это бывает, надарили какие-то подарки ненужные, непонятные вещи. Например, набор стаканов каких-то. Ну на фиг, а? Единственный подарок, что мне запомнился, это был блок сигарет «Магпа». Красная пачка такая. И мы всю ночь курили эти сигареты на

балконе, после чего я эту «Магну» в жизни своей больше никогда не курил. И вот я попытался к этой Юле как бы приставать. У нас была однокомнатная квартира, и был такой закуток, туда вешалась занавеска и получалась еще маленькая комнатка. Там, на кровати, я попытался заигрывать с этой Юлей. Я попытался чего-то там пощупать, поцеловаться... Ну, как-то так, по-обычному.

А с Юлей ничего не получилось. У нас с ней практически только ссоры и были. Ну, знаешь, как это бывает. Ты встречаешься с человеком, и все время какие-то претензии, ссоры, обиды. Я сейчас понимаю, что достаточно бессмысленные. Я куда-то не пришел, она куда-то не пришла. Кто-то чего-то сказал, я, она. Такое все — мелочи сплошные. И в конце концов мы разошлись. Ссоры не было серьезной, просто мы потом не здоровались. Скажем так, до этого мы целовались, а после этого нет. В этом вся разница. Но все равно тогда это был некий статус: ты встречался с девушкой.

РЫБАЛКА

Когда мы начали играть на чердаке, это была просто самодеятельность. Мы тусили в своей компании и бренчали для собственного удовольствия. А когда стали более профессионально заниматься, нашли репетиционную базу. Таганрог-то небольшой город, и в принципе все музыканты друг друга знали. А мы еще тогда мало кого знали, но нам посоветовали: типа там есть барабаны и репетируют группы разные. Мы туда обратились. Это была база «Радуга» в районе, который называется Свобода. Там еще комбайновый завод рядом.

База — слишком громко сказано. На самом деле это был какой-то детский центр, клуб. И все это дело называлось «Радуга». Там была комната, где играли разные ВИА. Стояли живые барабаны, «Амати» какие-нибудь. Даже синтезатор был. Еще электрогитара, колонки. Все как у взрослых. И мы там начали репетировать. Тогда это было, скорее, увлечение, мы не думали, конечно, что будем какой-то там супергруппой. Даже не мечтали, чтобы нас все-все знали. Мы просто хотели играть и чтобы у нас были какие-то свои слушатели.

Амазонки? Да нет, они не в курсах были, потому что их это не интересовало. Там была жизнь абсолютно другая. Отдельная от всего. Так что и скрывать-то не имело смысла, они никогда не интересовались, а я им никогда не рассказывал. Мне же было совершенно по барабану, кем были их парни. Это были достаточно невинные отношения. Поцелуи, массаж — просто по-дружески. Бухануть вместе, на гитаре для них побренчать. Пикники какие-то за городом.

А моя компания была другая. Костяк такой: Иван со своей девушкой Наташей — они всегда были вместе, в конце концов и поженились. Я и еще два-три чувака: Вовчик — белобрысый наш живчик. Баран, он же Рома Стадников. Барана мы любили за то, что у него была машина. Точнее, у его папы. Папа был автослесарем, и полгорода к нему ездило ремонтировать машины, в основном иномарки. Хороший был мастер. А Баран ему помогал, поэтому папа время от времени давал ему свою «копейку». Если, допустим, нам надо было куда-то съездить, на пруд. Мы говорили: «Баран, давай!» А он такой: «Ну-у-у... я не знаю». И деньги у него все время были. Мы его все время на деньги разводили, на бухло. Никогда, конечно, не возвращали. Но он добрый очень был. Плюс еще вот эта Оля, клавишница, которая раньше всех ушла из коллектива. Кроме этих людей, в компанию постоянно вливались или покидали ее разные люди.

И все происходило так. У меня периодически появлялась какая-то девушка, я ее приводил к ним, они все сдруживались. Позднее я с ней ссорился, расставался, а она все равно оставалась в компании сама по себе. Я очень злился: «Что ты ходишь к моим друзьям?» — «А это теперь не только твои, но и мои друзья!» Некоторые девушки оставались, потом приходили уже с другими парнями. Я знакомился с ними, ни у кого претензий не было. Вот так вокруг нашей компании появлялись ребята и девушки, бывшие, не бывшие. Но мы, честно говоря, не многих пускали. Особенно ребят — третьи руки уже получалось. Ладно, девушка еще... тем более девушки в компании с девушками дружат. Мальчиков в компании они не делили. Мы этой компанией всегда обсуждали девок, которых я приводил. Ну, как обсуждали... «Да она у тебя больная какая-то!» — «Я знаю». — «Ну, она выдала,

конечно!» — «Ну, да...» — «Слушай, а эта у тебя клеевая». — «Да, точно клеевая!»

После училища свободное время я проводил с Иваном. У него я дневал и ночевал. Мы каждый вечер в беседке у него собирались. Терли, в карты играли, музыку слушали. Семечки, анекдоты разные свежие, они ведь не отличаются в мире. Во всех городах одинаковые. Я и сейчас-то не помню новых, они тоже как семечки — смеешься и забываешь.

Как-то 8 Марта мы переоделись с друзьями в женщин. Компания подобралась большая: я, Иван с Наташей, Вовчик, еще какая-то девушка. И мы все вместе отмечали праздник у меня дома на ПМК. Решили, уж если веселиться, так веселиться. Короче, мы с Иваном переоделись в женское. Нас девочки нарядили, покрасили густо, нашли какой-то парик.

И нам захотелось, чтобы кто-то это увидел. Мы все ржем, нам прикольно, а поделиться не с кем. И мы решили выйти в таком виде из подъезда на улицу. Но я сразу одумался и решил — лучше этого не делать, потому что могут не понять и просто дать в лоб. Когда мы спустились уже к третьему этажу, я говорю: «Не, ребята, пошли назад!» Ау меня ж каблуки... красавец! Мы поднимаемся по лестнице обратно на пятый этаж, домой. И тут как раз выходит мой сосед покурить. 8 Марта, он подпитый. «Ой, девочки, а вы к кому такие красивые идете?» А я: «Да мы к Роме идем, знаете такого?» — «Ой, какие девчонки! Повезло пацану!» В общем, он так и не понял, что я и есть его сосед Рома. Мы заспешили в квартиру, там кто-то оставался из наших. Мы постучались — типа четыре девушки. Он уже начал ухаживать за нами, так что мы быстренько позвонили в дверь, забежали. Долго ржали. Вот так сосед в меня влюбился слегонца...

Мы старой закалки были, поэтому наркоманов среди нас не было. Портвейн-то лучше! С водкой. Традиция

такая... Наркотики мы не употребляли. У нас везде росла конопля: что у Ивана рядом с домом, что у меня в конце двора рядом с туалетом. Такими кустами. Но она была нам неинтересна. Мы как южные жители знали, что такое «дичка», что такое «культура». Типа это дичка. Даже по цвету некоторые пацаны определяли: это дикарь, не прет. Но мы ее не пробовали практически. Так, пару раз нарвали, засушили. Но не пошло. Решили больше ее не трогать. Сейчас на том месте гаражи поставили, но она все равно по краям растет. Неистребима! Даже возле первого отделения милиции в городе на газоне росла конопля. Самогон был популярным напитком, а как же! Потому что водка продавалась не всегда и не везде. Или практически не продавалась в то время. Было вино. Вино мы тоже постоянно пили. А самогон можно было купить в любое время дня и ночи у бабулек, которые гнали и торговали.

Помню, отмечали шестнадцатилетие Ивана, и мы забухались, напились наливкой, я три дня не мог вылезти из его дома. И его мама держала нас с порога за шкуру: в одной руке он, в другой — я. За шкварники. И мы блевали дуэтом. Потом я упал, говорю: «Рома, я пойду домой!» Его мама говорит: «Куда ты пойдешь, ты видел себя в зеркало?!» А я рвался, когда они меня вдвоем держали: «Нет! Мне срочно надо домой! Меня ждет мама!» Ромина мама говорит: «Твоя мама тебя в таком виде не узнает!»... Очень хорошо я это запомнил, как она нас держит за шкирман, и мы такие вместе «Бэ-ээээээ...» — два блюющих подростка.

С этим много историй связано... Как-то у Вовчика белобрысого старший брат уехал куда-то с женой. И мы завалились к нему. Иван где-то нашел чемодан денег — советских рублей. Разные купюры: рубль, трояк, пятерка, червонец, четвертной. Целый чемодан денег, которые кто-то не успел поменять в свое время, и эти деньги уже не ходили. И представь: мы всю ночь сидели

за круглым столом и играли в преферанс на эти деньги. Мы разделили сначала между собой, а потом на них играли. Сидели, курили. И еще у Вовкиного брата были настойки, наливки всевозможнейшие: на вишне, на малине, на дыне, на разных фруктах. Короче, в водку или спирт забрасывают фрукты, и в десятилитровых баллонах все это дело настаивается. Мы сначала пили свое, потом оно закончилось. Где самогона взять, мы не знали, а ехать к известным точкам далече, да и не хотелось. И мы решили найти что-нибудь дома: мы облазили все шкафы, весь погреб, ничего не нашли. «Нет!» — Вовчик говорит. «Точно где-то есть!» А там, в доме, был такой проход к ванной. Ванная была типа бассейна, вырыта и выложена плиткой. Там стоять можно было. В ванную вела дверь из коридора, мимо которой мы все время ходили. А рядом с дверью — такая кишка, где все эти баллоны с наливками и стояли! И кто-то кричит: «Нашел! Они под носом стояли!» И мы давай оттуда сливать понемножку.

В общем, мы всю ночь пили. Баран принес пневматический пистолет, из которого шариком стрелять можно. Мы ставили пустые бутылки и по ним стреляли под утро... Мы очень много выпили этой наливки, и Вова все время кричал: «Приедет брат, он меня убьет!» Мы же все выпили практически. А мы такие: «А давай туда воды подольем, он ничего и не заметит сразу!» — «Давай!»

Потом полезли в этот бассейн. А Иван очень любит баню. Там температура была высокая — аж пар шел от воды. Мы вдвоем залезли. Помню, на стене висел градусник большой. Иван говорит: «А давай его засунем в воду!» А в воде — 80 градусов! Я кричу: «Черт! Да мы щас тут сваримся!» А мы так все по чуть-чуть температуру прибавляли, прибавляли — потихонечку же не заметно. Вылезли мы, снова сели в преферанс

играть, на бабло пачками. Очень кайфовая вечеринка была!

Таких было много в то время. Мы выезжали на море с шашлыками, с самогоном. Пели песни под гитару. Наташа любила, когда песни поют. Причем песни, которые она сама знает. Ну, допустим, «Так вперед за цыганской звездой кочевой...». И вот мы каждый вечер, когда у нас туса, как выпьем, поем одни и те же песни.

С закусью было все просто: все есть, все растет. Черешня, персики. Идешь по улице в частном секторе мимо домиков, а прямо на улице растут вишня, яблони, груши. Виноград лезет прямо из-за забора и свисает гроздьями. В каждом доме есть железные ворота, по которым сползает этот виноград. Идешь по улице, рвешь, ешь. Ты мог пройти улицам по трем, и у тебя в руках мог оказаться здоровенный пакет с фруктами. Даже останавливаться не надо. Абрикосы еще. Грецкие орехи, когда осень. Все есть — подножный корм.

А с неподножным были проблемы. У меня из параллельной группы в училище была девушка, танцовщица. Она танцевала какие-то бальные танцы... фифа, короче. Как-то была очередная самодеятельность в училище, мы вместе все там выступали, а потом пошли на пляж: Черный, Иван с Наташей, эта девушка сумасшедшая. Она забежала домой, взяла бутылку самогона литровую. А тогда появились все эти «сникерсы», «баунти». Мы купили на закусь батончик «натс». И на пляжу этот литр самогона под один «натс» уничтожали. У нас осталось порядком самогона, мы закопали его в песок, потому что больше не могли уже пить, типа обязательно сюда вернемся еще раз. А у нас барабанщик появился, очень хороший парень — Игорь из Тбилиси. И он чего-то замечтался, выпивает и такой в раздумьях откусывает пол этого «натса», что-то рассказывая. И мы такие смотрим на него: «Игорь, что

ты делаешь?! Мы там чуть ли не по пол-орешка оттуда достаем, а ты?!» — «Ой, извините, я задумался...»

Вообще, на море ходили нечасто. А море — это отстой. Лохи ходят на море. Ночью еще ладно, где-нибудь вдалеке от пляжа, с костерком, а так море — только для приезжих. Оно для местного жителя, живущего на море, ничто. Это всем известный факт. Потому как к хорошему привыкают, к тому, что у тебя всегда под боком. Поэтому море для меня было таким местом, где можно было разве что развести костерочик, неподалеку от пляжа, и вечером бухануть и, может быть, изредка покупаться. За все лето, может, раз-два побывать на море. А что романтика? Романтика есть всегда. Понимаешь, когда романтика всегда, романтики нет. Ты к этому привыкаешь. К красоте. И ее не замечаешь. Романтика была абсолютно в другом: бухнуть, уехать куда-нибудь, познакомиться с какой-нибудь девушкой, поцеловаться. Что-нибудь устроить. Найти денег. А еще замутить какой-нибудь концерт.

Или в Мариуполе, когда я к Лехе приезжал, мы ставили палатку у него во дворе, в саду. И в этой палатке пили. Нам было кайфово: костер разжигали, сосиски жарили. Его мама все время говорила: «Зайдите домой. Холодно!» А нам было классно.

За романтикой мы ездили. Куда? В Танаис, например. Между Ростовом и Таганрогом есть такое древнее поселение. Там сейчас деревня, а вообще-то там древние скифы жили. Чуть ли не амазонки. Реально. Там все время проводились раскопки. Туда немцы приезжали, итальянцы. Вся тусня. Летом всегда собираются барды, художники-хуежники. Все отрепье, которое не хочет работать, а хочет тусить. Ну, тогда это было круто. Мы ездили, знакомились с людьми, пили медовуху, дешевое вино. И были счастливы.

Или выезжали компанией с палатками на пруд. Море — не кайфово. Вот на рыбалку — это да. На нее не

хватало времени. Постоянно был занят какими-то делами. И для полного кайфа с удочкой не хватало времени. Как обычно: то деньги надо было зарабатывать, то учеба. Музыка. А рыбалка была очень редким событием. Идешь на выходных к морю на рыбзавод. С дочкой. Донка-то что такое, знаешь? Донка — это такой груз большой, леска и на ней крючка два-три. Ты раскручиваешь ее, забрасываешь. Без поплавок, без удилица. Она натянута, сидишь, смотришь, она дергается — клюет, и ты вытаскиваешь. Можно было наловить бычков. Бычки — это рыба такая. Наловишь десятка четыре-пять, пожаришь и кушаешь.

Мы любили ходить на рыбалку, но не часто у нас получалось. Однажды пошли. Иван, Леша Черный, я — Рома Белый, решили пойти на утренний клев. Я приготовил удочки, рюкзак с едой. Мы решили собраться с вечера, пойти к бабушке Леша Черного, которая жила у старого вокзала, переночевать и утром от нее уже на электричке поехать на рыбалку. Я собрался, говорю: «Мама, я поехал!» Пятое-десятое. А мама говорит: «Меня тоже сегодня не будет, так что бери обязательно ключи». — «Хорошо», — говорю, а сам думаю: «Вот жалко-то! Квартира пустая, а я на рыбалку». Но я очень люблю рыбалку, поэтому не сильно расстроился. Я прихожу к Ивану: «Ну че, давай до Черного, а от него к бабушке». Мы собрались, еды какой-то набрали, шашлык: маринованное уже мясо, я сам приготовил все. И вот мы с большими рюкзаками с едой, с выпивкой пошли. С собой удочки, донки, червяки, приманки — все, что надо. Вещи какие-то старые, чтоб не жалко пачкать. А уже достаточно поздно, часов одиннадцать-двенадцать ночи. Приходим на старый вокзал, где живет его бабушка. А у бабушки, надо сказать, был волшебный подвальчик. Погреб. Там у нее стояло два ящика старой водки, еще в «Чебурашках». На этикетках было написано «Русская

водка». И пробки не завинчивающиеся были, а из алюминия с таким козыречком. Как-то она называется смешно, вроде «кепка». Старая водка, чуть ли не 80-го года, брежневская. Мы частенько оттуда тягали эту водку. Бабушка лазала туда за соленьями, а эти ящики стояли в углу — стратегический запас. Она-то не пила эту водку. И накануне мы были у нее, то ли помогали, то ли что, залезли в погреб и натырили этой водки. Леша стучится типа: «Ба, это мы!» — «Какие еще мы?! Ночь на дворе, идите, откуда пришли!» Он ее не предупредил, что мы придем. А может, обиделась, что водку из погреба утащили. Короче, мы стоим и понимаем, что бабушка нас не пустит. Реально не пустит. Ночевать негде.

На дворе ночь. Иван говорит: «Я домой не пойду! Что за глупость! Мы собрались, отпросились, а тут такой облом — прийти домой, лечь спать, и ничего не будет!» Ну и что делать? Стояли, что-то думали, что с этим делать, куда идти. И я говорю: «У меня свободная квартира. Пойдемте, поспим, а утром поедем на рыбалку». И мы такие радостные от старого вокзала пытаемся добраться до меня. Денег нет, троллейбусы не ходят, трамваи тоже. И мы идем пешком на край света, на ПМК. Идти достаточно долго, часа полтора-два, наверное. Мы идем по дороге, по улице Дзержинского. Такие радостные, нам прикольно. Мы в походе, в походе ко мне домой. Сейчас сядем, выпьем. По пути еще прикладываемся чуть-чуть. Так чтобы для настроения — тонус не терять. Останавливаемся периодически возле колонок, пьем воду — запиваем водку. И вдруг кто-то из нас говорит: «Смотрите, троллейбус!» Мы видим какие-то огни. Номер, естественно, неизвестно какой, но мы-то знаем, что идти он может только в мою сторону.

Мы выбегаем на дорогу, орем: «Остановите, пожалуйста!!!» Он подъезжает ближе, и мы видим

большой ЗИЛ с кузовом. А на табличке, которая нам светила из темноты, написано: «милиция». Это оказалась большая милицейская машина, на которой в кутузку отвозят. Милиция, прикинь! Мы — в кусты. Все разбежались в разные стороны. Я никого не могу найти, блин. Машина спокойно себе проехала. Мы кое-как собрались. Смеялись очень долго. С горем пополам дошли до моей квартиры. Проголодались жутко, решили поесть. Пожарили шашлык на сковородке.

Черный начал какое-то блюдо готовить. Он, короче, все, что у нас было: сыр, какие-то остатки чего-то, колбасу, овощи — все это покидал на вторую сковородку и засыпал сыром, какими-то соусами залил, майонезами. И назвал это блюдо «Асимме-труха». Мы достали все, что у нас было, нам же надо было закусывать — молодым организмам. Мы выпили, просидели до утра. Я помню прекрасно, у меня был магнитофон — кассетник «Весна». Черный тогда очень любил группу «Чайф». У него была кассета с песней «Внеплановый концерт на кухне». И вот мы эту песню на кухне, пьяные все, распевали до утра...

Рассвело. И мне все-таки приспичило пойти на рыбалку. «Все, встаем и идем на рыбалку!» — «Да ты на нас посмотри, чувак! Какая рыбалка?!»

Но я все-таки вытащил их из дома. «Ладно, никуда не поедем, пойдете к ближнему морю, сядем там где-нибудь!» А ближнее море — это северный район, там металлургический завод и море. Еще есть лодочная станция в Андреевской бухте. И там, у этой лодочной станции, мужики что-то ловят. Тарана какого-нибудь. И мы опять же пешком поперлись с удочками через весь город. Червяков потеряли. У нас в рюкзаке остается колбаса копченая и хлеб. Мы приходим, садимся. Пьяные-пьяные. Разматываем удочки. Червей нет. Я говорю: «А давайте на колбасу попробуем!» Я режу колбасу. Закидываем — не берет. Понимаем, что без

червяков рыбалки не будет. Мы идем к мужикам. У нас осталось немного водки. Предлагаем бартер: «Мужики, давайте мы вам водки и колбасу, а вы нам червей?» Они, конечно, согласились, дали нам червей. Но у нас все равно ничего не получилось, рыба не клевала. Я, помню, бросил удочку, в лом было тащить ее обратно. Мы опять вернулись ко мне и легли спать. Вот так вот мы съездили на утренний клев.

А! Еще один раз я на рыбалку ходил. Я ведь очень люблю рыбалку. Меня трясет, когда я подхожу к воде... Я рано утром решил пойти на рыбалку. Взял с собой донки, резинку. Резинка — это груз, резинка и леска с крючками. Как действует эта хрень, да? Ты берешь за груз, накалываешь на крючки червяков. И просто зашвыриваешь подальше. Все. Груз падает, крючки все уходят в воду. И когда рыба клюет, ты просто тянешь за леску, резинка растягивается, ты вытаскиваешь рыбу, снимаешь с крючка, потом отпускаешь, и резинка снова оттягивает в воду всю эту конструкцию. Не надо все время забрасывать: просто вытащил, снял и отпустил. Короче, очень удобная вещь.

И я рано утром забегаю к Ивану (он по пути на море живет). Говорю: «Иван! Пойдем на рыбалку!» — «Чувак, какая рыбалка? Я сплю!» — «Ну и сиди дома, а я побежал!» И я прибегаю на рыбзавод, на стенку так называемую. Бетонные плиты в воде, уходящие вглубь. Они как бы очерчивают акваторию рыбзавода. Я прибегаю, а там сидят такие утренние сонные мужики. Посмотрели на парня, который так бодренько забежал. Мне же не терпится скорее забросить. Что я и делаю: быстро все разматываю, насаживаю червяков на эту конструкцию, размахиваюсь и забрасываю. И эта штука летит и... улетает в море. Я забыл все соединить. У меня все улетело: в руках остался кусок резинки.

Я стою и вижу: все, кабздец! Я постоял, пнул со злости банку с червями и пошел домой. Понимаешь,

какая картина? Сидят мужики, а тут чувак радостный прибежал на море, зашвырнул удочку в воду, пнул банку и ушел. Они так посмотрели на меня: ну, нормально парень порыбачил!

Я захожу опять к Ивану, говорю: «Долбаная рыбалка! Дай мне какую-нибудь удочку!» Он такой сонный: «Что такое?» — «Да я свою, блин, выкинул!» Он мне потом рассказал: прибегает Рома такой радостный — пошли на рыбалку, убегает, прибегает через десять минут — дай удочку, я свою похерил. Рыбак, бля!

Вообще, в городе рыбалка была достаточно популярная вещь. Можно было сидеть на набережной возле яхт-клуба с удочкой и ловить бычка. Люди ходят по набережной, а ты сидишь и ловишь рыбу. Потом собрал удочку, пошел домой, накормил кошку. Смотря что наловишь. Маленькую рыбешку, которую тяжело потрошить, можно и кошке скормить. Не могу похвастаться каким-то сказочным уловом. Есть такая рыба речная — сазан. Сазана как-то поймал на донку килограмма на полтора. Мы специально ездили на реку Миус, что впадает в Азовское море, и там ловили рыбу. На обычную удочку поплавочную я поймал рыбу под названием чехонь. Сколько сантиметров? Тридцать с копейками. Она такая вытянутая, тощая, но жирная. Когда ее солишь, прямо жир течет.

ДРАКИ

Потихоньку о группе «Асимметрия» стали узнавать в городе. Она уже «вышла» с чердака. Мы выступали на всяких самодеятельных концертах в связи с какими-то праздниками или политическими мероприятиями вроде выборов. Местный комитет по делам молодежи выделял какие-то средства. Их часть шла на организацию мероприятий, где играли местные группы.

Что играть, мы не знали, и как это делать — тоже. Я начал писать песни, когда из группы ушел Леша Черный. Не было у нас с ребятами никакой конкуренции! О чем ты говоришь! Была просто идея. Мечта. Играть вместе. Причем играли все, кто хочет. Не было такого — сесть, прислушаться друг к другу, чтобы как-то все зазвучало ритмичнее. Мы даже об этом тогда не думали. Мы просто играли кто как умел и как хотел. Что-то из этого получалось. То есть лидером-то был я. Приносил песню, мы ее кое-как делали. Но я не мог отследить и понять многих музыкально вызвали, чтобы родители заплатили административный штраф и чтобы им прочесть нотацию. И мы садимся в трамвай с мамами, сейчас типа начнется. Мама о чем-то друг с другом трещат. Приезжаем, заходим в кабинет. Там сидит тетушка лет пятидесяти-шестидесяти, такая вся правильная, в очках. Мыра. Мы сидим вчетвером напротив нее, и она начинает читать мораль: «Вы знаете, алкоголизм... все дела... а кем они вырастут? Почему не следите за своими детьми? Сегодня они ругались матом, а завтра они станут преступниками! Нужно следить за воспитанием детей! Как не стыдно!»

Мы сидим, втыкаем. А напротив нас на стене висят разные агитационные плакаты типа «Мама, не пей!». И висит среди них один плакат здоровый: на черном фоне

желтый цыпленок, а вместо лапок у него — два штопора. И что-то написано. Мы переглянулись с Иваном, и у нас началась истерика. Мы начинаем давиться — ведь нельзя же смеяться. А мамы все поняли, тоже сидят и сдерживают смех, их тоже давит слегка.

Мымра видит, что нам нехорошо, говорит: «Вам стыдно, ребята, да?» Ну и после этого мы, закрыв лица руками, мычим типа: «Да, да, нам так стыдно!» Она такая: «Выйдите, ребята!» Мы выбежали с диким хохотом на улицу, нам было стыдно туда возвращаться. Выходят мамы: «Что же вы делаете! Хоть бы дослушали до конца!» И мы заплатили какой-то там штраф и поехали по домам. Нет, мама не грузила меня. Мама хорошая...

Меня вообще мало воспитывали. Мама говорила: «Это плохо, сынок, а это хорошо. А так лучше не делать». Воспитание в основном проходило на улице. Всем же понятно, что такое дружба, что такое добро, что такое зло. У нас была хорошая компания, мы все прекрасно понимали. А ссать в мыльницу в сортире первого в Таганроге казино — это не зло. Это ребячество. Для того, чтобы было весело. Для адреналина. Чтобы потом не выйти с ножом и кого-нибудь не порезать. Я прекрасно понимал, что это плохо, но единственное зло я причинил умывальнику. Это предмет неодушевленный. Убрать стул из-под друга — тоже не зло. Насыпать соседу в лимонад соли, перца и всякого говна — тоже не зло.

Бывало, в городе люди выходили с ножом, бывало. Время такое было. Ростов, все знают, криминальный город. А Таганрог был изначально милицейский город. Но разницы никакой — милиция все держит вместо банд. Вместо братков — одна большая крыша, которая называется милиция. Но даже при милиции все равно бывали случаи. Вспышки насилия. И все сразу сто,

называется «пятак» — огороженная площадка, залитая бетоном. Там сцена, на которой стоят колонки. Плюс какая-то простая светомузыка. И крутятся песни. Вход на «пятак» стоил рублей пять. Весь город съезжается вечером на дискотеку. Все танцуют на этом «пятаке». По краям стоят лавочки. Народ сидит, курит, что-то выпивает. Возле самого «пятака» на площади тусуются люди: встречаются, расходятся. Некоторые приезжают на дискотеку драться. Не танцевать приезжают, а реально драться. Ну, да, типа того — мужики не танцуют. Они приезжают просто на разборки. Для начала драки нужен очень маленький повод. Если ты вдруг подойдешь к какой-то незнакомой девушке, начнешь общаться, и вдруг окажется, что это девушка тех парней. А они в принципе и используют эту девушку как приманку, для того чтобы получить повод к драке. И начинается пиздиловка. Очень серьезная.

Мы попали только один раз. Совершенно случайно. Такая атмосфера! Я стою и понимаю, что никто не танцует. Все ждут, когда начнется. Они, конечно, танцуют, но практически на пределе, в ожидании. Все ожидают удара. И так озираются по сторонам — ничего еще не началось? Не, ничего, можно танцевать. И все ждут, откуда же в этот раз начнется волна. И начинается! Один на другого: «Ты откуда?» Подтягиваются друзья, постепенно человек двадцать-тридцать. Начинают бузить. Мочилово начинается — район на район. Потом с клетки всех выгоняют наружу. Эта толпа сама выходит, и там уже вступают зрители, ожидавшие начала. И тогда начинается очень большая пиздиловка. Дискотека пустеет, остаются девочки, какие-то парни непонятные. Девочки начинают визжать: «Перестаньте!» Некоторые девочки пытаются разнять, часть остается на танцполе. Драка большая длится полчаса, по-разному бывает. Потом потихонечку

рассасывается, люди возвращаются на «пятак» и снова танцуют. Вот такая дискотека.

Дрались до крови. Бывало, разбивали головы. Менты никогда не вмешивались. Они просто в конце уже приходили, забирали несколько человек: кого отправляли в больницу, кого в отделение. Мочили друг друга серьезно: кастеты, цепи, трубы. Пару раз под раздачу попадал. Было дело. Просто когда несется такая волна, ничего ж непонятно. Получаешь свое, падаешь, встаешь — о, круто, подрался. А с кем дрался, не видно, не разберешь. Волна захлестывает. Идет толпа дерущаяся, кто-то кого-то зовет, к тебе подбегают: «А ты че сидишь, бля?! Получай!» И хрясь в пятачину! Я ходил на дискотеку не драться, танцевать. Там, конечно, не каждый день были драки, раз на раз не приходилось. Бывало, что и попадало.

Подо что танцевали? Под песни разные. Доктор Албан — помнишь такого чувака черного? «It's my life»? А позднее какой-то рейв пошел. Тун-тун-тун. Скутер... Попсы откровенной не было. Рядом же Ростов — город, который всегда отличался музыкальной культурой, столица электронной музыки. Оттуда много разных групп вышло.

Да я не особо помню, как на эти дискотеки народ одевался. Ну как? Парни — рубашечки всевозможные, белые, черные, с золотом воротничок стоечкой. Помнишь, на рынках продавались? Тут еще цепочка на воротнике. Или просто майки... треники, кроссовки. Пытались выглядеть «правильно». Обычные черные туфли, черные брюки, черная майка. Наряжались, в общем. А девочки тем более. Все, что было модно. Не то чтобы с шиком. Мини-юбки, кофты — побольше секса. Чтобы красиво.

Но чтобы попасть под раздачу, необязательно надо было идти на дискотеку. Бывало так: сидим в центре где-нибудь, на лавочке в парке или еще где. Подходят

ребята. Типа сигаретку стрельнуть: «Привет, пацаны. А вы ваще откуда? С кого? Че делаете тут?» Сначала подоброму. Мы говорим: «Да мы из центра, здесь живем недалеко». — «Ну, пойдём отойдем, поговорить надо...» И сразу понятно, что сейчас будет. Так спокойно говорят: «Пойдем поговорим». Все! Значит, нужно либо убегать, либо идти и драться. Но чаще пытались как-то замять. Когда начинаешь пытаться с человеком разговаривать, то можно найти каких-то общих знакомых, Таганрог-то — город маленький, и в принципе все друг друга знают. Даже если ты с другого района, ты можешь назвать пару кличек с района, который против твоего. Клички дворовых авторитетов, достаточно взрослых людей, которые что-то там делают, машины воруют, например, хрен его знает. Так вот тогда есть шанс замять типа: «Брат, а ты знаешь Васю Кривого?» — «Все нормально, братан. Извини». Я с такими авторитетами не общался. У нас была своя дружная компания, тем более мы занимались музыкой, редко ходили на дискотеки, где основное мочилово и проистекало. Мы играли на гитарах и хотели заниматься музыкой. Мы, конечно, видели все, что происходит в городе. Но в этой криминальной волне не участвовали.

Но так было везде. Когда к Лехе в Мариуполь приезжал — тоже. Один раз я приехал к нему, и мы шли по району Ильича недалеко от его места. И там проходная металлургического завода и рядом кинотеатр с тиром. И мы туда часто ездили. Кто больше выбьет — вроде соревнования, прикольно. Не было такого раньше — выбьешь пять фигур и получишь игрушку. Не додумались тогда еще.

Мы с Лехой зашли выпить чуть-чуть в кафешку. А кафешка — пивнушка банальная на три столика. Заходит чувак, смотрит на нас долго, подходит: «Пойдемте, ребята, выйдем». Леха говорит: «Все, мы

попали, короче, сейчас нас будут рубить. Бабло забирать...» Мы подходим к официантке, спрашиваем, есть ли черный ход. Нету. И мы понимаем, что нужно выходить. Мы посидели, что заказали, так и не выпили от нервов. Вышли. Там еще один стоял. Они взрослее нас были. Два пацана: «А чего вы у нас тут делаете?!» — «Да вот сидим...» — говорим по-мирному. А они ни с того ни с сего: «А деньги?» — «Да у нас мало денег. Че скрывать-то? Мы, конечно, можем дать, но так чтобы не все. Сами понимаете...» То есть мы не нарывались. И тут один из них дает мне в лицо. Сильный удар в скулу. Такой «тыдыщщщ» с призвуком, что в кость бьется. Второй Лехе врезал. Деньги они так у нас и не взяли. Просто вломили слегонца и ушли.

Потом мы сидели с Лехой, выпили. Он орал матом типа «Я их найду, я приду с ребятами!» Прошло уже месяца три-четыре. И когда я в очередной раз приехал в Мариуполь, он меня встретил с автовокзала, говорит: «Ромка, я разобрался! Помнишь, к нам приходили? Я разобрался...» А он, короче, молодец, собрал своих ребят, вычислил этих чуваков — они все время там паслись и у пацанов, которые, видать, послабее и помоложе, отбирали деньги. Он их нашел, причем рядом с этим кафе практически. Приехал туда вместе с ребятами с Горького. Со взрослыми и большими. У него был пистолет газовый, баллончик. Леха практически один их «учил», а старшие стояли и смотрели. В общем, отомстил. То есть он не бросил все это дело, типа, ну, избили и избили. Нет! Он тех чуваков наказал жестко: они уже встать не могли, когда надо было срочно сваливать, потому что милиция приехала.

НАСТЯ

Все произошло очень быстро. Года полтора, не больше. В городе было несколько коллективов, которые были по местным меркам достаточно известны. Их знали, допустим, человек пятьсот. Была такая группа «Апогей», на тот момент самая известная в Таганроге. Ее знали даже в Ростове, где она периодически выступала. Много поклонников у них было, много девочек вокруг. И мы думали: «Да! Реально крутая группа!» Но проходит год, и мы становимся не то что конкурентами, мы становимся даже круче. Это было очень удивительно для меня.

Как-то после концерта мы с ребятами идем на пляж и слышим, как две чуть поодаль идущие девушки болтают: «А я знаю Рому Белого!» — «Круто!» — «Да, он такой...» А чуть ли не в метре от них идем. И я слышу их разговор, смотрю на эту девочку и понимаю, что в первый раз в жизни ее вижу. А ведь город Таганрог настолько маленький, что почти все друг друга знают. И девушек, которые знают меня, я уж точно знаю. И мне было очень приятно! Я подумал, вот он — миг настоящей славы! Про меня уже байки по городу расходятся.

В общем, действительно, парни для этого и играют на гитарах — чтобы девчонкам нравиться. А зачем играл я... Я тогда не задумывался. Просто писались песни, просто хотелось петь, выступать на сцене. Я не хотел, выйдя на сцену, завоевывать девушек, которые сидят в зале. Потому что и без этого уже круто. Что бы ты ни пел, это уже круто. Я пел, во что-то верил, непонятное даже мне самому. Но во что-то верил! В дух какой-то. В песни. О чем песня, сам даже не понимал. Мне было круто их петь, они что-то несли. Было

несколько групп, и вот они все соревновались. Кто как. Кто громче зарычит, кто круче, техничнее сыграет. Или у кого, наоборот, смешнее. Все выпендривались, показывали себя с разных сторон. А я пел песни.

И все это время ко мне приезжал мой друг Леха. Он очень обижался на меня, когда я из Мариуполя уехал. Я часто приезжал к нему, а он ко мне, в Таганрог. Помню, поехал к нему Новый год встречать. Говорю маме:

— Я к Лехе, в Мариуполь.

— Будь там аккуратней!

Она же видела меня с Лехой много раз. И знает его замечательно. И Лехина мама знает меня прекрасно. Знают они, что эти два человека — неразлей вода.

— Надолго?

— На два дня. На три — максимум. Отметим мы Новый год в Мариуполе и так увлеклись, что я вернулся домой только через восемь дней. Мы с ним жестко тогда бухали. Причем денег у нас не было. А день начинался с того, что мы просыпались в двенадцать, выпивали с ним бутылку водки на двоих под лимончик и приходили в норму. Это был у меня первый и последний запой в жизни. Когда я пил восемь дней подряд и очень жестко. У меня больше такого не было. Организм больше не позволил такого — перепил по молодости.

Леха часто приезжал, следил за всем, что у меня происходит. Даже на некоторых концертах в Таганроге он мне подыгрывал на трубе, он же профессиональный музыкант. Кстати, эта песня, которую мы тогда играли, будет на третьем альбоме. Чуть-чуть текст видоизменен, но песня та самая. Леха приезжал и грустил: «Круто, у тебя музыка!» А я ему; «Леха, ну какая музыка, тут болото, никакого выхода. Ничего больше». — «Да у меня в Мариуполе вообще ничего нет, меня никто не понимает. Мы сидим с гитарами, пытаемся группу сделать, но ничего не получается». А он в таком заводском районе тогда жил. Мариуполь —

город работающий. Там в основном работаги. Культуры, такой, как в Таганроге, нет. Богемы, которая ленится и ничего не делает, тоже нет. Ему очень нравилось в Таганроге. Он говорил: «У вас тут круто. Друзья хорошие. Цивильно. Вроде выпивают, но при этом песни поют...» В общем, он очень грустил. Он там остался, в том районе, а я тут в Таганроге чем-то занимаюсь. Ему казалось, что у меня тут круто. Но я понимал, что это тоже не круто. Ненамного лучше.

По городу наши записи практически не ходили. У нас были записи, но не студийные, а с концертов. У одного известного в городе музыканта был бобинный магнитофон «Ростов». И он как-то с пульта на концерте записал выступление всех групп, в том числе и нашей. И вот по вечерам мы слушали. Приходили к нему в гости, себе переписывали.

Кое-как по нашим поклонникам разошлось, но проще было прийти и вживую послушать те же самые песни. Кроме этой плохой записи с концерта, ничего не было. Группа «Апогей» однажды ездила записываться в Ростов на какую-то частную студию. И у них был вроде как свой альбом. А у нас не было. Завидно немного было. У них как-то все чистенько... Мы пробовали записаться сами, забивали электронные барабаны на машинке, живых не было. Было два микрофона «Электроника» с шапочкой...

Многие музыканты Таганрога, многие творческие люди работали сторожами в школах, в каких-то конторах. И по вечерам в этих школах, которые они сторожили, народ играл на гитарах, пел. Был в городе такой парень — Дима Селегин, музыкант. Он тоже был сторожем в школе. И у него там собиралась вся эта так называемая таганрожская музыкальная элита, начиная с людей тридцатилетних и заканчивая нами, семнадцатилетними пацанами. Конечно, все все друг про друга знали, кто какие песни поет, что играет.

Иван одно время тоже сторожем работал. Нет, не в детском садике — в женской консультации! Изредка по вечерам мы собирались у него на работе, до утра выпивали, играли на гитарах там в холле. Читали всевозможную литературу медицинскую, спускались в подвал, смотрели женские заспиртованные органы. Ну, да, не очень приятно, конечно, было, но очень интересно. Практически изучили всю женскую анатомию. Ну тебя! Не то что помогало... все равно прикольно. Было же интересно, как это все устроено. И что где находится. И откуда дети появляются. Мы там прикалывались. Наряжались в белые халаты. Очень смешной был случай. Просто отменнейший! Мы как-то сильно выпили и заснули, так получилось. Вот мы спали в кабинете у какой-то старшей медсестры. Небольшой такой кабинет был. А когда поутру проснулись, консультация уже работала. Иван меня будит: «Рома, вставай! Нам кабздец!»

Тут мама его заходит: «Вы че тут лежите, быстро уходите!» Обычно мы без проблем оттуда сливались утром. Но в тот раз консультация-то уже работала, народ уже сидит в коридорах! Я говорю:

— Как будем уходить?

— Надо надеть халаты, типа мы работаем здесь — аспиранты или еще кто!

— Давай!

Мы надеваем халаты, которые нашли в кабинете. Выходим. А от нас перегар — просто нереальный! Молодые парни в женской консультации, блин! Мы выходим, какая-то женщина подходит и говорит:

— А Мария Ивановна уже принимает? А Иван такой:

— Ее еще нет.

— А вы мне не подскажете, как ее найти?

Смотрю, Иван задумался, говорю:

— Пройдите в регистратуру!

Вот так. Не, слава богу, до консультирования пациенток не дошло! Она еще что-то там стала выпрашивать, я говорю: «Это в регистратуру!» И мы потихонечку, потихонечку, по стеночке выходим на улицу и бежим в этих халатах к Ивану домой переодеваться. Было очень смешно, ржали очень долго. Мы пытались сделать умные лица, когда выходили из консультации, но как-то не очень у нас получалось...

Плюс в этой музыкально-артистической среде вращались еще разные девочки. Тогда так было: в эту тусу приходили девочки, которые учатся в педлицее, педучилище или институте. Они любили поэзию, музыкантов, художников. И все время были проблемы у пацанов, потому что они на девушек западали, а те нередко переходили от одного к другому. Такие тусовые телки. Эти девушки сильно отличались от тех амазонок из училища. Они слушали, были достаточно умного вида. Типа интеллигентные. Нормальные девчонки. Но они были такие музы, принцессы. И при этом могли пить из горла. Муза, которая пьет из горла, — что еще нужно музыканту для счастья? Красивая девчонка и понимает тебя по-пацански. Еще и песни слушает твои. С одной такой у меня потом был роман.

Настя... Настя... Она была тусовщицей. Музой. Она была очень нежной. Пользовалась благородной, как мне тогда казалось, репутацией, не блядь то есть. Очень красивая. Очень добрая. Очень позитивная. Хиппи. Хипповая герла. Была вся в косичках. Она мне очень понравилась своим поведением, своей легкостью. Такая кошка добрая была...

Я помню, мы лежали в траве за зданием редакции газеты «Таганрожская правда», на лугу. Там еще был такой скос к морю. Мы легли на траву и начали целоваться. И я просто обалдел. Вот... Сразу влюбился безумно.

Мы гуляли, я часто приводил ее домой. Говорю: «Мам, это Настя!» А с Настей еще ее ребенок, мальчик маленький. Мама в шоке, глаза на лоб: «Господи! Рома, что ты делаешь?!» Ну, как обычно... Настя была не намного старше меня, ей было года двадцать два — двадцать три. В принципе, можно сказать, что первый сексуальный опыт — взрослый, который я прекрасно помню, все ощущения, все эмоции — был с ней.

Она была очень красивая. Худенькая. Загорелая. Она носила сарафаны. Вся была в бусах, в фенечках из бисера. Волосы темные, выжженные слегка. Лицом похожа на модель, которая играла в «Последнем герое», взрослая баба. Гомес, да? Только у Насти лицо было слегка более вытянутое и очень доброе. Она на кошку была похожа. Очень романтичная девочка. Все время мурлыкала. Фырррррр, фырррррррррр — вот так вот делала на ушко. Все время улыбалась. Выгибалась... кошка!

Она меня наряжала в бусы. У меня были длинные волосы, и она заплетала мне косы. Фенечки, бусы дарила. Настоящая хипповая девочка на полном позитиве. То есть вся в облаках. Мне это так нравилось. Безумно. Такая была у меня девушка...

Мы гуляли, ходили босиком по городу. Дети цветов — это так называется. Два долбоеба. Тогда я не думал, что это долбоебизм. Да мне и сейчас нравится. Можно и по Москве походить, но... Не то, что тогда, вера какая-то была. Просто проблем не было ни с чем. Больших проблем. Ну и что, что босиком? Меня не волнует. Мне нравится, и все тут. Я не задумывался, плохо это или хорошо. Да у нас и теплее...

Потом еще был момент, когда мы пришли ко мне домой. Почему-то никого не было. И она начала ко мне в комнате приставать. Это было что-то. У меня в голове картина до сих пор! У нее была очень длинная юбка в

цветочках. Блузка и юбка... И она... В общем, так села на меня, не снимая юбки...

С Настей мы как-то поехали выступить на стадионе в городе Новошахтинске, куда съехались музыканты из разных городов. По случаю каких-то выборов местных. Из Таганрога поехал два автобуса. В одном как бы тусовые ребята — просто молодежь города. Но они были все наши знакомые, все в контакте. А во втором мы — музыканты. С нами ехала тяжелая металлическая группа «Сакрум». Солистом у них парень, которого звали Кэб. Он читал жесткий рэп наподобие Дельфина. Или типа «Кес! Но! СЫШ Рерреге». Чего-то там тараторил та-та-та-та-та. Еще от Таганрога была «Асимметрия», еще какая-то группа, я не помню уже, и баянист.

Баянист был залетный, он периодически заезжал в Таганрог. Звали его Суса. Такой взрослый человек: ему лет тридцать с копейками было, когда нам по девятнадцать. И он как-то залетел в Таганрог, ему очень понравился город, как и многим заблудшим поэтам и музыкантам. Он снимал в городе квартиру, а летом уезжал на юга, на моря — на заработки, играл на улице и много денег зарабатывал. Он периодически то появлялся, то исчезал... Очень хороший музыкант был. Я иногда ему говорил:

— Суса, приходи к нам на концерт, подыграешь на своей гармошке.

— Да без проблем.

— Суса, хочешь песню послушать перед концертом, которую играть будем?

— А зачем?

И он приходил, звучала абсолютно не знакомая ему песня, а он подыгрывал с лету и очень в тему, без каких-то излишеств, как будто долго репетировал с нами перед концертом. И вот этот Суса тоже поехал с нами в Новошахтинск.

Это был такой обычный немецкий автобус, который по городу ездит. Мы веселые, все друг друга знаем, приезжаем в город. Там на стадионе стоит сцена, на ней какой-то аппарат. По тем временам мне это казалось очень круто! Что-то с чем-то!

И мы за сцену заезжаем, там еще ростовские музыканты приехали. И еще какие-то совершенно не известные мне «гости из Москвы», как представил ведущий концерта. Но это такие гости из Москвы, я тебе скажу... Какой-то танцевальный коллектив, какая-то дурочка поет под фонограмму и все. То есть не «Иванушки» какие-нибудь, а вообще непонятно кто. Левые люди.

И вот публика собралась на этом стадионе. А стадион такой: очень старый, по двум сторонам невысокие трибуны, лавки, а остальное — забор. Стадион — не стадион. Мы вылезли из автобуса, гитары начинаем настраивать — скоро выходить играть. Ведущий выбегает к нам, кричит: «Времени не хватает, давайте играть!»

А Настя меня нарядила: на меня всяких фенек повешала — на руках, на ногах. Я оказался такой... как елочка новогодняя, весь сверкал и блестел. Весь был увешан какими-то цветочками. Весь в бисере. У меня рубашка и брюки бисером все расшиты. Настя на меня все эти бусы повесила, у меня на шее был нереальный пучок бус разной длины. Фенек было по локоть на каждой руке. Да, я не шучу — феньки в несколько слоев. В волосы она мне заплела какие-то бусинки. У меня тогда волосы длинные были, так что полголовы — в бусах. Такой настоящий хиппи. Да и песни у меня были такие... немного с народным уклоном. Достаточно простые, даже не про любовь, а просто про весну, которая пришла в город, спустившись по какой-то там тропе. Ручейки, бабочки...

И вот мы выходим, начинаем петь. А людей не много на стадионе. Человек, может быть, восемьсот. Или тысяча, не больше. Но по тем нашим временам это было очень много. Люди, которые пришли, потому что скучно в городе: с колясками, с детьми. Мужики расстелили на поле газетки, сидят, выпивают. Хотят посмотреть диковинку.

Всего мы спели пять песен. Люди хлопают. Я думаю, о, круто! А после нас выступали металлисты из группы «Сакрум». Я спустился со сцены, радостный такой, иду к автобусу. И тут подходят два здоровых пацана. Огромные такие.

— Ну, чувак, ваще, прикольно. Чой-то на тебе — дребедень какая-то?

Настя подходит, говорит:

— Ром, пойдём!

— Подожди, тут ребята спрашивают. Ребята, это бусы.

— Бля, бусы в натуре! Во, даешь, красава, бля! А че ты так вырядился? Весь в блестяшках каких-то?

— Ну, это, понимаете... — И я с чистой душой стал объяснять, что это направление в музыке, стиль хиппи, миру — да, войне — нет. Мы за мир, мы — дети цветов. Вся фигня.

Настя первая поняла, что они не врубаются, и буквально уволокла меня в автобус, когда они уже пытались снять с меня все эти бусы на память.

И когда мы уже уезжали с поля, в нас полетели стеклянные бутылки, банки, кто-то с кем-то хотел драться, за нами бежали, пытались на мотоциклах догнать. В общем, чем-то мы им не понравились...

Мы ехали ночью обратно в Таганрог часов пять-шесть, такие радостные. Вина какого-то накупили, у бабок самогона взяли. Нас отсутствие успеха вообще не расстроило. Как нам казалось, мы выступили замечательно. Нам главное выступить, и мы выступили.

Когда туда ехали, конкуренты были друг другу. А на обратном пути уже наоборот. Этот вокалист группы «Сакрум» уже пел под баян вместе с Сусой «Соловьи, не тревожьте солдат». Мы остановились в поле — не то колесо пробилось, не то еще что-то. Развели костер. Допили все, что осталось. Ну и остаток времени до Таганрога спали вповалочку в автобусе. Приехали, радостные, утром. Так мы съездили в Новошахтинск. Дети цветов, короче.

А потом, помню, был какой-то праздник. Мы гуляли, шли компанией. Догулялись до глубокой ночи. Домой идти было уже нельзя, потому что там брат, мама. Нет, чтобы ночью, с девушкой — я такого себе не позволял! И я решил пойти с Настей на дачу. У нас была дача, даже не за городом, а в районе Русское поле. Мама купила, когда мы с ПМК переехали на Фрунзе, у нее оставались какие-то деньги. Она купила дачу чуть ли не за тысячу рублей — смешные деньги.

Я говорю: «Настя, пойдём на дачу!» Купили бутылку «Кавказа». Троллейбусы уже не ходили, поэтому мы целеустремленно за часик дошли пешком. А участок — шесть соток. Все в клубнике и тюльпанах. Потому что бабушка, которая маме эту дачу продажа, она любила тюльпаны, а клубника сама разрослась, она ж такая тварь — лезет во все стороны. Растет, все обволакивая собой. Несколько фруктовых деревьев: вишня, черешня, слива. И такой домик деревянный, небольшой, похожий на бытовку, представляешь себе? Строительный вагончик. Маленькая кухня, предбанник и комната с кроватью. Выглядит все это достаточно плохо по меркам москвичей. То есть все такое полудеревенское. Двери скрипучие. Фанера, на фанере обои. Какие-то стаканчики, полочки. Все самодельное практически.

И мы, немного пьяные, пришли рано утром на дачу. А там кровать... У меня коробка стояла с какими-то вещами старыми, нашли простыню, постелили на

кровать, а сверху висели какие-то занавески, знаешь, как у султанов — типа полога, да? И мы туда завалились и у-у-у-у... все случилось даже слишком быстро...

Но вот этот раз я запомнил. Она была настоящая кошка. Настя... очень мягкая. Мне это очень понравилось... Потом после этого она заснула. Я встал, собрал виноград. Там еще виноград в саду рос. Принес виноград, оставшееся вино. Вино она не стала пить. Мы попили чай. Виноград тоже никто так и не стал есть почему-то. И она говорит: «Мне пора, надо бежать». Я ее проводил...

Буквально после этого она уехала. Так же внезапно исчезла, как и появилась. Я даже ездил ее искать. Есть такой поселок Петрушино под Таганрогом, еще километров пять-семь от Русского поля. Пригород. Я ездил туда, кто-то дал мне адрес, где она живет с ребенком. Я нашел это место, но ее там не оказалось. Мне сказали, что она уехала к родственникам, а когда вернется — неизвестно.

И больше я никогда ее не видел. Никогда...

Это потом я узнал, что она встречалась не только со мной. Когда я приехал уже в Москву, я узнал, что она и с Валерой Полиенко, таганрожским музыкантом, встречалась, а он потом песню написал «Настя». От перевозбуждения, наверное. Эта девчонка, конечно, сводила с ума полгорода. И у меня с ней был роман...

Я догадывался о чем-то, но узнал только потом. Да я и не думал об этом. Как можно об этом думать, когда счастлив? Когда ты влюблен, тебе же все равно. Как можно думать, что вот она вчера была с каким-то там Димой Рябовым? Глупость. Ну и что? Мне-то кайфово. И когда Валера про какую-то Настю стал рассказывать, я говорю:

— Валер, подожди, а это не та Настя, которая...

— Та самая, — говорит.

— Ууууу, Валера! Мы с тобой повязаны теперь!

Нет, только позитив. Никакой ревности. К ней нельзя было относиться иначе. Может, поэтому с такой нежностью говорю о ней? Настя... Кошка...

ИРАИДА И ОКСАНА

Научиться нотам меня как в самом начале не прикалывало, так и потом, когда «Асимметрия» совсем уже не была «чердачной группой». Но мне было интересно пообщаться с людьми, у которых музыкальное образование есть. У меня были две хорошие подруги — студентки музучилища. Одна, кстати, Ираида, дописала для одной моей песни куплет. Ираида и Оксана. Они были моими соседками по ЖАКТу. ЖАКТ я тебе не расшифрую, что-то там «жилищное-коммунальное», это название вида жилья. Есть частный сектор, есть многоэтажки, есть дачи. А это ЖАКТ. Выглядит он так. Допустим, улица, на которой до революции жили помещики, элита города. Здания в основном одно-, двухэтажные особнячки. Представь себе маленький-маленький Питер: достаточно простые маленькие домики. Там жил барин, скажем так. А когда заходишь вовнутрь, то видишь, что у каждого хозяина особнячка было какое-то подворье. То есть внутренний двор, где находилась конюшня, жила прислуга, повара. Когда пришла советская власть, всех раскулачили, уплотнили, и эти постройки внутри двориков стали приспособлять под жилье. Основной дом тоже делили на квартиры с разными входами. Все очень хаотично. Во дворе колонка с водой. Это сейчас начали проводить водопровод, все удобства. А раньше в конце двора стоял туалет. На весь двор. И все это дело называлось ЖАКТами. В какой части дома жил я, непонятно: в дореволюционной или в новой. Там же постоянно что-то перестраивали, пристраивали. Мы когда туда переехали с окраины, я тоже сам пристроил кухню. Вытягивал фундамент, стены, кровлю. И комнату увеличил.

Вылезаю я как-то раз на крышу своего ЖАКТа, чтобы телевизионную антенну поправить. А так как соседний двор просматривался замечательно, увидел там девушку. Что-то там на улице делает, не то воду выливает, не то окна моет. Я типа кричу ей: «Привет!» И все дела. Она улыбнулась, и я решил зайти. Мы познакомились, потом она ко мне зашла в гости. Темные-темные волосы. Свои. Не очень длинные и не очень кроткие. Худенькая. Такая... девушка. Фифочка, ага, ляля-ляля. Кокетка. И стала она со мной кокетничать. Конечно! А я начал с ней любезничать. Это и была Оксана, которая снимала комнату во флигеле. А вторую комнату снимала Ираида. С ней я познакомился немного раньше, на какой-то обычной тусне. Я не знал, что она туда переезжает, и очень обрадовался, когда она моей соседкой стала. И я приходил к ним в гости, помогал по хозяйству, там, прибить что-нибудь. Обои поклеить, какой-то марафет навести. Я ж строитель. Кровать починить. Кровать, ну что ты так на меня смотришь? Что-то там упало, оторвалось, сломалось у кровати. «Рома, у меня опять сломалась кровать!» — «Что ты делаешь на этой кровати, Оксанка бессовестная?»

И мы тусили. Чаще всего я у них зависал. Чего делали? Выпивали все подряд, все что было: вино, водка, пиво. Готовили тоже все подряд. Оксана готовила какие-то супы, я капуст) тушил, чебуреки делал. Так как я готовил хорошо, я мог делать все что угодно. Шашлыки жарили во дворе. По вечерам пели песни. Хозяйка их флигеля сдавала студентам музучилища комнаты, потому что в каждой было по пианино. Ираида была старше и училась, кажется, уже на последнем курсе. А Оксана только-только поступила. И вот они играли на пианино и пели всякие песни. Ну, там из «Мэри Поппинс». Девочки. Такие девичьи песенки. Однажды я приволок гитару, и она

практически у них все время оставалась. Был такой момент, что я как будто туда к ним переехал. Ночевать оставался. Дом-то рядом. Внешне, конечно, мне больше Оксана нравилась.

С Ираидой-то я уже был знаком, она была такой подружкой. С ней у меня все нормально было, просто по-дружески. А с Оксаной — да... флирт. Мы крутили вещи небольшие. Ну как? Невинные, так, целовались. Я не замечал, чтобы у них была какая-то конкуренция из-за меня. Может, она и была, но я не видел этого. Или не хотел видеть. Я такого не помню. Я тебе сейчас фотографии покажу...

Оксана все время что-то рассказывала. Она по происхождению донская казачка из станицы Вешенской, откуда родом писатель Шолохов. Такая заводная. Трещит бесконечно, никогда не могла замолчать. Все время что-то рассказывала, всех дергала куда-то.

Когда Леха приезжал из Мариуполя в Таганрог, мы с ним вдвоем запуливались к Оксанке во флигель. Он еще застал это время, когда мы во флигеле тусили. И ему Оксанка очень нравилась. Но они просто улыбались друг другу, легкий флирт... А Оксанка-то была, знаешь, какая... Не то что ветреная. Ему хотелось какого-то развития.

— Ну, чего, — говорю, — Оксанка-то крутая?

— Ну да, крутая.

— Ну, так давай, замути темы какие-нибудь!

— Да я уже женат...

А Ираида приехала из Горловки, она была спокойная, уравновешенная. Скажем, барышня XIX века. Ну, не знаю, может, и тургеневская, я Тургенева не читал. Она верующая была — это точно, пела при храме в Таганроге. Но могла и веселиться без проблем, когда не было поста. Хотя и не очень любила тусовки глобальные. Она очень аккуратно к людям относилась,

потому что человек по-настоящему верующий. Прекрасно знала то, что я Неверующий человек. И поэтому, наверное, ей было интересно со мной общаться, что-то мне доказать и помочь мне. С ее точки зрения. Она мне доказывала на всяких примерах, что Бог есть. Я не отрицал этого. Но я ей говорил: «Да, но я верю в себя». То есть у меня другая философия. Она тоже не сопротивлялась. Я уважал ее мнение, а она — мое. И мы с этим нормально жили.

Она закончила музучилище по специальности «дирижер-хоровик». Оксана тоже по этой специальности училась. Две абсолютно разные девушки. Что их связывало? За ничего. Жили они в соседних комнатах. Ту и как бывает — познакомились соседки и дружат.

С девчонками я не консультировался, нет. Да и тайн-то у меня особых не было, дни спрашивали, как у меня дела, потом рассказывали мне — всю дребедень, связанную с их молодыми людьми. И я сижу, уши вянут, уже не могу слушать. А Оксана все тарыхтит про какого-то мальчика. Мне неудобно сказать ей, что мне мало того, что неинтересно, а как-то... ну, что мне парни? Чего про них рассказывать? Какая-то ревность была дружеская: что она мне про какого-то молодого человека, когда я здесь! А она начинает мне тут изливать...

Ну и они тоже не отставали, типа «Да зачем она тебе такая нужна!» Конечно, у нас ничего такого не было, но если у кого-то какие-то заводились романы, то другие немного злились. Такая дружеская ревность непонятная. Чего ревновать, если мы друзья? Какие могут быть претензии? Хотя это объяснимо. Ну как... Мужчины и женщины — они же разные. Что значит — «просто друзья»? Просто друзей не бывает. Это я только сейчас понял. Тогда я не знал, что дружбы между мужчиной и женщиной не может быть. Не

может, и все. Два разных пола — как бы они ни хотели дружить друг с другом, не выйдет. Они смотрят друг на друга как на объект. Ничего с этим не поделать. Ты не знаешь, а я знаю!

Были посиделки, Оксана, как обычно, щебетала, а мы выпивали и пели песни с Ираидой. Она подключалась, потом еще какие-то девчонки подходили из музучилища. Потом я брал гитару, и мы начинали петь песни на два голоса, на три, они же хористки. Тогда я в первый раз услышал, как люди поют в терцию. Мне очень нравилось. Я не знал, как это делается. Но я слушал и учился на слух. Профессионально петь научиться мне не хотелось. Мне просто показали, какие возможности могут быть у голоса, у музыки. Я так, на каком-то своем уровне учился у Ираиды. Как строить ту же терцию, определял на слух, не по музыкальным законам, не по нотам. Я и сейчас смогу без проблем спеть в терцию. Как гитаре учишься во дворе, так и тут привыкаешь слышать, как правильно, а как нет.

Я им пел свои песни. С Ираидой даже пел одну, как раз в эту самую терцию. Красота такая... Слова там были примерно такие:

Веселей, зима.

Вьюга веселей.

Береги меня от дурных вестей.

У меня, вообще, песни на тот момент были достаточно мечтательные. Ничего не понять. Но я верил во все, что я пел. Да и сейчас верю. Я так верил, так писал, так жил. Был максимализм, высокие фразы. Мир во всем мире... Очень непонятные, абстрактные вещи, но очень позитивные. «На твоём лице капли хрусталя». Почти ничего и не помню из того своего творчества.

Я тогда не знал, зачем пишется песня.

Хотел что-то писать. Но я не знал причину — почему пишутся песни. Поэтому просто что-то выдумывал, какие-то слова. Даже не сами слова, а какой-то набор слов, которые звучали под музыку. Нет, были какие-то идеи. Но что такое песня, я не понимал. Иногда слова были мудреные, которые я даже сам не всегда понимал. Но я писал, и мне нравилось.

Я не старался кому-то подражать. Короче, писал просто окоlesiцу. Сидел и придумывал, шлифовал. Для меня тогда была важна не идея, не то, что хочешь сказать от себя, а именно результат как достижение цели. А цель — песня. О смысле не задумывался вообще. Нужна ли она мне, людям. Интересно было просто как ремесло — как пишутся песни. Мне нужно было придумать куплет, музыку и чтобы это как-то все вместе звучало.

Я писал песни, а стихи — никогда. Это было чуть ли еще не в Мариуполе, когда я решил написать песню на чужие стихи. Дома валялась книжка какого-то советского поэта, который про какие-то ромашки писал, про поля, про Родину. Я открыл стих и ради прикола придумал музыку. Просто на готовый текст сочинил мелодию.

У меня было несколько песен, для которых я сначала придумал музыку, а потом под нее написал какие-то слова. Я сидел, напевал что-то, придумывал квадрат аккордов с какой-то мелодией, которая пришла мне в голову. И бормотал какие-то слова под эту музыку. Вообще не связанные друг с другом. «Ля-ля-ля... солнце... а-а-а-а-а ветер... ля-ляля... хочется...» — фигню какую-то. Чтобы был просто набор слов, укладывающихся в музыкальные фразы мелодии.

Мне просто хотелось петь. Жутко. «А-а-а вьюга... снежинки... ля-ля-ля вечность...» Ерунда полная! А потом я придумал песню, которая уже немного была со смыслом, но я все равно еще ничего не понимал.

*Веселей зима, вьюга веселей
Береги меня от дурных вестей.*

Я ни к кому конкретно не обращался. Просто такая песня. Типа группа «Воскресенье». Там же песни тоже ни о чем. И капель чего-то там стекла куда-то что-то упаду... моя грусть куда-то улетит... Ну, какая-то хрень!

Вот такую зимнюю песню написал тогда. Лирическую, романтическую.

*На твоём лице капли хрусталя.
Уходя, оставь в письме холод января...*

На чердак я свои песни не приносил. Эта уже в «послечердачный» период была написана.

А вот для песни, про которую мы с тобой говорим, Ираида потом дописала куплет. Ей так понравилось, что она решила дописать. Что-то у меня мало слов было, и она еще один куплет дописала, который очень органично туда лег. Вышло здорово. Мы пели эту песню с ней на два голоса.

*Плач озябших свеч
Наших встреч... что-то... та-та-та...*

Ну, как-то... не помню. То, что встречи сказочные были. И уходя, типа, оставь тепло... Припевов не было, были одни куплеты.

МАМА, ПАПА

Мама, она хорошая. Мама стерпела все. Она много терпела — всю мою жизнь. Всю мою юность. Пыталась как-то влиять, хотела, конечно, лучшего для сына. Но, по большому счету, она не особо верила в то, что у меня что-то получится с музыкой. Ну, увлекается парень — хорошо! Играет на концертах — хорошо. Ходила даже на концерты, слушала.

Приходил я домой очень поздно. Бывало, тусил по три-четыре дня на каких-то квартирах. С кем-то пили, играли, ездили куда-то. Были, конечно, скандалы, потому что я часто не предупреждал ее, что не вернусь ночевать. Мобильных телефонов же не было. Дома телефона тоже не было. Так что приходилось приезжать домой и говорить, что уезжаю. Не всегда получалось... В последние года два моей жизни в Таганроге она уже смирилась, что я пропадаю, что у меня своя жизнь.

Один раз я пришел домой и не смог открыть дверь сам. Решил никого не беспокоить и лег прямо на пороге. А мама утром уходила на работу и не могла открыть дверь, потому что я под ней лежал и спал. Она меня, конечно, отодвинула, сказала: «Рома, иди спать!» А я: «Да я и так сплю, все нормально». — «Иди в кровать быстро!»

Но на самом деле я редко позволял себе такое. Обычно просто не приходил. А зачем приходиться, если ты плохо выглядишь? Лучше где-то прийти в себя, вернуться нормальным человеком. Да, она волновалась. Под конец научилась не волноваться. Она воспитывала меня, я воспитывал ее. Так получилось. Я же гордый был. Наглый, упрямый. Я все время думал, что, если мне мама что-то советует, это плохо, это неправильно. Она

не понимает. Поэтому я буду жить, как я хочу. Если мама хотела, чтобы я поступил в медицинский институт, чтобы я стал доктором, я говорил, что не хочу и никогда не буду доктором, я буду строителем.

Мама всегда хотела только хорошего для меня. Но так все время получалось, что я с ней спорил и оказывался прав в конечном счете. Она хотела, чтобы я поступил в Ростовский строительный университет. Я туда подал документы, не поступил. Хотел подать документы в наш строительный колледж, но было уже поздно. Я, помню, пришел домой, говорю: «Ну че, доигралась? Хотела на своем настоять? Теперь меня даже в колледж не берут! Еще один год терять?» Она пошла в колледж, дала взятку, чтоб у меня приняли документы. И вот как-то так получалось, что она советует что-то, я делаю, а ничего хорошего от этого не получается. И я понял, что нужно действовать самому.

Насчет моих отношений с девушками — то же самое. Она привыкла. Она понимала, что это все несерьезно. Нет, она пыталась, конечно, ладить с ними, улыбалась, здоровалась. Хорошо, что девушка есть. Некоторые ей нравились, некоторые нет. Она привыкала к тем, с которыми я более-менее долго общался. А с другими: «Ну, Рома, ну кого ты опять себе нашел! Ты посмотри внимательнее, у тебя все впереди, столько еще будет девушек!» Высказывала замечания. Например, если девушка наглая. Критиковала не по красоте, а по поведению: «А кто она? А чем занимается?» — «Мам, я не знаю кто». — «Рома, ну надо же знать! Где она живет, где учится, кто у нее родители?» В провинции так.

Но она в принципе никогда не высказывала мне претензий типа: «Вот это плохая девочка, не встречайся с ней!» Она хитро подходила. Если у меня была какая-то проблема и я начинал что-то ей рассказывать, она говорила: «Да-да, Рома, правильно. Я тоже так думаю».

Она как-то оберегала меня. Но все-таки не уберегла, судя по городу Новороссийску... Она, конечно, понимала, что это произойдет в какой-то момент. Что произойдет? Да ладно, в другой раз расскажу...

Я скорее с Лехой советовался, к нему приезжал часто с девочками, показывал их. Но не то чтобы мы с ним подробно их обсуждали. Пацаны же немногословные. «Ну, как?» — «Порядок». — «Красавец!» У пацанов все проще. Типа: «Классная у тебя девка!» — «Ну, да». Все проще немного, нежели у девочек. И я все время к Лехе приезжал с девушками и как бы у него спрашивал: вот я с ней хочу замутить серьезно... Но я не мог привезти к другу просто телку. Если у меня были какие-то телки, они такой чести не достаивались. А если я был в каких-то отношениях серьезных, то я мог ее взять с собой, когда ехал к Лехе. Я ей говорил: «У меня есть лучший друг, поехали». Некоторые ездили. Если она не соглашалась ехать, я все равно ехал. «Не хочешь, не надо, это твои проблемы». Дружба была важнее. А как иначе?

Я на маму не похож, я похож на папу. Мама развелась с папой, когда мне было лет шесть или семь. Когда я учился в классе четвертом, мы вообще уехали из Таганрога. И только когда в пятнадцать вернулся, я начал видеться с отцом. Он всегда жил и по сей день живет в Таганроге. Я стал приезжать к нему в гости.

Я приезжал. Он давал мне какие-то деньги, но я отказывался, говорил: «Не надо!» Рублей пять-десять. Он заезжал к нам на Фрунзе. Не то что даже общались. Вообще, когда я жил в Таганроге, я реже с ним общался, чем общаюсь сейчас. Непонятно... Я его плохо знал-то. Они расстались с мамой, когда я маленький совсем был, а вернулся достаточно взрослым. Я не понимал, как вести себя с отцом. Вроде отец, а человек чужой. Да никак мы не притирались друг к другу. Сидели, молчали. Общенья такого не было: «Привет,

как дела, папа?» Мужчины, они же молчаливые. Они же не любят тереть попусту, болтать языком. Поэтому все так и происходило: «Привет — привет». Сидим, смотрим телек. Несколько раз ездили с ним на рыбалку. А о чем можно говорить с ним? Да ни о чем. О чем говорить с отцом? О своей жизни? А что о ней говорить? Он не видел моей жизни, я не видел его. Чем делиться? Как можно просить совета у достаточно незнакомого человека? Он мой отец формально. Мой законный природный отец.

У меня не было на него никакой обиды. Я прекрасно понимал, что многие люди разводятся, семьи распадаются. Я это видел не раз. Я понимал, что так надо. Для меня это было нормой. Ничего страшного.

Моими занятиями музыкой отец не то чтобы не интересовался... Он приходил периодически на концерты, но не более того.

Пришел папа: «Привет — привет, салют — салют». Не сказать, что были холодные отношения, но и не сказать, что очень теплые. Я не знал, о чем с ним говорить. Какое-то непреодолимое стеснение было. Я вообще стеснительный на самом деле человек.

Приезжаешь к нему в гости, пьешь чай, изредка выпиваешь. Все.

— Нормально?

— Нормально. Пока.

— Возьми денег.

— Не надо.

Почему не брал? Гордый, наверное, был. А что мне брать деньги у человека? Что, как плату за то, что он все эти годы был далеко? Или в этом будет тепло отцовское, да? Я понимаю, что он отец, но зачем деньги? Это совесть? Нет, мне очень нужны были деньги, но я их не брал. Я выходил, шел и думал: «Черт! почему я их не взял?» Иду и думаю: «Вот мне нужны же деньги, щас бы купил себе чего-нибудь. Что же я их не

взял?!» И каждый раз, когда приходил и отец предпринимал попытки всучить деньги, никогда не брал. Все время отказывался. Но как только выходишь, ты тут же понимаешь, как они нужны. Но ты их почему-то не берешь. Знаешь, как-то вот не бралось...

Меня не только папа не понимал. И мама не понимала. Меня никто не понимал. Я изрисовал всю свою комнату, где тогда вместе с младшим братом жил. Гуашью от потолка до стен. Я любил рисовать. Мне хотелось, чтобы все было не так, как у всех. Вот на фотке, смотри — моя комната. Вот это недоделанная стена, кусок штукатурки. Там в комнате до сих пор все это осталось. Солнце большое... Я рисую плохо, потому что не умею. Рисую, что получается. Поэтому у меня все было в каких-то разводах. Все залито краской. Абстракция сплошная. Потом я тебе рисунки покажу, подожди... Все очень ярко. Красное, зеленое, синее, черное, желтое. Все, какие были краски, все использовал. Коричневую, фиолетовую. Вот, смотри, какие рисунки. «Весна», «Ледоколы уплывают, океаны остаются», ага, как в песне. Или вот — офигенная картина, да? Эта называется «Не ходите, дети, в Африку гулять»... Картины больного воображения Роман-Виталича.

Так вот вся моя комната была расписана в том же духе. А что мама? Нормально к этим настенным художествам относилась. Лишь бы только наркотики не употреблял и не убили бы. У моих друзей тоже с наркотиками проблем никаких не было. Но время такое было. Опасное. Мальчик рисует на стенах — молодец. А что? Не ворует же. Брату по фиг было, что я все стены изрисовал. Он же маленький тогда был, ему все равно. А как? Ну, разрисовано и круто. Без вопросов. Может, ему и обидно было, что ему самому нельзя на стенах рисовать. Не знаю. Я сначала нарисовал на стене солнце, а потом еще стены и потолок изрисовал. Встал

на стул и изрисовал. У меня как-то от этого солнца все пошло, пошло, пошло, как-то растянулось на всю комнату, расползлось мое творчество. Для себя, конечно, а перед кем хвастаться? Друзья? Ну, придут, посмотрят: «О, че ты наделал-то!» Для себя. Просто было интересно все это делать. Так кайфово — кисточкой мазать, какие-то узоры выдумывать.

Сначала я нашел банку с гуашью какую-то и решил попробовать. Стены были заштукатурены, но были еще без обоев. Я решил на них нарисовать чего-нибудь — все равно можно будет обоями заклеить. Потом кончилась краска, я пошел купил еще и продолжил.

Поучиться рисовать желание возникало. Ну да, хотелось нарисовать лицо красиво. Пробовал портреты, но ничего не получалось. Хотелось нарисовать фигуру человека, но не выходило. А Леха из Мариуполя очень хорошо рисовал. Дар был. У него отличные рисунки были. Ручкой, карандашом, краской — чем угодно рисовал. А у меня не получалось. Конечно, было обидно — смотри, он рисует хорошо, а нигде не учился. А я не умею. Зато я на гитаре играл лучше, чем он...

Леха очень часто приезжал ко мне. Расскажу, как мы с ним пристройку строили. Собрался я этой пристройкой заняться, как вдруг приезжает Леха из Мариуполя. Я говорю: «Леха, давай помогай!» — «Давай!» Но мы же старинные друзья, с полуслова понимаем друг друга. «Давай чуть-чуть отметим твой приезд!» — говорю. Сели обедать, мама говорит: «Ну вот, собрались, опять пить будете?» А мама очень спокойно ко всему всегда относилась, по-доброму. Мы выпили, нас, естественно, повело. А когда же выпьешь, кровь играет, тянет на подвиги и великие дела. Мы строили пристройку не из кирпича, а из шлакоблоков. Не знаешь, что такое шлакоблок? Это такой большой серый кирпич с дырками. И у меня уже стены было выведено где-то метр семьдесят. Нужно было выше

строить. Один я не справлялся, тяжело. И тут Леха пригодился. Говорю: «Леха, ты вовремя! Щас мы с тобой все тут достроим в два счета!» И мы начинаем: Давай! Неси раствор! Давай, шуруй! Подавай кирпич! Подаю!!!.. И мы выстроили рядов пять... Но очень криво... У нас, конечно, был уровень, по которому мерить, отвес, все дела строительные. Но как-то нас так покосило, что стена получилась выпуклой. Мама в шоке: «Что вы мне тут понастроили! Алкоголики!» Я говорю: «Мама, я все щас исправлю, я все штукатуркой выровняю. Я ж строитель!» В общем, так стена выпуклой и осталась. Зато мы с Лехой справились буквально за один вечер!

Почему-то под пивко легче вспоминается, да?...

А еще я круто умел готовить! Девушки приходят и уходят, а кушать хочется всегда. Я не парился абсолютно, если девушка не умела. Даже в некотором роде это было прикольно. «Как, ты не умеешь готовить борщ?» Брал кастрюлю и готовил борщ. «Видишь, ничего сложного. Вот рыба, фаршированная гречкой, — это сложно. Чуть-чуть сложнее, но тоже ерунда!» Я, допустим, не пеку. Не умею. Я еду делаю. А кондитерствовать — это не мое. Абсолютно. Вареники леплю. А так чтобы торт какой-то сложный забодяжить — это не ко мне. Готовить я учился лет с пятнадцати.

Не то что мне интересно было. Мама на работе. Никого дома не было. А кушать-то хочется. Мама говорит: «Борщ в холодильнике. Картошку пожаришь, не маленький». Ну и так потихонечку. Сначала картошку почистишь, пожаришь. Потом чувствуешь, что не как у мамы, говно какое-то. Потом приезжает мама, жарит картошку, и становится интересно:

— Мама, как ты готовишь картошку? Я че-то жарил, у меня невкусно.

— А как ты жарил?

А сам смотрю — у нее даже порезана картошка не так.

— А как ты так режешь?

— Ну, смютри: берешь картофелину, и так, так...

— А! понятно!

Второй раз попробовал — вроде лучше. А сколько масла? Когда солить: до или после? Так, потихонечку. Потом борщ. «Рома, иди помоги, почисть картошку». Чшцу картошку, а сам смотрю, что она делает. Зажарку, потом бульон какой-то, капусту... Весь процесс виден, и ты просто смотришь и учишься. Раз в неделю ты видишь, как мама готовит борщ. Ну и все. Потом то же самое делаешь, когда никого нет.

А вообще это было очень интересно. Что-то из чего-то создавать, что-то новое, готовое к употреблению и пользованию — очень интересно для меня тогда было. Да и сейчас. В строительное я пошел тоже из-за этого. Интересно было, как из чего-то получается что-то, чем потом люди пользуются. Или автослесарем — то же самое: ты берешь сломанную вещь, чинишь или меняешь какие-то детали. Интересно было что-то сделать рука ми.

Да и с музыкой все по такому же принципу было. Было интересно придумать что-то свое. Потихонечку. Я сначала много чужих песен перепел, только потом понял, как строится все. То есть это сейчас я говорю, что песни могут строиться из чего-то. А тогда я не понимал. Тогда я просто знал, что это так и так, припев, куплет. Начал замечать, что много песен однотипных, построенных по какому-то общему принципу. По какому, я понять тогда не мог. Я понимал, что за этим аккордом будет вот этот, а потом вот тот. Потому что это такой определенный стиль. Я понимал, что такое мажор, минор. Ну и так потихонечку из того, что я переслушал много песен, уже мог определить. Песня играет, а я мог назвать аккорды.

Мне нравилось носить совершенно разные вещи. То есть менять стиль. Пиджаки. Спортивный костюм

«Адидас». Были у меня штаны, которые я придумал сам: сделал эскиз, нашел материал. Где и сколько карманов. Мне девушка одна шила. Она училась на швею. Я купил вельвет, она раскроила, прострочила. Примерки делала. Я переделывал много вещей. Начиная с каких-то маек, заканчивая куртками. Вещей было мало в продаже нормальных. Магазинов фирменных не было. Был обычный вещевой рынок, где продавались спортивные костюмы, брюки черные классические, джинсы «Левис» турецкого производства. Ничего такого мне носить очень не хотелось. Не нравилось. Поэтому приходилось самому что-то выдумывать. А лучшим другом в этом деле был секонд-хенд. У нас в городе их было два. Один был очень хороший, там такие были вещи дебильные-дебильные! А я дебильные вещи люблю.

Например, какие-то жилетки прикольные, рубашки, майки с какими-то странными надписями, интересными рисунками. Вытертые кожаные пиджаки. У меня была майка совершенно дикого цвета. Я сам делал: брал обычную футболку и хлорный отбеливатель с помощью кисточки или брызгалки размазывал по футболке. Она получалась в разводах. Даже буквы можно было писать. Безрукавка с изображением инь-ян. Была очень смешная розовая майка, на ней нарисованы два оленя из какого-то мультика, и они что-то там друг другу говорят. Очень смешная. Из хенда же был и берет. Рубаха с какими-то рукавами, как у принца. Апаш называется, да? С воротником стоячим, с завязочками. Прынц, йоптель! Был подаренный кем-то самодельный ремешок из военной бляхи, чуть ли не зоновский. Весь в клепках каких-то, рисунках. Нет, я каким-то модником в компании не считался. Но ты же понимаешь, что одежда — это еще одна возможность выразить себя. Какая там мода, каждый одевался так, как хотел и мог.

Была мода на вещи, которые продаются на рынке. Что привозили из Турции челноки, то и было. Все

заражались этим. Хреню. Одно время были модны черные куртки из легкого, слегка прорезиненного материала, который блестел. Все ходили в этих куртках. А до этого — свитера были с вышивками. Орел какой-нибудь — вьетнамские дела. Есть же мода провинциальная, которая никакого отношения к столичной, а уж тем более мировой не имеет. Какая-то полутурецкая-полународная. Она живет по своим законам. Если привозят на рынок какой-то товар, то волей-неволей его начинают все носить, начинает нравиться. «Ой, наверное, это все сейчас носят». И все покупают. Рубашки с воротничком-стойкой. Куртки дутые. Кроссовки и спортивные штаны — обязательно. Они тоже менялись: одно время было модно, чтобы по бокам на клепках могли расстегиваться. Короче, что привозилось в город, то и модно.

А еще было модно сережку в ухе носить. Даже я проколол, когда на ПМК еще жил. Мне как раз Наташа, девушка Ивана, пробивала ухо. С какой-то подружкой. Помню, они мне долго терли одеколоном ухо, чтобы не чувствовать боли. И иглой пробрили. Был жуткий треск — хрясь! Вставили серебряную с крестиком сережку. Она вскоре загноилась, мне было лень ее вертеть туда-сюда и одеколоном смачивать. Я два дня поделал все это, потом подумал, да ну ее! И она у меня заросла моментально. А так все ребята вокруг ходили с сережкой, обязательно в левом ухе. Я помню, это было очень всем важно: в левом — нормальный пацан, в правом — пидор.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ТЕАТРАЛЬНОЕ

О том, чтобы как-то профессионализм свой повышать, не думалось. Да как его повышать-то было? Репетировать возможностей мало, постоянно в группе проблемы с составом: кто уйдет, кто придет, все же стали взрослеть потихонечку, кто-то работать пошел, кто-то женился. К тому же концертов практически не было. Так что музицирование, как ты говоришь, проистекало на каких-то хипповых тусах, вечеринках.

Не было никаких бардаков на этих тусах. Мы, конечно, хиппи были, но не настолько же! Нормальные нравы. Были пары, как в любой не очень глобальной тусне. Встречаются, встречаются, потом расходятся. И однажды ты приходишь в эту компанию с девушкой из того же круга. И потом оказывается, что раньше она встречалась вот с этим парнем, а до этого с тем. В этой же компании. Это нормально. А это — бывшая девушка того парня. А кто-то с кем-то раньше встречался. Вот так.

Были девчонки, которые просто мне помогали, например штаны бисером расшивали. Только для меня одного, вероятно, такой клоун был только один в городе. Как раз в этих штанах я и выступал в Новошахтинске. Две девушки-близняшки. Светловолосые студенточки педагогического института. Помогали на правах просто подружек. Какие еще эротические фантазии? Да ну тебя! Еще у них была подружка, которую каким-то боком занесло из Хабаровска. Она жила в однокомнатной квартире, и все ходили к ней тусить. Смотрели фильмы, музыку слушали. Сидеть на полу, пить вино — круто, да? Смотрели «The Boogx» — и

концерт, и фильм... «Доре», Джанис Джоплин — вся фигня. Фильмочки, фенечки, штучки. Хипповые люди, цветочки-бабочки. Не металлисты — сатанисты-рэперы. Такие легкие люди. Сидеть на крыше и пить вино. Поехать в лес с палатками, играть в странные игры: сесть вокруг и что-то говорить друг другу. Природа — наше все. Девочки делали веночки из цветочков для нас, мальчиков. Коммуна еб-нутых людей. Та Настя была из этой тусы. Она исчезла, а народ остался. Замена Насте? Была там одна замужняя девушка. Не буду я об этом, хотя муж догадывался...

Это была, скорее, околomuзыкальная туса. В ней люди интересовалась не только музыкой, но и книгами, фильмами, театром, живописью. Многим. Хочешь расскажу, как поехал поступать в театральное? Когда я был хиппи, у меня было много разных друзей патлатых. С одним из них мы и решили поступать. Звали его Игорь, он встречался с девушкой по прозвищу Малая. У Игоря кличка была — Люми. Он был очень веселый парень. Длинные волосы, рюкзак из штанов. Из джинсов старых — брючины отрезаны, и веревка вставлена как ремень. Это сейчас появились модные фирменные рюкзаки такого типа. А тогда просто джинсовый рюкзак, туда вино, сигареты. Джинсы зашил, веревку вставил, пацифик нарисовал — и красавела!

Мы поехали поступать в Новочеркасск. В филиал Ярославского Драмтеатра. Да, театра, ну и что? Мы, вообще-то, сначала хотели поступать в Ростовский педагогический университет на худграф. Художники, блин... После училища у меня не было никаких планов учиться дальше на строителя. Мне было достаточно. Глобальной идеи стать Великим Строителем у меня не было. К тому же я окунулся во всю эту тусовку. Игорь сказал: «Поехали! Поехали!» Ну а мне-то что? Я рисовать не умею, но в Ростов прикольно съездить.

Мы приехали, все дела. А там грековское училище, очень сильное. Ростовское Художественное училище имени Грекова. Люди туда поступали после художественных школ. И я — вообще рисовать не умею, на уровне ребенка лет восьми-десяти. Чертить, знаешь ли, не рисовать. У меня нет таких навыков. Помнишь, я тебе показывал свои рисунки? Кружочки какие-то, полная лажа. Все, что я умею, — просто размазную. Красиво, мне нравится. Абстракция. Ракету какую-нибудь нарисовать, заляпать ее краской — вот у меня такая картина...

Мы приехали, нам поставили какие-то предметы под натюрморт. В общем, я так и нарисовал. Все кривое, закрасил краской жирно, не поскупился. Мы сдали работы. Там сразу говорят результаты, часа два проходит, и они зачитывают, кто поступил. Наших фамилий не было, конечно. Там когда работы собирали, все понятно было.

И мы вышли из университета: два непризнанных художника — два красавца, феньки по локоть. Игорь говорит: «Ну и пошли вы все в жопу! Мы все равно художники! Не поняли вы ничего!»

Рядом с пригородным вокзалом там течет Дон. И речной вокзал небольшой. Мы пришли на вокзал, купили какие-то сладкие булки, тогда уже продавался в пластиковых бутылках лимонад «Буратино». Вышли на набережную, сели на пирсе, свесили ноги в речку. Сожрали булки, запили «Буратино», посмотрели на воду. Потом сели в электричку и вернулись в Таганрог.

И после этого Игорь говорит: «А давай поступать в театральное. Верное дело!»

У меня там есть знакомый, говорит, легко поступать, там же одни девушки». Нет, не из-за девушек поехали. Просто нетрудно поступить, когда одни девушки, а пацанов не хватает. Надо же кому-то играть мужские роли. «Принимают практически так! —

говорит. — А потом можно в Москву перевестись!» Мы чуток поподготавливались. Я учил какую-то басню. Но как-то у меня дело не шло. Я у Игоря спрашиваю: «А можно, я не всю басню буду учить?» — «Да хрен с ним! Учи полбасни. Приедем, покривляемся. Споешь песню на гитаре, там таких любят!»

Мы, короче, купили билеты, сидим на вокзале, ждем поезд. И вдруг у меня начинает сильно болеть живот. Я говорю: «Чего-то мне плохо, пойдем в медпункт». Мы приходим в медпункт, доктор кладет меня на кушеточку, осматривает: тут болит, тут болит. «Дружок, по ходу у тебя аппендицит». Она вызывает «скорую», и тут подъезжает наш поезд. Я такой: «А может, я поеду?» — «Не, чувак, давай в больницу». Меня привозят в больницу, бреют и кладут на операционный стол. Прямо сразу. Игорь говорит: «Я поеду к твоей маме сказать, что тебя типа в больницу забрали!»

Меня кладут на стол. Они сразу решили мне аппендицит вырезать, подонки! Общий наркоз мне нельзя было делать, так как я и ел, и пил. Это когда ты два дня лежишь, ничего не ешь, тебя подготавливают, тебе общий наркоз делают. А тут сказали нельзя. И мне сделали просто местный наркоз. Обкололи кожу вокруг, заморозили ее, разрезали — я не почувствовал. Ощущал, что что-то там происходит, и все. А внутренности-то заморозить невозможно!

И мне на живую резали аппендицит. Я очень сильно ругался матом. Я орал. «Пидорасы! Отпустите меня! Я же вас потом порежу всех! Гандоны, блядь! Я всех убью, суки, что вы со мной делаете?! Гандоны, пидоры, уроды, блядь! Как вам не жалко меня?! Да вы просто изверги, блядь! Подонки!..» Они все это слушали, понятное дело. Потом меня вывезли на каталке из операционной. Я в бреду каком-то. Мне еще потом вкололи морфия, чтобы не так плохо было. Повезли в палату. В коридоре, как во сне, увидел маму с Игорем...

В общем, я лежал потом три недели в больнице. Ко мне все приходили, все девочки. Вся моя компания. Друзья. Иван с Наташей. И когда мне стало полегче, когда я начал потихонечку ходить, они стали собираться внизу под окнами на траве. За больницей был небольшой парк. Трава, деревья, лавки. Там на траве они сидели с гитарами. Я изредка, раз в день, выходил к ним с палочкой, чтобы не нажимать на больную сторону. Спускался, и мы там сидели, пели песни.

А потом на обходе как-то доктор говорит: «Как чувствуешь себя?» — «Да ничего, — говорю. — Выпивать можно?» — «В профилактических целях коньячку грамм по тридцать в день даже полезно». И тут я говорю своим: «Девчонки! Мне можно коньяк!» Они мне принесли бутылку коньяка «Белый аист». Я лежал в палате с мужиками. У кого нога отрезана, кого только готовят к операции, хирургия, короче. Говорю: «Мужики, у меня есть бутылка коньяка!» Мы ее тут же раздавили, эту бутылочку, мы уплели ее по чуть-чуть, раз — и нету.

На следующий день пришла жена одного мужичка из нашей палаты. А он ей говорит: «Слушай, мне доктор прописал коньяк в малых дозах». И она принесла ему на следующий день бутылку. Мы и эту бутылочку — хлоп! Все мужики по очереди своим женам сказали: «Доктор прописал. О-бя-за-тель-но!» Так мы выпивали в больнице...

Тогда девушки постоянной у меня не было, так что приходили все подружки. Они что-то типа шефства надо мной взяли. И все эти девочки приходили, приносили всякие нужные вещи. Ну, так, мелочи какие-то. У меня под койкой лежала гитара. А внизу под окнами ребята сидели, у них тоже была одна. Короче, еще одно место тусни для нашей компании появилось. Там неплохо было: трава, деревья. В обед, когда

докторов не было, я в палате на гитаре дрынкал. Из-за гитары врачи не ругались, они же знали, что я типа музыкант. Бывало, вечерком медсестры заглядывали: «Рома, поиграй». И Рома играл в коридорчике...

А в больнице скучно было, и мне принесли книжку. Тур Хейердал «Путешествие на „Кон-Тики“». Был такой известный путешественник — Тур Хейердал. И вот я лежал и читал, как два каких-то мужика построили плот и поплыли на этом плоту через океан. Одним из этих мужиков и был этот самый Хейердал. Мне понравилось. Из-за того, что делать нечего, в принципе и чтение оказалось нормальным занятием. А когда есть чем заняться, то читать совсем ненормально. Так, за неимением лучшего... Поэтому я прочитал эту книжку от начала до конца. Прикольно.

СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОЛЛЕДЖ

Из-за этой операции я никуда и не поступил после училища. Год гулял, нигде не учился. Потом захотел поступить в Строительную академию в Ростове. Но понял, что там сложно, нужны деньги. И решил в наш строительный колледж таганрожский.

Поступив в колледж, я сообразил, что из него можно что-нибудь полезное вытащить. Для себя, для группы. Я уже первого сентября очень пристально смотрел на колонки и аппаратуру: что есть и что из этого можно придумать, выжать. Там были колонки, усилитель, пара микрофонов и разломанная барабанная установка, которая где-то на складе валялась еще с 70-х годов, когда были ВИА и все это для них покупалось.

Я решил воспользоваться и потихонечку у дирекции колледжа стал все это выпрашивать, а также деньги на аппаратуру. Я стал профоргом — руководителем тамошней профсоюзной организации. Как стал? А вот так: никто не хотел заниматься всякими бумагами, а на Рому можно было все спихнуть. Чем тебе не комсомольский работник? Вообще-то, я застал последний год существования комсомольской организации. Но смысла туда вступать уже не было. Нас, конечно, предупредили, если хотите, можете вступить. Но зачем? Пионером был, а вот комсомольцем не довелось. Хотя многие поступали, вероятно, им прикольно было. А мне не до того было: то девчонка, то гитара. Не до комсомола, были дела поважнее.

Занимался сбором членских взносов. Да, матответственность, у меня и настоящая печать была. Я даже ездил в Ростов-на-Дону в областной центр строительного профсоюза — на какие-то совещания. Защита прав студентов и все такое. Примитивные

какие-то проблемы: трудные ученики и т. п. Общественная деятельность — начиная субботниками, закачивая какими-то конкурсами, самодеятельностью, дискотеками. Жизнь колледжа, в общем.

Я всем этим рулил. Просто так получилось: сначала я стал поднимать аппаратуру в колледже, смотрят — инициативный парень, ну и закрутилось. Я же КВНы вел, был капитаном команды нашего колледжа. Мы придумывали шутки, открывали Первое сентября, первый, последний звонок, День учителя. Во всех праздниках, мероприятиях принимала участие моя команда.

Вот так я стал профоргом, занимался общественной деятельностью. И у меня достаточно неплохо получалось. И в конце концов я в колледже стал авторитетом. Выбил отдельный кабинет. Мы хранили там аппаратуру, ценные вещи, какие-то кассетники, магнитофоны, колонки. Документы профсоюзные. Мы там все время собирались, что-то делали: стенгазеты выпускали, с КВНщиками номера придумывали. У меня одного был ключ от этой комнаты. Многие учителя сначала очень недоверчиво к этому отнеслись, сопротивлялись. Особенно вахтеры — пускать народ в семь вечера, когда колледж уже закрыт. Я брал у директора колледжа бумагу за его подписью, специальное разрешение, добивался, чтобы нас туда пускали. Я был даже диджеем на дискотеке колледжа. У меня было три магнитофона с компакт-дисками. Я что-то там микшировал, песня заканчивается, я другой магнитофон включаю. На таком уровне.

Я не пел своих песен на мероприятиях в колледже. Я понимал, что это не та аудитория и это там никому не нужно в принципе. Это было другое абсолютно. Я пел их там, где это было нужно. И где это было уместно. В колледже я просто репетировал. Среди студенток колледжа я особой популярностью как парень-музыкант

не пользовался. К тому времени у меня уже не было полноценной группы. Мы все остались друзьями, но в «Асимметрии» уже другие были музыканты. Просто встречался с той старой своей компанией. На тот момент я уже был, скорее, легендой. «У этого человека была группа „Асимметрия“». Помню случай в колледже. Подошла ко мне одна девушка с подколом: «Дай мне автограф. Ты станешь знаменитым, а я этот автограф продам». А я с полной уверенностью, ни капли сомнения так: «Да без проблем!» И расчеркиваю так размашисто на бумажке из тетрадки. «Храни!» — говорю. Мы посмеялись и разошлись...

Несмотря на то что мои одноклассники были года на три меня моложе, я все равно с ними дружил. Они знали, кто я такой. Знали мою группу «Асимметрия». Но не было такого, чтобы «во, звезда пошла!». Они очень хорошо ко мне относились. Уважали. Учителя тоже нормально воспринимали то, что я довольно известный персонаж в городе. Они же взрослые люди. Таганрог — город маленький, но мало кто знает, что есть группы. Их не крутят по радио, не показывают по телевизору. Их как бы нет. Не существует. Их знают человек пятьсот молодежи, которые увлекаются музыкой, и все. Поэтому знали, конечно, что есть «Асимметрия», что я репетирую, но не более того.

Я попал в группу, где были две девочки, остальные — пацаны. Студенты колледжа отличались от учеников училища. Были все взрослее. И... так сказать, цивилизованнее.

Просто больше каких-то увлечений. Можно было на дискотеку пойти, а можно в кружке каком-то заниматься. А в училище ничего такого не было. В колледже больше чертили, больше учились. Студенчество...

Обычный день начинался так. Утро. Что-нибудь поесть. Что есть. Да какой там семейный завтрак! У

меня никогда не было никаких семейных завтраков, обедов и ужинов. Маме некогда было. Я не требовал, младший брат не просил. Тогда мама работала продавцом в магазине на рынке. А до этого таксистом, была автогонщиком когда-то. А потом вот перешла в сферу обслуживания... Ну вот, чего-то там поешь, если успеваешь. Потом собираешь пакет полиэтиленовый, туда тетрадки, учебники — и под мышку. Когда было черчение, брал тубус — такую круглую хрень, где ватманы хранятся. Но частенько без него ходил, просто чертежи в пакет засовывал.

Заходишь во двор колледжа, стоишь куришь с пацанами. Все здороваются, курят, трут о том, что было. Я курил «Союз-Аполлон» в белой мягкой пачке. Потом идешь на первую пару, на вторую. После большая перемена. Идешь в столовку. Кстати, при мне стали столовку делать в колледже. Мы начали давить на руководство. Приходила бабушка с пирожками на большую перемену. У нее была тележка, в которой были всякие пирожки. И вот весь колледж на большой перемене высыпал во двор и покупал эти пирожки. С какой-нибудь водой сладкой.

Дальше мы либо оставались на следующую пару, либо уходили на море купаться. Изредка собирались после учебы, у кого были деньги, брали пивка, чего-нибудь легкого и слегка побухивали. У кого была квартира свободная, мы собирались и шли туда тусить. А вечером я шел в свою компанию — к Ивану. Посидим, побренчим, попоем. Если девушка была, то с ней еще какие-то темы. Вот так было...

В колледже даже разборки были цивилизованнее. Если у кого-то возникали конфликты, все ждали большую перемену. За школой стояло отдельное здание, где располагались актовый и спортзал. И за ним у забора было место, где происходили все разборки. Выходили двое, за ними шли остальные поглазеть или

морально поддержать. Поводы были разные: кто-то какого кого-то задел, что-то сказал. Знаешь, когда кого-то начинает задирать. И ты в ответ: «Все, за спортзалом встречаемся!» Как дуэль. Из-за девчонок дрались крайне редко, я даже не припомню такого. Все время были такие походы за спортзал. Все сбегались. Народ стоит, курит на большой перемене возле туалетов. Вдруг идут двое. Проносится шепоток: «О, щас будет, щас будет!» И все идут смотреть. Никто никогда не вмешивался. Дрались один на один. Там же хватает обычно пары ударов. Обычно это такие размахи, пока один не срубится. И стоп, хватит. Лежачего бить нельзя.

Девушки разбирались просто. Кто-то кому-то про кого-то что-то сказал. Вслух сплетни. И начинается разборка: «Ты чего, сука, про меня говорила?» — «Я не говорила!» И начинается... Мне было бы неприятно, если б узнал, что девушки из-за меня рожи друг другу бьют. Я не тщеславный в этом смысле.

У меня явных врагов не было. Были люди, которых я недолюбливал, и наоборот, но до того, что «это мой враг!», мы не доходили. Я же мирный человек. Я не любил конфликты, проблемы, разборки. Да и повода не было.

Ну что тебе рассказать про учебу, даже не знаю... С черчением у меня все было отлично. У нас была о-о-очень хорошая преподавательница по этому предмету. Каждая строительная группа (я учился на ПГС — Строительство промышленных и гражданских сооружений) делилась на две части. У каждой был свой преподаватель по черчению. И так по многим предметам. Деление было по банальному принципу — по алфавиту. С «А» до «К» и с «М» до «Я». Поскольку моя фамилия начинается на «Б», я был в первой группе. И у нас была замечательная преподавательница по черчению. Анна, отчества не помню. Очень хорошая женщина, милая, добрая.

В классе стояли кульманы — такие чертежные доски, прикрепленные к парте. Плюс еще фигня, которая двигается, забыл, как называется, типа линейки на шарнирах. И так получалось, что преподавательница никого из нас из-за этих кульманов не видела. Сидит впереди, что-то там себе рассказывает. Какие-то параметры, стандарты, как что чертить. Размеры, ГОСТы, все эти штуки. И она видит только доски. И только кто-то изредка из-за них выглядывает. Поэтому мы частенько приходили на занятие не пустые: брали водку, разливали ее за этими кульманами. Позволялось сидеть по двое за ними, ходить по классу во время урока. У кого-то там якобы ластика не было, у кого-то карандаша или кнопок, а то и стакана. Она, конечно, все понимала, потому что в аудитории стоял такой мощный перегар. Но она была достаточно доброй, за что ей, конечно, большое спасибо. У другой части была совершенно жуткая мегера. По-другому не бывает: если есть где-то хороший человек, то где-то обязательно есть плохой. Истеричка жуткая, орала на них. И вот они нам все время плакались и завидовали. Нам кайфово, а им плохо.

Много чего было. Вот еще один случай. Есть такой предмет у строителей, называется геодезия. Ну, да, да, правильно: стоят странные люди с какими-то треногами и что-то смотрят. Кратко объясняю, чего они там высматривают. Они вымеряют площадь земли, уровень с нулевой отметки. Есть нулевой уровень — такой абсолютный ноль, который тянется с Балтийского моря. Есть такой... Черт! Слова начинаю забывать, представляешь? Термин есть такой строительный — репер. Мы очень смеялись, когда изучали. Если ты замечала, на домах есть такой пяточок металлический и такой как бы крючок для одежды, типа носик. Походишь по городу и увидишь. Пяточок и носик. Вот

это и называется репер. Это отметка от нулевого уровня. От Балтийского моря тянул еще Петр. Абсолютный ноль.

И когда строительная площадка разрабатывается, смотрят, сколько выше грунта, сколько ниже. Сколько грунта нужно вывезти или добавить, чтобы правильно котлован вырыть. Это геодезия. Ты эти десять сантиметров и не заметишь, а дом потом просто косой будет. Для этого, грубо говоря, геодезия и существует. Есть такие два прибора: теодолит и нивелир.

Практика. Мы этими приборами что-то измеряли. Азимуты какие-то. Ужас! У меня по геодезии трояк был. У нас в районе Русское поле есть улица Чехова. Там пустырь заброшенный напротив школы квадратов пятьсот. Размером с футбольное поле. Какие-то кусты росли, свалка стихийная. А вокруг частные дома. Там у нас все время проходила практика. Мы приносили туда треноги, что-то там еще. Ставили на эту треногу соответствующий прибор, а там — все вверх ногами. Прикольно, смотришь на девушку, она вверх ногами, а юбка не падает. А так хочется, чтобы она упала! Но она не падала...

И вот мы измеряли, все вручную. Очень прикольно было, когда мы выезжали туда на практику защищать какие-нибудь курсовые, лабораторные. Люди видят треногу, агрегаты какие-то, все вокруг суетятся, что-то меряют. Бабушки, какие-то прохожие все время спрашивали: «А что здесь будет строиться?» Мы все время ввали им по-жесткому: «Церковь новую будем строить!» — «Ах, молодцы какие! А то у нас в районе только две церкви. Далек приходится ездить!» Бабушкам говорили, что будем строить церковь, а людям помоложе так и заявляли: «Тут вообще-то будет новый Диснейленд. Лунопарк. Очень модный. Вот, американцы скоро приедут, мы для них площадку рассчитываем». Те радовались, велись. А мы ж

строители! Все кричат — ну, настоящая стройка! Люди наивные. А мы чувствовали себя такими богами строительства. «Да, это моя работа, это мой стиль. Мне сказали Диснейленд, я и строю». С таким видом — как настоящие работяги.

У нас был предмет в колледже, не помню, как назывался, что-то с экономикой связанное. Экономика производства, кажется. Я увидел преподавательницу и как-то с ней стал заигрывать. Ну, мы были молодые... Ей было на тот момент лет двадцать пять — двадцать шесть. Я был достаточно взрослый человек. Мне было лет девятнадцать. Группа была пацанская, сплоченная. Мы ходили паровозиком на переменах, в общем, как дураки себя вели. Были очень расслабленные пацаны. А она была совсем молодая девушка, только-только пришла в колледж. Все шутили, прикалывались.

Я помню, на первой паре что-то там поговорили про завтрак. Кто-то не выспался, кто-то не успел позавтракать, такие разговоры идут. «А я не успел». А она: «А я тоже не успела позавтракать». Типа это не отмазка. А мы такие: «А давайте мы принесем плитку, сковородку, яичницу вам пожарим!» Ну, чего с нас возьмешь, пацаны... И как-то реально притащили плитку, сковородку. Мы такие реальные ребята были. Ну и я как-то тоже зацепился, все такое...

А она такая достаточно молоденькая была по сравнению с другими учителями. Красивая девушка. Круглые черты лица, нос картошкой. Такая симпатичная. Ну и все шутили — молодая ж! Нана-нана. Одни темы только в голове. И чего-то как-то... не помню, как я к ней подкатил, наверное, как старший в группе. Она достаточно мягко со мной общалась. А! Когда она злилась, становилась агрессивной, и это мне очень нравилось — вообще, просто! Мне казалось, это проявление особого внимания к моей персоне. На уроках мне казалось, что она как-то гак... хо-хо... не то

что бы флиртовала. А как учительница. Наказание со стороны учительницы уже чувствуется как флирт.

Однажды я отважился пригласить ее сходить вечером в театр. Ну да, взял и подошел на перемене: «Раз уж у нас с вами конфликт...» Она говорит: «Что ж, давайте, Билык, сходим». Она называла меня по фамилии и, конечно, на «вы».

Мы смотрели какой-то чеховский спектакль в нашем же чеховском же театре. Кажется, «Лес». Не, «Лес» Островского... Стоп! Все не то! Мы комедию смотрели. Мы смотрели что-то там «...в кровати»... или в постели. Комедия какая-то, я не помню названия. Ничего я не покупал загодя билеты. Просто пошел в кассу и купил на ближайший спектакль. Я недалеко от театра жил. Вот и пошел в кассу, купил два билета. Для меня совершенно непринципиально было, на какой спектакль.

Не было у меня цели охмурить-то. Мне просто прикольно было, интересно же. В театр с учительницей! Это же главные эротические фантазии: стюардессы, медсестры и учительницы. Классика жанра!.. Мы сходили в театр и поехали к ней домой на чай. Я не помню, честное слово, кто инициатором был. Важно, да... А! Я же провожать поехал. Точно! Блин! Ну как такое можно забыть?! Я, конечно же, как джентльмен, поехал проводить даму до дома. «Вы где живете?» — «Я живу там-то». — «Давайте я вас провожу». — «Давайте, Билык». А она хохочет, веселая такая, что-то расспрашивает. Я проводил. Она пригласила домой. Я зашел, посмотрел квартиру. Она налила чай. Я спросил: «Вы одна живете?» — «Да, одна». И все такое. Мы попили чай. Что, не веришь? Мы просто попили чай и по-прежнему остались на «вы». И буквально недолго посидели. Минут сорок. Я такой: «Ну, мне пора. До свидания, спасибо за чай». А потом мне что-то по учебе надо было. Не то написать реферат, не то еще что-то. И

я попросил ее помочь. Ну как — повод? Просто прикольно было.

И вот я попросил ее помочь мне с рефератом. Мы общались достаточно много на людях. То есть она не ставила себя выше, типа она взрослее и умнее. Мы общались на равных... А потом перешли на «ты». Как-как? Ну, как-то перешли. «Давайте перейдем на „ты“». Вроде она предложила.

У меня не было такой необходимости скрывать наши отношения от одноклассников. Я нормально отшучивался. Мы общались, встречались. Она познакомила меня со своими друзьями. Мы к ним в гости сначала ходили, потом они к ней пришли. Эти люди нормально ко мне относились. Я ведь был достаточно взрослый человек. Конечно же, город маленький, через третьих, четвертых знакомых знали друг друга. Они знали, кто я...

Мы стали чаще встречаться. Я приезжал к ней домой. Мы смотрели кино, ходили в кафе. Потом я начал оставаться у нее дома. Я не помню, кто стал инициатором. Ты же знаешь, оно ведь как-то само происходит. Уже поздно, засиделись допоздна. Смысла уже ехать домой нет. Я остался в другой комнате. Утро, чай. Все нормально. Я сначала несколько раз так оставался, без всего такого. Она ехала на работу, а я ехал на учебу. И мы ехали в разных маршрутках. Выходили вместе и ждали разные маршрутки. Все равно в конце концов колледж начал гудеть. Языком болтать. Я не пытался никому рот закрывать. А чего? Пусть говорят. Я же ничего плохого не делал. Может, у нее и были проблемы с дирекцией колледжа. Все потрещали-потрещали, да и успокоились в конце концов. Нормальный парень, нормальная девушка. Ничего страшного в наших отношениях не было. Какая аморалка? О чем ты говоришь?

ВИТЯ БОНДАРЕВ

Сначала песни были достаточно мечтательные. Ничего не понять. Я так верил, так писал, так жил. А потом наступил день, когда я познакомился с Витей Бондаревым. Познакомились мы на каком-то концерте самопальном. Помню, там были две колонки, старые, российские. Усилитель допотопный, два микрофона. В то время был в городе один человек по имени Дима Шарко. Он очень дружил с администрацией города — такой деятель молодежный. Он организовывал праздники, фестивали в городе, как раз и для неформалов. Одним из которых был «Снеговики не умирают» в актовом зале Дома учителя на улице Ленина. Зал — мест на триста. Выступали различные группы таганрожские. Певцы под гитару, барды. «Асимметрия» там выступала в усеченном составе, аппарата было мало: барабан один, две акустические гитары, два микрофона. В Доме учителя оказался и Бондарев. После концерта он подошел, мы познакомились «О, ты прикольно поешь, давай встретимся, посидим, чего-то придумаем». Вот так вот мы с Витей и познакомились.

Причем вот что интересно. В Таганроге, как и в любом городе нашей страны, есть улица Ленина. Это такой местный Бродвей. И с раннего вечера до поздней ночи люди ходят сначала по одной стороне улицы, потом переходят на другую сторону и идут в обратном направлении. Потом доходят до конца, снова переходят и идут обратно. И так все время. Точно так же гуляли и мы. И можно было встретить человека и уже узнать его, потому что ты уже раза три его видел, пока ходил туда-сюда. И вот когда я так гулял с ребятами, часто видел человека, который похож на Шевчука. У него была

косуха, кожаные джинсы, казаки. Длинные волосы, очки с квадратными стеклами. Он был по типу очень похож на Юрия Шевчука. И я думал, ну и тип тут ходит! Только потом, спустя полгода, я познакомился с этим чуваком, и им оказался Витя Бондарев. Смешно было, он тоже из той тусни, только более взрослой. Витя старше меня лет на пять — на шесть.

Благодаря Вите я узнал старшее поколение творческих людей. И вот оно как раз меня очень не любило. Не потому, что проблема поколений, нет. Это касалось, как я сейчас понимаю, обычных вещей. Девочки, внимание, борзость, мечты, стремления, работа. Моторчик. Я думаю, это.

А что, можно представить еще что-то? Поэтому была неприязнь со стороны старших, которые до сих пор сидят в жопе. Сейчас приезжаешь в город, видишь этих людей. Ничего не изменилось!

Витя — поэт. Вместе с ним уже получились песни гораздо жестче, музыка стала тяжелее. Уже пошли песни вроде «Америки нет». Очень тяжелая песня. Такая: тунд-тунд-тунд ду-ду... Потом на одном концерте мы играли ее с гитаристом группы «Сакрум». У нас было два гитариста, и мы очень тяжело играли: «...Америки нет. Эта дорога никуда не ведет, это просто следы от моих ботинок...» Бондарев не то чтобы жесткий, он фатальный немного был, безысходный. Поэтому и песни стали тяжелее, и бусы мои исчезли.

Никакой творческой ревности к Бондареву не было. Никакой обиды. Просто мы экспериментировали. Мне было интересно все новое. Мне было о-о-чень интересно на чужой текст написать музыку. И я же еще выбирал тексты. Не на все подряд писал. Что мне нравилось, на то я и сочинял музыку и пел. Я вообще не думал, что это текст Вити, потому что мне казалось, что это мой — так в него въедаешься, придумываешь музыку, начинаешь любить и просто поешь как свое. Тогда и мыслей не

было таких, о ревности к чему-то. Потому что все было кайфово делать. Кайфово было играть, кайфово петь. Сочинять, слушать, как другие что-то сочиняют.

Я просто воспринимал его слова, да? У меня не было какого-то разделения — мои слова, не мои. Вот человек, который врубается, общается, помогает мне. И мы делимся чем-то. Вот он приносит тексты, а я пишу музыку. И мы что-то делаем, пытаемся найти общий язык.

Да какая там зависть! Мне было интересно, как это так. Вот я читаю, понимаю, что написано как бы не об этом, а я все понимаю о чем. Мне было интересно, как у человека работает мысль, чтобы вот эти слова взять, так их связать, так срифмовать. И так здорово получается. Вот это да! Я так не могу... Было не то что жаль, я думал, что так никогда не напишу. Так и не написал никогда. Потому что у меня голова по-другому работает. Я научился открываться... Я, конечно, могу написать очень сложный текст. Практически околесицу, которая будет восприниматься как пятьсот тайных смыслов. Хотя на самом деле я написал полную ерунду. Вот этим мне совсем не хочется заниматься, неинтересно. Почему? Во-первых, ты напишешь ерунду. Во-вторых, люди поймут тебя вообще не так. Тебе же хочется, чтобы тебя люди понимали, да? Я могу что-то написать и прикольноуться. О! Я знаю, о чем, а люди не знают, ха-ха-ха! Один я знаю, какой тут смысл!

И зачем это надо? Полная глупость! Надо, чтобы не только тебе нравилось, что ты написал, но чтобы это было доступно людям, чтобы они тебя поняли. Что ты говоришь, зачем ты это говоришь. Вот в чем смысл. А играть в кошки-мышки — не хочется. Вообще это глупо. Бессмысленная трата времени...

И что я заговорил об этом?... А! Я никогда не буду писать, как Бондарев, и слава богу! Очень у него есть красивые обороты, аллегории. Может, мне этого тоже

хотелось. Но у меня самого этого предостаточно. Можно садиться с человеком, который врубается в эту тему, и сидеть, дробить Судьбу. Все переставлять — ребусы, шарады... Я понимаю, когда ты написал двадцать, а еще лучше тридцать хороших песен, понятных, доступных песен, четких, у которых есть идея, цель, которые рассказывают простым языком. Простой язык — самый сильный язык. Он доходит сразу до человека. Вот тогда ты можешь чего-то там повыпендриваться. Тогда я не понимал, зачем песни пишутся, а сейчас понимаю. В чем смысл песни? Для чего она существует? Почему песни люди пишут? Почему другие люди их слушают? А когда я это понял, стало очень просто. Как барьер преодолел.

Невозможно написать хорошую песню по расчету, даже если ты умный человек. Очень тяжело открыться и заговорить таким языком, которым ты разговариваешь в жизни. Потому что на бумаге можно спрятаться всегда. Можно всех запутать, самому спрятаться за непонятными словами. И сидеть тихо радоваться. Это страх. А эти люди — трусы. «Я-то знаю, что в этом слове у меня это, а в том — то-то, но я никому не скажу! Понимайте как хотите. Это не ко мне, до свидания!» А тогда зачем ты пишешь песню? Для чего? Самовыражаться не так нужно. Ты-то человек, ты не гуманоид! А самовыражаешься, как гуманоид. О-па, уже ошибка! Ты человек, ты хочешь, чтобы тебя знали, какой ты есть. Чтобы тебя любили за то, что ты такой. Обман себя, обман людей? Двойной. Невозможно же стать другим человеком. Нет, можно все заменить, а потом всю оставшуюся жизнь маяться — меня не так поняли. А на самом деле я не такой. А никому уже будет неинтересно, что ты не такой, какой в песне. Потому что тебя будут воспринимать вот таким — странным, загадочным. Или наоборот — очень глупым и примитивным.

Витя работал на овощной базе в Таганроге, которая находилась где-то в поле в районе Свобода. На Свободе овощная база большая, практически последняя из тех, что остались в городе. На ней и работал Бондарев. И я частенько приходил к нему в гости. У него было несколько дворовых собак, которые бегали по территории базы.

Мы заходили с ним в каптерку, в которой периодически тусил его сменщик, вечно пьяный мужик. Мы сидели, что-то придумывали, общались. Терки разные, что происходит, кто с кем, кто где. О музыке. Он мне начал показывать, какая музыка есть, какую он слушает. Начал меня просвещать. Он дал мне послушать кассету «Rage Against». Дал кассету «Sonic Youth». И еще какие-то группы альтернативные, например немецкую, чего-то там штурцен... Einstuerzende Neubauten, вот!

И мы сидели в каптерке, пили чай... да, именно чай, чего улыбаешься? Витя не выпивал, потому что года за два до этого; он какие-то наркотики жрал, жил в каком-то свинарнике, жестко у него все было. Вот, чаек попивали и ходили по этой овощной базе: у него обход был, помню, раз в три часа. И мы обходили, пешочком гуляли. Он мне показывал, чего где. Где капуста, где морковка. Изредка угощал меня капустой или яблоками. Так мы с ним общались, песни разные придумывали. Он показывал тексты. «Вот, классная тема есть, надо придумывать». — «Круто! Давай!» И я придумывал музыку на его слова.

Сами пытались устраивать какие-то мероприятия. И в конце концов Витя организовал литературный клуб, который находился в детской библиотеке на улице Фрунзе рядом с моим домом. По вечерам пятниц или по субботам, не помню, раз в две недели собирались люди-поэты, которые сочиняли стихи и в этом литературном клубе их читали. Сначала было всего человек шесть.

Потом половина этой музыкальной тусы города тоже туда пришла. Потому что делать было нечего, концертов нет. Разговаривать не с кем, квартир, где можно потусить, мало, где на гитарах побренчать и пообщаться. Поэтому все ломанулись в этот литклуб. И Витя Бондарев его вел. Они даже выпускали альманах.

Я тоже приходил туда, пел песни. А стихов у меня не было, я их не писал. Я писал сразу песни. Разве ты не помнишь, я тебе говорил! К тому же я их не записывал, а сразу запоминал. Играешь на гитаре, напеваешь и таким образом запоминаешь. Я даже сейчас так запоминаю, мне не надо записывать. В башке просто мелодия сидит. Тем более если ты ее сочинил и она доступная, без премудростей. Это же всегда просто. Она въедается в мозги, ее невозможно просто забыть. Вот так и тогда было. Просто сочинял, пел ее дома. И привыкал. Это как стих выучить наизусть, ты же его читаешь для этого много раз.

Да никак был мне этот клуб. Скучотища. Там разборы стихов были. Помню, Витя очень любил Бродского... Они читали там по очереди стихи. Знакомились, а потом читали. Сначала Витя открывал заседание клуба: «Здравствуйте, друзья, и все такое... В мире произошло то-то и то-то... А сейчас я вам прочитаю стих какого-то американского или там английского поэта 70-х годов. После чего мы начнем общаться и тереть свои терки...» Там был мальчик лет одиннадцати — самый талантливый из них, хорошие стихи писал. Настоящий поэт. Человек, который был не от мира сего, но при этом замечал какие-то вещи этого мира. Поэт, одним словом.

В конце концов стало ясно, что всем хотелось большего, чем стихи. И Витя мне говорит: «Приходи!» — «Витя, что я там буду делать? Скучота, все читают стихи...» — «Да не, приходи, споешь несколько песен». Ну, я пришел, спел и так постепенно литературный клуб

превратился в литературно-музыкальный. Начали приходить люди с гитарами, начиная с лохов, которым по сорок лет. Древние таганрожские барды — «ах, Таганрог мой, Таганрог». И заканчивая самыми оторванными местными гитаристами. Всякое отребье, панковщина. И это все объединял на тот момент Витин литературный клуб, потому что альтернативы ему тогда не было.

Никто больше не хотел заниматься поэзией, музыкой. Все это практически угасло. И этот литературный клуб стал местом тусни. Там под конец собиралось человек по сто пятьдесят. Все выходили курить, потому что детская библиотека. Все стоят, курят, беседуют... Потом уже приезжали люди из Ростова, то есть клуб становился известным за пределами города, легендарным. Народ приезжал со всей области, даже из Краснодара. Потому что ничего другого не было. Хотя это...

В большом читальном зале все столы убирались. Привозили даже аппаратуру, барабаны, электрогитары, играли коллективы. Там выступать я очень стеснялся. Стеснялся, что на меня смотрят люди, чуть ли не в рот заглядывают. «Рома, спой!» — «Да не буду!» — «Давай!» — «Ну, нет...» — «Хорош выпендриваться-то!» И я садился с гитарой, минуту мог держать аккорд, чтобы начать петь. Все уже: «Ну, бля, давай уже, а!» — «Щас!» Вот, и потом начинаю петь, пою, уже все как в тумане. Главное — спеть. Потом допеваю до конца, все хлопают. «Ну и слава богу», — думаю. Тяжело... Особенно когда просто под гитару, а не с группой, когда ты выходишь: «Здрасьте!» и все такие: «А-а-а-а-а!» А вот так просто выйти и спеть...

Про наш литклуб даже таганрожский пятый канал сюжет снимал. Мы придумали какие-то декорации. В одном зале тогда шел ремонт, стояли леса. Стены обшарпанные. И мы плюшевую игрушку без головы

посадили на эти леса, фонарь поставили. Такой вот креатив. И вот снимали с Бондаревым передачу про таганрожские таланты, но это не взяли, сказали — очень мрачно. Слишком откровенно. Без этого — «ах, Таганрог мой, Таганрог, ах, как все зашибись». Мы не знали, что надо гладенько, и стали жертвами цензуры!

ДЕНЬГИ

Тогда я даже не думал, что можно зарабатывать музыкой на жизнь... Я ни разу не получал деньги за выступление. Я подозревал, что за музыку люди могут деньги получать, но особо не думал об этом. Мне больше всего хотелось попробовать себя и показать людям, на что способен, а что дальше — посмотрим. Что там, как... Те деньги, которые выделялись местной администрацией на проведение концертов, шли на организационные нужды. В лучшем случае нам оплачивали проезд до места концерта, если он проводился в другом городе. В Таганроге я ни разу не получил гонорар. Мелочь, которую нам кидали в коробку, когда мы играли во Франции, — не в счет, как ты понимаешь. Стипендии не хватало ни на что. Приходилось подрабатывать.

Я все время пытался найти деньги. Чтобы куда-то с девушкой пойти. Мне все время казалось, что, когда ты с кем-то встречаешься, нельзя приходить без денег. Если хочешь услышать про комплексы, то, скорее всего, страх отсутствия денег и был главным комплексом. Потому что все остальное — фигня. А деньги — это реальная проблема. Все время не хватало. И как-то все совпало. В колледже наярив, заканчивал третий курс, у меня проблемы были с какой-то девушкой. И я решил бросить колледж, уйти. Тем более к тому моменту я не ходил туда по какой-то причине недели две. Стипендия была очень маленькая, меня задолбал этот колледж, я устал учиться. Преподаватели докапывались все время: то курсовые не принимали, то начертил что-то неправильно. А у меня к тому же еще с этой профсоюзной деятельностью мало времени было, чтобы заниматься учебой. В конце концов за инициативу меня

наказали, конечно. Дела, которые я должен был делать, я и делал, а на учебу времени оставалось мало. И я решил забить на все это дело и бросил колледж. Без разговоров. Я пришел и сказал: «Все, отчислите меня, я больше не буду учиться. Я устал». Никто ничего не сказал.

Я решил пойти работать. Все лето проработал на центральном рынке грузчиком. Развозил воду на телеге по торговым точкам. Напитки в двухлитровых пластиковых бутылках. Я ж по напиткам специалист! Потом я работал продавцом аудиокассет. Были пиратские торговые точки — прилавочки, где продавались левые кассеты, на которых не было даже обложек. В ассортименте было пять альбомов с обложками — типа фирменные, с фотографией, а остальные — просто с надписью на ребре, например «Ирина Аллегрова». И на принтере синим шрифтом напечатано, какие песни. У меня был лоток, магнитофон. И каждому покупателю, который хотел послушать, я ставил кассету, Перематывал. Люди слушали, покупали. Был продавцом музыки, в общем.

А еще я работал сторожем в одной Конторе. Называлась «ООО Экология», напротив центрального рынка. Помнится, там какие-то трактора стояли. Контора, кажется, озеленением города занималась. Была сторожка, и я в ней сидел за окошком с решеткой. Замдиректора этого предприятия торговал 646-м растворителем для наркоманов. Он мне сказал: «Ром, тут, короче, есть растворитель. Тебе ночью постучат, сунут десять рублей, а ты просто отдашь бутылку». Я говорю: «Да без проблем!» И я заступил на дежурство. У меня был с собой магнитофон, несколько кассет любимых, гитара. Мне тогда дали послушать кассету «Rage against the Machine». Не то альбом назывался «Revolver», не то песня там такая была.

Я слушал в сторожке эти кассеты, писал песни. У меня была гитара. Был кипяtilьник. Баночка чая, еда какая-то, картошка... Не спать было очень легко. Потому что в то время никто не спал по ночам. Мы все тусили, чем-то занимались. Спали до двух дня.

И вот в первое же мое дежурство постучали в окошко. Я говорю: «Че надо?» — «Как что? 646-й!» Я посмотрел по сторонам, увидел ящичек, а там растворитель. Мужик сунул мне десятку, я отдал ему бутылку, и он ушел. Так за ночь пришло человек пятнадцать. И где-то через месяц работы я понял, что можно зарабатывать деньги. Я стал каждый вечер потихонечку приторговывать и своим растворителем. Я очень боялся, мне было очень страшно, что меня кто-то засечет.

Я стал покупать на рынке напротив этот самый растворитель, который там стоил семь рублей. Я приносил на работу бутылочек пять и за ночь без проблем их продавал. То есть навар у меня был рублей пятнадцать за ночь. Хорошие деньги — можно было купить несколько бутылок вина. И сигарет, и выпить, и чего-то пожрать. Я аккуратно заходил в ворота, озирался. А во дворе какие-то рабочие — «Рома, привет!» А у меня пакет как бы с едой, но там еще были бутылки с растворителем. Я ужасно боялся, что они зазвонят. И вот я шел по двору к сторожке со своим товаром. Но я прекрасно понимал, что никакой не товар это, а растворитель, за которым приходят наркоманы, которым ночью его купить негде — рынок не работает, а ширку готовить надо. Потому они за десять рублей без проблем покупали. А поутру я должен был сдавать замдиректора все деньги, на которые наторговал за ночь. К утру в ящичке обычно лежало рублей двести. Так я торговал расширителем для наркоманов. Еще откуда-то деньги доставал. Мы уже в Мариуполе с Лехой как-то суетились, подрабатывали. Вот летом на

молокозаводе работали. Пустые бутылки складывали и ящики. Были ящики не пластмассовые, а из проволоки. И мы ставили туда бутылки. Нам молоко за это давали. И мы напивались молоком, с собой брали. Иногда вытаскивали слишком много молока. Тетки в цехе говорят: «Да берите, ребята, сколько можете». Ну, берите так берите — и мы через забор ящики с этим молоком. А потом на ближайший рынок. Коммерция тогда зарождалась. И мы бабушкам тамошним сбавляли это молоко в три раза дешевле. Они у нас с удовольствием его покупали. И деньги какие-то.

Еще была подработка — шабашки, я же строитель. Мы летом после второго курса с Валерой Крахмалюком работали. И с Василием, не помню, как его фамилия. Валерка был такой суетной, все время нам эти шабашки находил. Как-то приходит и говорит: «Я тут нашел детский садик. Они просят сделать ремонт, предлагают деньги, им надо побелить, что-то подмазать, подштукатурить». Я говорю: «Круто! Давай!» Мы достали пылесос, насадку. Такая банка пол-литровая, туда вставляется насадка и при помощи пылесоса все распыляется. Пульверизатор, короче. Закупили шпатели, мел, алебастр, раствор, песок — все что надо. И вот мы в этом садике сидели недели три. Мы сначала так походили по кабинетам с умным видом — надо ж сказать цену, определить объем работ. Нас пригласили к директору садика. Мы, такие деловые, ходим по помещениям, стучим шпателем по стенам: «Так, тут отвалится, здесь отвалится!» Я такой подцепил штукатурку, бац! Такой кусок отвалился. Директор в крик: «Ты что делаешь?!», а я ему: «Все равно бы отвалилось рано или поздно!»

И принялись мы за работу. Детсадовский плотник соорудил нам леса. Они так жутко качались! Садик располагался в очень старом особняке. Потолок был в ужасном состоянии — аж дранка была видна. И что

такое «дранка» не знаешь? Короче, набивалась на деревянный потолок щепка деревянная, такие реечки крест-накрест, чтобы раствор прилипал. Вместо арматуры. Дерево и раствор — вещи не совместимые друг с другом. И вот мы потолок поколупали, все посыпалось. Говорим: «Чувак! Это другие деньги!» — «Как другие?!» — «Да ты посмотри сам! Мы, конечно, можем замазать на соплях, но дети попрыгают, и все отвалится!» В общем, мы сошлись на цене и втроем решили работать.

Приходили утром. Первая наша настоящая работа! И весь особняк — наш! Валера сразу сказал: «Надо сюда телок водить!» — «Валера, где мы найдем телок?!» — «Найдем! Вася, у тебя есть телки?» Вася очень веселым человеком был. Первая мысль про «телок», потому что там же кабинеты были, кровати. Ну, кровати детские, допустим, а вот кабинеты! Тогда же не у кого было тусить, отдыхать...

И мы начали работать над потолком. Прибивали уже и гвозди, арматура была старая. Мы уж и алебастр туда засовывали, все что можно — все сваливалось на хрен. Уже отчаялись и не рады, что за все это взялись! Нахрена надо, сейчас бы купались, тусили! Короче, решили набить беспорядочно в потолок гвоздей и опутать проволокой, чтоб с нее раствор не падал. Развели побелку... Нет, этому всему я в училище научился. В колледже нас другому учили: как доставлять машины на площадки, как бригады строительные сформировывать, сколько людей на котлован, себестоимость. Техничко-экономические показатели. Вся фигня. Не, плановики — это отдельный разговор. Сметчики-оценщики, блин! Как они могут что-то оценить, если не знают, что такое скрытые работы?! Так скоммуниздят полдома с фундаментом!

Ну вот. Развели мел, банку залили в пульверизатор. Не идет — все забилося. Продуваем. Без толку! Надо

цедить, короче. Мел-то природный, с кусочками, он же не мелкодисперсный. То есть не мелкого помола, как мука. Мел — это ж практически камень. Нужно цедить, нужна марля. Достали марлю. Валера говорит: «Марля тоже много пропускает. Нужны чулки. И где будем брать?» При чем тут телки?! Мы — к мамам: «Мамы! Дайте чулок!» Мы набрали чулок. Очень много их понадобилось. Белим, белим. А там одним слоем мало — видны пятна штукатурки. Мы полностью были белые: волосы, одежда, лицо. Помнишь, как в мультике, когда волк в «Ну, погоди!» бегал по какому-то музею. Вот мы такими были...

У нас был кипятыльник. Мы заваривали чай. Тогда только-только появилась лапша одноразовая... Что смеешься? Ну, как ее еще назвать? Ну, быстрого приготовления. Не помню, как называлась. Какой «Доширак»! Тогда «Дошираком» и не пахло! И мы с таким наслаждением ее хавали! Там еще гранулы были какие-то в пакетике, очень было круто! И вот мы ели эту хрень со вкусом чего-то. Стоила она рубль восемьдесят.

Изредка к нам приходили друзья... Да не было у нас никаких телок! Просто были какие-то тусы. Какие-то девчонки приходили. Мы пили, чего было, курили, болтали, магнитофон слушали. Причем слушали какую-то хрень. У Валеры был сборник какой-то старой зарубежной эстрады. Жуткое диско. Там была очень прикольная песня «вуле ву, вуле ву, вуле ву, дансе — там-там-там-там-тамтам...» Не помнишь? Да, итальянцы какие-то пели. «Рики э пове-ри»! И мы стояли на этих строительных лесах, подпевали и стебались. Ну и приходила девочка из колледжа Оксана, очень красивая девушка. Мы потом ходили на море, купались.

И вот мы так типа ремонтировали. И в один прекрасный день приходит директор садика и говорит, что пора заканчивать. Мы в шоке: «Не успеваем!» Потом закончили, получили гонорар. Часть денег я отдал

маме, часть оставил себе. На себя потратил. Ну как? Пробухал. Не было ничего более романтического, чем пробухать. Прийти к друзьям и объявить: «Я сегодня угощаю!» Круче не было — купить вина, водки, закуски, шпротов, пельменей. Что круче-то? Вот. Ну, на сигареты, на какую-нибудь полезную вещь. На шмотку в секунд-хенде.

Я не упускал возможности заработать. Один раз даже в тюрьму загремел по глупости. На чем? На сбыте фальшивой валюты. Влип... Чего, рассказать?

Канун Нового года. Тридцать первое число. День. Витя Бондарев, мой друг и соавтор, пришел ко мне домой. Что-то мы терли по поводу музыки, он новых текстов приносил. Посидели, потерли. Новый год мы собирались встречать не вместе. Витя с семьей, я со своими. Я пошел его проводить. А там рядом есть такой треугольник, где пересекаются несколько улиц. Водители Бермудами прозвали. Может, там чего и пропадало, не знаю. Я вот точно — чуть не пропал. Просто пересечение улицы Фрунзе и Гоголевского. И я довожу Витю до Бермуд. Там маршрутки в разные концы города разъезжаются. Вдруг подходит к нам какой-то кавказец, говорит: «Ребята, у меня тут дойч марки, надо поменять». Витя говорит: «Иди да поменяй, что ты к нам пристал?» — «На рынке только один чувак меняет дойч марки, а я с ним поссорился — денег задолжал. Если сам появлюсь, меня в порошок сотрут».

Витя говорит: «Что-то мне неохота. Рома, иди, заработаешь денег». Там было двести марок, кавказец сколько-то обещал, не помню. И вот он показывает на какого-то чувака и говорит:

— Он меняет. А я тебя на остановке подожду.

Я подхожу:

— А можно дойч марки поменять?

— А скока?

— Двести.

— Ну, заходи.

А там такой ларек. Я захожу, даю ему деньги, он на них долго смотрит. Неожиданно подходит второй, тоже смотрит на купюры. И вдруг достает удостоверение: «Милиция, пройдемте». — «Куда?!» — «В отделение». И меня повели... Фальшивые деньги. Пятое-десятое. Я в шоке, ничего не могу понять, иду как послушный гражданин. А Витя, видать, что-то заподозрил. Он такой подходит, видит чувака, к которому я подходил: «А где мой товарищ?!» — схватил его за грудки. Тот типа: «Не знаю, ничего не знаю!»

И тут Витя видит, как меня уводят в ментовку на рынке. Он подошел, спросил, в чем проблема. И тут же пошел моей маме сказать, что меня забрали. Из ментовки на рынке меня повезли в третье городское отделение милиции на какой-то допрос. Что за допрос? Ничего не понял. Там какой-то человек в штатском сидел. Лысый. Очки нелепые какие-то. Зрение у него, короче, было плохое. «Ну, рассказывай, где взял, сколько осталось?» — «На остановке подошел какой-то хмырь...» — и рассказал всю историю. Он меня послушал так, покивал головой и говорит: «Рассказывай сказки».

Повезли меня в суд, который находился на старом вокзале. Завели. Вышла какая-то заспанная тетка.

Суд без следствия, быстрый. Вышла тетка, ей что-то сказали, она написала бумагу. Дали десять суток. Все. Они взяли эту бумагу — типа посудили, и повезли в следственный изолятор. Привезли, сдали меня тамошним милиционерам. Посадили в камеру.

Вечер. В камере сидели люди какие-то. Камера бетонная. В углу стоит выварка. Знаешь, что такое выварка? Это такая жесть, знаешь, ведра есть такие жестяные серые, немного блестят? В крапинку... Громадная кастрюля, выварка называется. В таких раньше вываривали белье. Это был туалет. Какой-то

рукомойничек стоял. Деревянные нары в два этажа. Две большие батареи — типа отопление через все камеры проходили.

И вот посадили меня в эту камеру. Я в чем был, в том и привезли. А там сидели мужики лет по сорок, бывалые. Кражи, взломы, грабежи, разбой. Мокрушников не было, таких сажали в другую контору. Воры в основном... «Садись, — говорят. — За что?» Я говорю: «Вот такая история...» Они послушали, между собой посмеялись, типа ерунда. «Выпустят через десять суток. Успокойся!» А один сказал, что если по окончании десяти суток тебя выпустят как бы на волю и там, у входа, будет воронок стоять, то сразу заберут прямо на выходе, повезут опять в суд; напишут еще десять суток и опять в камеру. И это означает, что они не успели разобраться. То есть концы найти. Еще тебя содержат, в конце концов поймут, что тут нечем заниматься, что действительно лажа, ты просто выйдешь и пойдешь домой. И все эти десять суток я сидел и думал, будет ли стоять воронок, когда выйду. И буквально в тот же день за какую-то взятку маіца передала мне лекарства — таблетки от головной боли, температуры и еду. Мне передал сержант передачу. Как в тюрьме это называется? Не, пайка, это чем кормит. Передача, кажется. Кормили там очень странно. Каждый день брали из одной камеры несколько заключенных, и они ездили на кухню, откуда еду развозят по всем СИЗО. И вот они ехали с кастрюлей, с бидоном, со всей этой хренью. Потом привозили, выгружали, их опять закрывали ц камере. А сержант уже сам раздавал. Кормили каким-то холодным супом, в нем было несколько порезанных картофелин, холодный лук кусочками. В общем, абсолютно безвкусные помои. Через день суп и не пойми какая каша. Плюс четвертинка хлеба. И еще кипяток давали. Вот этим кормили.

А в маминой передаче были сало, яйца, колбаса, сахар, соль, чай. Все сокамерники мои радовались: «О, чувак, нормально, поедим!» — «Конечно, поедим!» А как же иначе — сидим в одной камере! Очень хотелось курить. Потом, как я выяснил, мама положила много сигарет и еды, но сержант все это забрал себе, оставив продуктов по минимуму. Но несколько таблеток от головной боли передал.

На Новый год сержант дал нам по сигарете «Прима» на человека в каждую камеру. Мы сидели, курили и радовались. Мы слышали какие-то салюты, фейерверки... Так мы встретили потом Рождество... Было очень холодно, и люди по очереди грелись у батарей. Было очень жестко, неудобно, спать было не на чем.

Там, где батарея проходила в соседнюю камеру, люди расковыряли цемент, и рука могла пролазить в соседнюю камеру. И мы все время перестукивались, у кого что есть. Есть табак — они нам. Мы им чайку. Табак заворачивали в газеты. Там я научился скручивать из газеты самокрутки.

Десять дней так и прожил. Зарос кругом, жаргона наслушался. Например, выварка, которая стояла в углу, называлась «фаныч». Вот...

Выводят меня из камеры, а я думаю: ну все, пиздец, сейчас воронок у входа и — по новой. Открываю дверь, жмурюсь от солнца. Там мама стоит, Витя Бондарев, Иван. И вот они все меня встречают. Я вышел, начали обниматься, целоваться, пошли домой. И пока мы шли домой, я рассказывал про свою тюремную жизнь. А они смеялись, потому что я говорил на таком жутком языке — просто за гранью! То есть все, что меня там окружало, я мог назвать эковским жаргонным словом. Например, скалки — это решетки. Я долго не мог отвыкнуть от этого базара...

А потом однажды ко мне зашел в гости человек, который сидел со мной в этой камере. Такой плотный взрослый мужик с усами. Цыган, кажется. Завалился с какими-то двумя размалеванными телками лет по тридцать: «Рома, привет!» Мама в шоке: «Рома, кто это????» — «А это, мама, — говорю, — мой сокамерник». И он такой: «Пойдем, буханем в ресторан, я откинулся. Бабло есть!» Я как-то смог культурно отмазаться, типа занят, чтобы не обижать человека. И он точно так же с этими девахами урулил.

БОГЕМА

Среди музыкальной элиты города группа «Асимметрия» не пользовалась популярностью. Среди так называемой богемы. Знаешь, в каждом городе есть такая богема: какие-то поэты, художники, музыканты, барды. Тусовка людей, которая передвигается из квартиры в квартиру, чаще всего съемную. В городе было много иногородних, которые приезжали в Таганрог и оставались там навсегда. Потому что город располагал к себе и очень затягивал. Эти люди практически нигде не работали, тусили все время, жили на деньги друзей, потом сами давали деньги. Такая жизнь. Они занимались искусством: писали песни, стихи, книги. Поэтому многие эти богемные люди часто выходили на центральные улицы города или на ту же Францию и пели песни под гитару с коробкой для мелочи. И вся тусня была вокруг них. Девчонки, ребята. Насобирают на вино — и бухать.

Нас они не признавали, потому что, наверное, мы не казались достойными их общества. Мы не понимали, что у них там происходит. Мы делали то, что делали. Я, конечно, участвовал в этой богемной жизни, но многое не понимал, просто приходил, тусовался. Пил вино, пел песни. Возможно, там какие-то свои расклады были. К тому же у нас была конкуренция с самой известной группой Таганрога, я тебе рассказывал, с группой «Апогей».

Таганрог — город очень маленький. Даже если ты встретил незнакомого человека, все равно через пять минут ты понимаешь, что он тебе родственник. Это немного Одесса. Только такая Одесса — чеховская. Таганрог же — один из самых волшебных городов мира. Чехова читала? Рассказы короткие? Пьесы? Читала, да?

Так вот, ничего не изменилось. Абсолютно. То, что описывал Чехов в своих рассказах самых известных, ну, там «Ионыч», к примеру, «Человек в футляре». Такие люди там до сих пор живут. Это невозможно, но это чистая правда. Чехов — гений. Он ничего не выдумывал. Он просто описывал то, что есть.

Чехов... Мы с Валерой Крахмалю ком из колледжа, который нам шабашки находил, как ты помнишь, снимали фильм про Таганрог для слета студентов в Москве. И всерьез с ним увлеклись Чеховым. Дом Чехова, библиотека Чехова, гимназия Чехова. Театр Чехова, куда он приходил спектакли смотреть. Короче, все — Чехова. Везде в Таганроге. И мы стали интересоваться. Что он, зачем он. Что писал. Стали читать его рассказы смешные, пьесы. Ходили по улицам с камерой и снимали репортажи. Например, ты знаешь, что «Человек в футляре» был реальным персонажем, учителем в гимназии? Только Чехов тут немного того... сгустил краски. Он потом в своих дневниках рассказал, что взял образ этого человека. Тот действительно ходил в черном, в шарфе, с зонтиком. Но он, оказывается, не был жмотом. Когда он умер, все его деньги по завещанию достались гимназии, где он преподавал. А буквально напротив, чуть подалее, на улице Чехова стоит Дом архитектора, где жил доктор, с которого он взял образ Ионыча...

И мы сначала ходили, смотрели, узнавали. Потом стали его книги читать. Записки, мемуары. Когда Чехов был студентом, у него было очень мало денег. Отец его выгнал. Отец торговал сахаром, маслом подсолнечным, крупой, чаем. Короче, бакалейная лавка у него была. Только отец его был слегонца крейзи. Когда в бидон с подсолнечным маслом попала крыса, он чуть ли не крестный ход с этим бидоном устроил, чтобы там заразы не было. После этого у него никто не покупал подсолнечное масло. Когда Чехову хотелось есть, он

приходил в столовую, брал себе чай за полкопейки и сидел с газеткой. Когда кто-то уходил, он смотрел, кто чего не доел, быстренько пересаживался за освободившийся стол, закрывался газетой и доедал. Очень стеснялся, но есть-то хотелось.

Чехов очень хотел быть модным, но денег было мало. Он ходил все время в театр на спектакли. Однажды в город на гастроли приехала какая-то итальянская оперная звезда. Ты знаешь, что наш таганрожский оперный театр построен как мини-Ла Скала? Вот. Он не пропускал ни одного ее выступления и все время носил кроваво-красный галстук, точь-в-точь цвета платья этой певицы. В общем, очень модненьким фраером он был. И когда он уехал врачом из Таганрога на Сахалин, прислал в город много книг, чтобы там сделали библиотеку. Из нее впоследствии и выросла городская библиотека. Местные чиновники его очень звали приехать. А он отвечал, что не приедет в Таганрог, пока там не сделают канализацию. Потому что вся канализация текла в городе по каналам. В Таганрог он так и не вернулся... Он любил и не любил город. Одновременно. Но больше, скорее, недолюбливал все-таки. Из-за людей, что там живут. И люди эти не изменились. Живут точно такие же. Богема, бля...

Благодаря Вите Бондареву я узнал часть взрослой богемы. Сначала я не замечал неприязни. Мне Витя потом много чего рассказывал. Он был моим товарищем, мы пытались многое делать для Таганрога, для творчества так сказать, были за идею, за искусство. И он мне многое передавал, что про меня говорили. Интриг никаких не было. Просто сплетни, слухи, ерунда. От зависти. Понимаешь, нечему было вредить-то я не зарабатывал каких-то деньжищ, интригами не занимался. Просто поливали грязью. Что это за странный парень, который в искусстве ничего не рубит?

Мы искусство знаем, а этот — нет. Слишком простой. В другой компании это назвали бы «лошок», а у них — простак, не то что Мы, стихи пишем, прозу. Много книжек прочитали. Сколько пластинок прослушали! А это кто? Кто этот самозванец? Откуда ты вылез, мальчик?! Мы богема... Они, в Принципе, так и жили. А я тогда не понимал что такое эта самая богема. Мне наплевать было на все. Я жил своей жизнью. А Они своим тесным мирком не воспринимали меня как творческую личность. Меня-то по большому счету это не задевало. Я прекрасно понимал, что я не такой, как они. Но я уже тогда заметил, что среди людей есть конкуренция, и среди творческих — особенно. Я тогда задумался, что-то они все-таки делят, эти люди. Значит, и мне придется за это «что-то» бороться. За что, я не понимал, но бороться уже начинал. Может быть, даже за этих девочек... То есть специально я девочек не уводил.

Некоторые девочки сами уходили. Одной из них и была та Настя.

Таганрожцы — неплохие в принципе люди. Только вот какая-то мелочность у них присутствует. Такое болотце. Делать ничего не надо. Лень. Языком потрепать. Нет, я много видел провинциальных городов, не сомневайся. Они не такие... Каждый библиотекарь считает Таганрог культурной столицей юга России. Они все такие пафосные. Пафос! Да, пафос. Не знаю, может, потому, что там Чехов родился. И вот они все пафосные: если бард, то он пафосный. Если библиотекарьша, она тоже пафосная. Они же все очень интеллигентные, образованные. А на деле половина из этих людей просто лоботрясы типа поэтов, художников, музыкантов, которые ничего не делают. При этом хотят иметь деньги. Это отличительная черта таганрожцев. Разморенные. Они еле двигаются. Там даже трамваи

медленно едут. Правда-правда! Они не ездят быстро. Некуда спешить.

Они достаточно добрые люди. В том смысле, что, если постучишься во двор, тебе дадут стакан воды. Но это во всех провинциальных городах... Или, может, не во всех? Легкость, пофигизм. У тебя даже никто не спросит, если ты зайдешь во двор воды из колонки попить. Такое болото. Все друг про друга все знают. Если что-то с кем-то случается, все об этом начинают трещать. Столкнулись две машины, у одной разбилась фара. Показывают по телевизору. Репортер — красивая девушка. Такая вся из себя — я ведущая. Фара разбилась... Там даже телеканалы местные пропитаны всем этим. Атмосфера города.

Проблемы города обсуждают... Какие были чиновники при Чехове, такие и остались. Балы устраивают во дворце. Это ж город Таганрог, йоптель! Симфонический оркестр сидит из десяти человек. В художественном салоне видел фото: «Хулиганов и дам с собачками просьба не беспокоить». Все в таком духе. Город потихонечку, конечно, меняется, но это никогда не исчезнет. Люди же сами не меняются.

Я чувствую Таганрог родным. Конечно, чувствую. Особенно когда иду по местам боевой славы своей. Но когда я приезжаю туда и буквально часов пять проходит, я погружаюсь в ту атмосферу прежней жизни, мне становится плохо. Потому что ничего не происходит. И не произойдет — что самое страшное. Ничего. Каждый раз вечером мы собирались, выпивали, играли на гитарах, слушали музыку. Каждый день одно и то же, ничего нового. Вообще ничего! Все то же самое. Как по схеме. День рождения у кого-то — всегда одно и то же. День города — всегда одно и то же. Ходят по Ленинскому туда-сюда. На улицах шашлыки, куча кафешек. Все на улице тысяч часов до одиннадцати, до

двенадцати максимум. Потом все разбредаются спать. Вот так живет город.

В то же время что-то такое в городе есть, что заманивает приезжих людей. Я же тебе рассказывал. Как болотистая местность. Судьбы у людей абсолютно разные, но они появляются в этом городе. Появляются и остаются навсегда. И поневоле они находят людей из этой тусни, которые не как все. Их же очень легко найти было. Мы собирались в центре города. По пятьдесят человек, сидели и пели в сквере. Было очень легко познакомиться, раз — и ты уже в компании. Ты просто приходишь на другой день туда же, а они там же сидят. Это было очень легко. Ты просто подходишь, знакомишься. Тебе говорят: «Садись, брат. Вот тебе вино». Нет никаких проблем.

Но я всегда мечтал свалить из города. Я хотел попробовать себя. Мы стали там немного популярны. И я понял, что дальше ничего не будет, никаких возможностей развиваться. Ничего не будет. Я понял, что нужно обязательно поехать в Москву и попробовать себя там. Хотя бы попробовать, чтобы раз и навсегда убедиться, тем ли я в жизни занимаюсь или нет. И у меня в голове эта идея сидела года два. Но я не мог уехать, потому что должен был закончить колледж. То есть быть уверенным: если я приеду в Москву и что-то пойдет не так, у меня будет профессия и я не потеряюсь. Но ты не думай, я не собирался приехать в Москву и работать строителем. Эта профессия у меня была на всякий пожарный случай. Мало ли что? Мало ли, понадобится какое-то время, чтобы разобраться во всем этом. Я ехал в Москву петь. Как это будет, я не знал. Я думал, приеду в Москву, посмотрю какие-то каталоги, поузнаю, где какие продюсерские центры, и буду обращаться туда. Я так себе это представлял.

Друзьям-приятелям как-то было по фиг. Типа: «Ну-ну, езжай». Когда кто-то уезжает из города, это не

очень нравится местным. «Давай, посмотрим, когда вернешься». Многие уезжали, а многие не то что возвращались. Они вообще даже не уезжали. Даже не пытались.

— Ой, а этот ездил в Москву. Купил блок сигарет «Житан».

— Уау! круто! А чего ездил-то?

— Да он во ВГИК поступал.

— И че, поступил?

— Нет. В следующем году опять поедет.

— Ну-ну.

Или те, что возвращались:

— Да че тебе сказать? Москва — такой город, ничего интересного.

То есть люди, которые там не пригодились, не смогли как-то реализовать себя, они сразу оправдывались, типа: «Москва — говно. Мне и здесь кайфово. Меня здесь любят двадцать человек. Принесут всегда выпить, покушать. Здесь я и буду тусить. Мне здесь удобно». Потому что делать-то ничего не надо.

Мои друзья не уезжали. Был друг у Вити Бондарева — Валера Полиенко, с которым мы Настей «повязаны», я рассказывал тебе. Я с ним пару раз виделся в Таганроге. Валера учился в художественной школе. Рисовал картины. Потом он познакомился с Витей, и они стали стихи писать. Полиенко играл тогда в группе... какие-то там «Доярки». Типа «Заводные доярки», что ли. А Валера тогда жил уже в Москве. Когда он приезжал в Таганрог, так получалось, что у нас были концерты, он на них приходил. Валера учился во ВГИКе на режиссерском, приезжал с видеокамерой и снимал наши концерты. Конечно, если сейчас посмотреть, уписаться можно.

Помню, как-то после концерта шли втроем, по пути выпивали, общались о чем-то. Точнее, это они с Витей о чем-то говорили, что мне было трудно понять. Какие-то

поэтические, режиссерские, литературные выражения. Базар, как у критиков. Я совсем не врубался в эту тему, поэтому мне не очень было интересно. Интересно было то, что Валера из Москвы, что он там учится. Он писал музыку и тексты. Я думал, круто, чувак песни пишет. А в Таганроге было еще два таких человека — Дима Рябов и Женя Сидашенко. Валера с ними что-то мутит. Бондарев им песни сочинял. Я им помогал, на гитаре подыгрывал. И коллектив этот назывался «Тату». Может быть, после нескольких поездок в Таганрог Валера и предложил такое название совсем другой группе, для которой он позже стал писать тексты в Москве?

Благодаря бондаревскому литклубу у меня появились новые поклонники моего творчества. И поклонницы. Это были взрослые люди, которым было лет по тридцать пять, но были те, кому лет 18... Да у меня тогда не так уж много было поклонниц. То есть были, но я не знал, как они выглядят, по большому счету. Были такие полузапрещенные концерты. А там же не до них. Как и сейчас. Я практически не вижу людей, которые приходят на концерты. Такого же не было, как сейчас, — девочки у служебного входа. Так что у меня скорее были слушательницы, чем поклонницы. Нормальные люди. Некоторым нравился я, некоторым нравились песни. Некоторым просто нравилось, что я человек, известный в каких-то кругах. Кому что. Кому-то приобщение ко всему этому уже было здорово, считалось круто.

Своим статусом я не пользовался. В таких ограниченных целях. Если я видел девушку, которая вела себя агрессивно. Или вообще людей, которые не то что глупые, а чего-то недопонимают, то есть я видел, что человек — болван, я мог поставить на место. Я мог запросто сказать это. Вокруг было много левых людей. Я очень не люблю таких. И сейчас. Левых, то есть чужих.

Для меня было очень странным, когда приходил человек: «Я из Краснодара. Там есть богатый чувак, который может записать вас на студии, вот мой телефон». Я говорю: «Спасибо, до свидания». Я брал телефон и выбрасывал его в мусор. Мне очень страшно было, я не хотел рядом с собой таких людей. Сторонних. Я не знал их. Я же говорю тебе, Таганрог — город очень маленький, и ты видишь все время одних и тех же людей.

Может, и реально он предлагал студию. Но я не хотел быть никому обязанным. Я знал, что если этот человек мне поможет в чем-то, то, когда он придет и что-то попросит, я не смогу ему отказать. А так я отказать могу. Сразу. Если мне что-то не нравится, мне что-то неинтересно, то я никому ничем не обязан. Я не был ни от кого зависим. Хотел — приходил, хотел — уходил. У меня не было обязательств. Ни перед кем. Ну и, естественно, не было и никакого развития. Перспектив каких-то. А амбиции были, я в Москву собирался уехать. Да я даже и в Москве особо обязанным не собирался никому быть. Я знал, что я еду делать свое дело.

Как устроен шоу-бизнес, я не знал. Я думал, что он устроен примерно, как в Таганроге. То есть ты приезжаешь, поешь песни, тебя кто-то видит. Собираешь группу. С группой единомышленников просишься в какой-то клуб играть. Тебя забесплатно берут. Ты там играешь, люди приходят. Понравилось — еще придут. Потом больше клуб. Потом предложения сыграть на каком-нибудь фестивальчике, потому что твоя музыка стала известна в клубах. Вот так и думал. Так было в Таганроге, где никакого шоу-бизнеса и не было. Просто была возможность сыграть: на Днях города, на вечеринах или на квартирниках, где люди садятся и играют песни под гитару по кругу. Какой тут шоу-бизнес?

СВЕТА

Проходит год, а меня все еще из колледжа не отчисляют, документы не присылают. И однажды является мой одногруппник Валера Крахмалюк: «Рома, там в колледже какой-то региональный слет студентов намечается, типа лучших студентов выбирают, которые потом от Госстроя поедут на всероссийский слет в Москву. Просят написать гимн таганрожского строительного колледжа для слета Южного региона, а потом лучшие поедут в Москву». Я такой: «Да без проблем!» И написал гимн. Музыка взял из одной своей старой песни, текст написал про колледж, про строительство. Гимн Строителей.

В Краснодар съехались студенты строительных колледжей и институтов из всех городов Южного региона: Ставрополя, Ростова-на-Дону, Таганрога, Новороссийска и т. п. От каждого города — по три студента, которые показывали свои программы: визитную карточку, песни, конкурс на профзнания.

В колледже нашем тоже выбрали трех лучших. Но один парень заболел, и меня попросили поехать вместо него. И заодно спеть. Я пришел к директору, она: «Так и так, очень ответственное мероприятие, надо съездить». Я такой: «Ну я же не учусь. Типа отчислен». — «А я тебя восстановлю, все документы оформлю. И вообще, возвращайся». Я возвращаюсь, меня восстанавливают. И от Таганрога мы едем втроем: Валера Крахмалюк, девушка Маша и я.

В Краснодаре было жюри, они выбирали команду: приехало человек тридцать народу, а им надо было выбрать десять наиболее талантливых студентов, чтобы те смогли достойно представлять на слете в Москве Южный регион. Из таганрожской делегации они

выбрали меня и Валеру. Мы возвращаемся в колледж, и директор нам сообщает: «Дорогие друзья, вы поедете в Москву на слет студентов, а после него полетите в Болгарию». Такой у них был приз всем лучшим.

Мы с Валерой обрадовались. Принялись готовиться, начали тот самый фильм снимать про Таганрог. С двумя камерами ходили по городу, что-то снимали. Вот тогда мы на Чехова и подсели. У нас было два видеомэгнитофона, на которых мы монтировали фильм. Звук подкладывали. Такой цирк! Кино про Таганрог! Мы должны были на Всероссийский слет представить материалы о Таганроге.

Команда Южного региона встретилась в городе Новороссийске. Со всех областей приехали студенты: из Таганрога, Ростова, Новочеркаска, Ставрополя, Краснодара. Мы два дня собирались, знакомились, готовились, чтобы потом в Москву на этот слет отправиться. Нам директор дала деньги и сказала купить еще какой-то сувенир от Таганрога. Типа статуэтки Петра Первого (основателя Таганрога), чтобы в Москве подарить дирекции мероприятия. Еще командировочные выдали, на билеты. И мы с Валерой поехали.

И там я увидел ее... Приятная девушка, веселая. На майке у нее был значок с ее именем — Света. Было очень удобно, потому что, когда знакомятся, трудно запомнить, как всех зовут. А у нее был значок. Какое первое впечатление... она такая... такая девушка. Девушка.

Есть такие девушки, что в компании других девочек немного хозяйственные и следят как бы за порядком, уютом. Вот ехали в поезде двое суток. Она сидела в купе, на голове у нее было полотенце замотано. То есть как дома, понимаешь? Ну да, тапочки, халатик. Есть такие девушки, которые в любой ситуации чувствуют себя по-домашнему. У них есть свои любимые вещи,

есть косметичка, тапочки, какая-то кофточка специально для поезда.

Она такая... внимательная, которая следит за всем. Есть, конечно, люди в этом плане совершенно сумасшедшие, уже за гранью разумного: у них есть пять специальных пластиковых колбочек для соли, ложечка, специально в салфетку завернутая. Они чересчур педантичные. А есть приятные. Вот Света была из категории приятных. Просто у нее было все, как у девочек. Девочка.

Тогда я не мог никого из компании выделить, было много людей, человек двенадцать, кажется. Я не был заводилой. Там они все общались — новороссийская команда была больше всех. От каждого города по одному-два представителя, а их было, кажется, четыре. У них была такая своя компания. Они как-то свободно общались, знакомились, а я немного в стороне. Я больше слушал, смотрел. Кто, что, как. Мы все время смеялись, шутили, рассказывали истории. На гитаре играли и пели песни. Учили Гимн строителей Южного региона, приветствие, готовили визитную карточку.

Ехали мы долго, почти двое суток. Были забастовки шахтеров, поезд останавливался. Мы выходили на улицу с гитарой. Прикольно было, но мы волновались, потому что опаздывали на открытие слета. В конце концов, конечно же, опоздали. Мы приехали в Москву, а потом на электричке — в поселок. Станция называлась Подушкино. Это я помню прекрасно. Мы вышли с электрички и сфотографировались у этой надписи. Там была база отдыха Госстроя России, где слет и проходил.

На входе висела растяжка «Ребята, здесь будет клево!», и мы тоже под ней сфотографировались. Мы зашли, сразу выскочили какие-то организаторы: «О! Южный регион! Приехали! Наконец-то, заждались. У нас уже открытие было...» Нас поселили, мы зашли в корпуса, быстренько помылись, переоделись. Были

корпуса для мальчиков и корпуса для девочек. Шесть ребят в одной палате и сколько-то там девчат в другой. Как в пионерлагере.

Повели нас в актовый зал: «Давайте вашу программу, визитную карточку». А все не то что в разгаре, а прошло еще накануне. Открытие, поднятие флагов, начало слета. А теперь просто в актовом зале люди собирались для следующего собрания организационного — «что будем делать». Но так как мы опоздали, перед началом следующего дня просто выступили, типа «Здрате, это мы, Южный регион, вся фигня...». Спели гимн, все нас поддержали, хлопали. И то, что мы опоздавшие... люди из Владивостока приехали, не опоздали, а мы вот из-за шахтеров припозднились.

Фильм о Таганроге, который мы с Валерой снимали, мы просто отдали организаторам, это ведь не входило в обязательную общую программу. Ну и все. Потом нам рассказали, что будет сегодня, завтра. Там работала такая организация — Российский Союз Молодежи. Они оказались достаточно хорошими массовиками-затейниками, устраивали разные прикольные игры, не детские, а забавные, с намеком на самоуправление, в президента. У нас на слете были майки с бобром. Бобер — он же строитель!

Закончился первый день. Ну, как? Девочки к себе, мальчики к себе. Никаких парочек сразу не было. Мы же только что приехали! Потом в гости к ним стали ходить. К тому же вокруг было много разных людей очень интересных. Со всей страны. Так весело было! Все поют, пять гитар собираются, поют на два голоса, три. Круто! Нет, я не был среди этих пяти гитар. Не то чтобы я стеснялся, я понимал, они поют, вот и хорошо. Придет мое время, и я спою. Куда торопиться? Я знал, что я крут. Но чего мне лезть: а дайте я вам сейчас тут покажу. Мне этого не хотелось. Я смотрел, как люди

играют, что поют. Интересно было. Пели гимны своих команд. Ну и все подряд. Все, что модно тогда было. Например, «Ляписа Трубецкого» «Ау». «Я тебя все равно найду-у-у...» — все выли.

И так потихонечку я начал со Светой общаться. Понравилась она мне. Я уже в поезде обратил на нее внимание, чувствую, какие-то симпатии возникли. Там были другие, более боевые девчонки. Была такая Женя из Геленджика — своя в доску хохотушка. А Света — нет. Она не очень-то участвовала во всех этих делах. Может, она понимала, что не поедет в Болгарию после слета. Может, ей было грустно расставаться, все поедут, а она домой? Хотя нет, грустной она не была, скорее, наоборот, веселой. Как сказать? Не заводила, вот. И стали потихонечку завязывать отношения, шутки, заигрывания, знаешь, как это бывает. «Ой, а давай шампанское с клубникой вечером? Как в кино. Романтика, пойдем в лес...»

Ну, шутки шутками... Мы пытались достать клубнику. А на дворе май месяц, рановато для клубники-то! Я что-то зашел к ней в палату, а она говорит: «Рома, у меня кое-что есть, смотри!» И достает клубнику и шампанское. Я думаю: вот это да! Круто! Не знаю, куда-то остальные девчонки ушли... Мы выпили шампанское, съели клубнику, а потом гуляли до утра...

Чем? Сексом? Нет, не закончилось. Да и не очень-то и хотелось, по большому счету. Секс? Фу! Есть такие моменты, когда ты очень сильно в человека влюбляешься и у тебя даже мыслей таких нет, о сексе. Это пошло, это грязно. Я люблю этого человека. Как я могу притронуться к этому человеку? На самом деле. Это благоговение. Потому что так человека любишь... Я никак ЭТО не представлял. Мы целовались. Но не было цели переспать. А о чем Света думала, я не знаю, что у нее там было в голове... Откуда я могу знать?

Слет шел, все знакомились больше и больше. Веселее и веселее. Неделя пролетела быстро. И наступил последний день. Все не очень-то унывали, потому что летели в Болгарию после слета. Нет, унывали, конечно, потому что не хотелось расставаться, так как многие возвращались домой, но процентов девяносто людей полетели в Болгарию. Лучшие студенты. А Света просто не успела сделать заграничный паспорт. Мы тоже практически с Валерой не успевали, но каким-то чудом нам их выдали чуть ли не за день до отъезда.

Торжественный спуск флага. Линейка. И всех повезли на автобусах в Москву на экскурсию. Перед самолетом у нас было часов пять. Мы приехали, зашли на Красную площадь. Был дождь. Ужасный холод, я простыл даже. Нас привезли и сказали: «Вот Красная площадь». Мы вышли. Я вижу Спасскую башню и... Так, стоп! Почему она такая маленькая?! Захожу на Красную площадь — почему она такая маленькая?! Почему все маленькое? Потом я понял: в телевизоре просто красота. В телевизоре все больше, лучше и красивее. Я немножко огорчился. И вот мы гуляли по площади, по Охотному Ряду. Фотографировались.

Москва мне, знаешь ли, как до фонаря была. Я расставался с человеком... Понимаешь? Мы были все время вместе, целовались даже. Шампанское с клубникой... Мы ездили по Москве — два грустных человека. Я и она. Она в Новороссийск, мы все летим в Болгарию. Вот так...

Полетели в Болгарию. Тогда еще можно было курить в самолетах. Как только взлетел самолет, все закурили. Стюардесса сказала: «Ну-ка быстро прекратите!» Реально ничего не было видно в салоне. Почему-то всем сразу захотелось закурить. Круто! Многие первый раз летели на самолете. И я в том числе. Круто! И страшно. Все эти «А-а-а-а-а-а...» — воздушные ямы. Меня учила

какая-то девушка, что нужно рот держать открытым. Типа она летала, она знает. Либо что-то жевать, либо глотать, чтобы уши не закладывало. Карамельку, жвачку.

Мы прилетели, обрадовались. Золотые пески. Круто! Поселили нас в какую-то гостиницу. Не то чтобы совсем плохая, просто от моря далековато. Но нам все было по кайфу. Я жил в номере с Валерой и Лехой из Ростова. В Болгарии было, конечно, круто. Мы ездили в Варну, бродили по городу, покупали сувениры, масло из лепестков роз. Хрень всякую...

В море я вообще не купался. Я на море вырос — что мне море? Черное море солевое. Азовское море пресное, потому что в него впадает Дон. Я в бассейне купался. Под вечер мы брали ракию — местный алкогольный напиток. Он очень крепкий и очень вкусный. Нам так нравилось. Тем более что я люблю самогон. Я сначала попробовал самогон, а потом, когда попробовал водку, она мне очень не понравилась. Фу! А ракия была очень вкусная — сливовая, виноградная. Приносили чуваки канистры пластмассовые, разливали из бочек. И вот мы пили эту ракию, а вечером спускались на дискотЭку. Танцы, ривьеры. Дискотеки возле моря. Открытые, закрытые. От наших отличались тем, что там все цивильно было. Бары. Побережье. Казино.

Весело было! Все свои, студенты, все уже друг друга знают, и мы такой вот большой шоблой, человек сто — сто пятьдесят, перлись на дискотеку. И потом под конец нашего отдыха возле нашей гостиницы висели уже объявления: «Дорогие русские друзья, приходите к нам на дискотеку!» Конечно, мы чего-то там покупали. Если заваливают сто пятьдесят человек, неплохих, не хулиганов. Местным барам было выгодно.

О Свете я не забывал. Меня, конечно, отпускало периодически, я знал, что после Болгарии сразу помчусь к ней, поеду в гости. Мы так и договорились,

что обязательно встретимся. На местных девушек мы просто смотрели, обсуждали типа: «Смотри, какие сиськи!» — «Ну да, прикольно!»

Не более того. Но мы вообще-то их мало видели. Обычно спали часов до двух-трех. Потом кто-то ехал на рынок за сигаретами, за ракией для всех, вечером — либо на дискотеку, либо в номере зависали и бухали. Орали песни. Все ж с гитарами. Старший руководитель в наш с Валерой номер хотел приставить людей, чтобы следили за порядком. К нам ходили все. Мы потом повесили такую надпись на двери: «Бар „Три Обезьяны“: вход только с алкоголем». По вечерам, по ночам устраивали веселье, люди со всех регионов приходили, знали, что есть такое прекрасное место, ты туда приносишь чуть-чуть выпить — и можно тусить до утра.

А еще мы с Валерой потратили деньги, которые нам директор дала на то, чтобы купить подарок от Южного региона московским организаторам. А мы не успевали. Тогда нам дали деньги и сказали: купите что-нибудь в Москве похोजее. А мы уже в Болгарии, остается два дня. Все свои деньги потрачены на сувениры, дискотеки, домой алкоголя невиданного, типа джина, привезти. Такого же не было, тем более в провинции. И Валера говорит: «Давай эти деньги поделим напополам и протретькаем. И скажем, что подарок купили и подарили». Не то что никто не узнает. Просто все те кассеты, сувениры из Таганрога, которые отдавались организаторам слета, на фиг никому не нужны были. По большому счету. Вот мы эти деньги поделили и добились.

Вернулись в Таганрог. На следующий день пошли в колледж, отчитались за поездку, чеки там всякие нужны были, ну как за командировку, билеты. «Ну как?» — «Все нормально, все всем понравилось». — «Хулиганили?» — «Нет, не хулиганили»... Хотя наши фамилии в Болгарии знали все! Крахмалюк! Билык! Но

никаких претензий, жалоб в колледж не прислали. Все обошлось.

Когда я вернулся домой, пошел с бутылкой джина к своим подругам — Ираиде и Оксане. «Девчонки, я прилетел из Болгарии!» — «Ромка, молодец!» Водки еще литр привез той же фирмы, что и джин. Мы сели. все это дело выпили. О, джин, круто! Я, в общем, им ничего про Свету тогда не рассказал. Я как-то не делился с ними, типа: «ой девчонки, щас я с вами поделюсь, такая фигня случилась, я влюбился». Нет, сначала не рассказал ничего...

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

А сам весь на эмоциях, сразу написал Свете письмо. И она тут же написала ответ. О чем? Боялась, что забыл про нее в Болгарии. Что все время слушает кассету с записью моих песен и спит в моей рубашке, что я ей подарил, приглашала меня с Валерой Крахмалюком в гости. И что мама ее скептически выслушала рассказ про слет, про меня, сказав, что дружбы и любви на расстоянии не бывает.

От новороссийской команды в Болгарию ездила еще девушка по имени Ира. Вернувшись из Болгарии, та наплела Свете, как я бухал всю дорогу и пытался заходы к ней делать. Я тебе сейчас фотографию этой Иры покажу, у тебя все вопросы отпадут насчет заходов! Никаких заходов там быть не могло. Типа я поэтому и бухал, чтобы какой-то «заход» произвести? Это такая девушка... знаешь, все девочки, которые завидуют подружке из-за парня, начинают говорить про него всякие гадости. Наверное, бухал. Как же тут не бухать-то? Потом мне эта Ира письмо написала, полное выпендрежа. Я не ответил, конечно.

И началась у нас переписка. Поначалу она начинала письма так — «привет, мой любимый пациент!», а подписывалась как «твой лечащий врач», я же в Москве после слета сильно простудился из-за погоды, и она меня пыталась «лечить».

Почта работала фигово. Когда письма запаздывали, друг на друга дулись, подозревали, что все — любви конец. Мы постоянно планировали приехать друг к другу в гости, но случались какие-то глупости: я ждал, когда она мне телеграмму вышлет с «официальным приглашением» в гости, она ждала телеграмм) с датой, когда я смогу приехать. К Свете часто приезжала Ксюха

из Краснодара наша общая подруга по слету. Однажды они мне прислали письмо «на двоих» — вместе его написали.

Вот так было. Света шлет мне письма. Я — ей. Длинные бумажные письма. Она — про свою жизнь, про учебу в своем Индустриальном техникуме, свою общественную деятельность, театральный кружок, Подружек. Я очень часто писал. Писал о чем... о чем... о жизни своей тоже.

О том, что я Ираиду замуж выдал. У нее никого не было, отец в Москве. Никого из близких рядом. Она была одна в Таганроге. А познакомились с парнем из группы, где раньше играли Дима Рябов, Сидашенко Женя. Решили они пожениться. Я говорю, круто Ираида, молодец, зашибись.

И она позвала меня свидетелем на свадьбу. Свадьба была в Таганроге. Мы приехали в загс, Ираида же без родителей. В общем, я был вместо мамы, папы, всех родственников. У меня тогда волосы были длинные, сам в пиджаке, галстук, и руки в кольцах — такой вот свидетель.

Отпраздновали свадьбу. Кроме родственников жениха, никого не было. Со стороны невесты был только я. А Оксана, кажется, тогда уезжала к себе домой в станицу Вешинская. Папа невесты не приехал. Он, кажется, где-то в командировке был за границей. Пел. У Ираиды с папой были тяжелые очень отношения. Натянутые. Он мало помогал. В Москве у него была другая женщина. Ираида тоже на него никогда не надеялась, но очень любила. И мне свадьба эта показалась... знаешь, как раньше на Руси было? Вот парень берет дивчину в жены. Потому что парень взрослый, наверное, мать давила, давай, чувак! Пора тебе уже. Было ощущение, что какой-то в этом подвох. Я, конечно, спрашивал ее, счастлива ли ты, Ираида,

любишь ли его. Да, да, мне нравится с ним, он такой-растакой.

И после свадьбы они куда-то поехали, а потом она очень редко появлялась. И когда она появлялась, я стал замечать, что она очень далеко. Она стесняется общаться, как прежде. Поменяла речь. Отдалилась от нас, от меня, от Оксаны. Она уже не могла сесть за пианино и спеть песню, как раньше. Возможно, это из-за мужа. Она настолько восприняла все всерьез, что, даже если муж не видит чего-то, ей все равно было неловко как-то расслабленно себя вести. Тем более человек верующий. Зажата была. Как будто мы не свои и раньше не общались на такие темы. Молчит, «как у тебя?» — «нормально».

Я учился в колледже, участвовал во всех этих мероприятиях, которые в городе происходили. Я тебе рассказывал про фестиваль «Снеговики не умирают»? Ну вот, вообще-то, это не разовое мероприятие было. Тот Дима Шарко имел самое что ни на есть непосредственное отношение к группе «Дух волны», которая впоследствии переросла в группу творческую. Дима был на короткой ноге с администрацией города: помогал местным кандидатам какую-то политическую агитацию вести, за счет чего местные группы получали возможность играть. И вот он руководил этим творческим движением «Дух волны», одной из акций которого и был фестиваль «Снеговики не умирают». Ага, где я познакомился с Витей Бондаревым.

«Дух волны» проводил серию фестивалей. Что имелось в виду под «Духом волны», я не знаю. Просто дух волны, и все тут. По меркам столицы это, конечно, нельзя было назвать фестивалем. Просто сбор всей тусни музыкальной, околomuзыкальной, театральной Молодой поросли. Плюс еще из Ростова приезжали люди, из других ближайших городов. Слышал, в

Таганроге проводится такая вот байда, поедем? Поедем!

Дима Шарко проводил много различных акций. Например праздник «Ивана Купалы» у нас есть в городе: солнечные часы перед Каменной лестницей, которая ведет к морю, очень старая. Как в Одессе, только она чуть поменьше постаринней. Потемкинская какая-то уж больно современная, а в Таганроге она старая, каменная, очень красивая с раздолбанными ступенечками.

Наверху возле солнечных часов начиналось мероприятие. Шарко увлекался язычеством. Его это прикалывало. Иван Купала же языческий праздник. И вот мы у солнечных часов пили медовуху, которую Дима подгонял. Он все организовывал, какие-то маски шили, выбирали короля праздника. Мы с ребятами в таком не участвовали, просто стояли и смотрели.

И потом факельное шествие — все зажгли факелы и спускались к морю продолжать праздник и вот там прыгали через костер. Венки в воду пускали. Да, прыгал прикольно, а что тут страшного-то.

Дима веселый, задорный человек был. Очень смешной. С бородой мужичок лет тридцати, странноватый такой. Мог находить деньги для творческой молодежи, для людей, которые чем-то интересуются. Потом он уехал в Москву. Сейчас он работает в журнале «Рублевка»... О чем мы говорили? Так вот, театральных фестивалей как таковых не было. Были такие мероприятия — вроде театрализованные действия.

Еще Дима занимался какой-то медитацией. Люди стучали в барабаны — в бочки такие и крутились на месте, шаманили. Я пару раз приходил, смотрел, достаточно интересно. Сам не участвовал, мне просто нравилась сама атмосфера — как будто обряд какой-то. Я не врубился, но было прикольно. Дима босиком ходил,

за ним люди, типа ученики, последователи... Все это происходило в ДК «Красного Котельщика», в каком-то актовом зале. Все громко стучали в эти барабаны — бочки. Дима крутился вокруг себя. Потом они какие-то предметы пытались передавать, мысли, энергию, в общем, полная хрень какая-то.

А потом я познакомился с Димой Рябовым, он играл на аккордеоне в группе «Та-ту». Приезжал изредка Валера Полиенко... Все это было такой смешной самодеятельностью. Если взять из современных групп, чтобы сравнить, то это немножко от Петра Мамонова, Феди Чистякова, «Billy's Band». Но по тексту гораздо проще и с легким народным уклоном. Весело. Участвовали девочки из музыкальной школы — хор из трех девиц. «Ой, люли-лю-ли, ой, на-на на-на...» Такое стебало, но доброе.

Витя Бондарев тоже написал для них песен пять. Некоторые серьезные, некоторые простые. У него было много стихов. Там, «Благовест — не дари мне небо чужих невест», «Завяжи узлом кружева зари». Бондарев любитель такого: «Вечер научит молчанью плакучие ивы».

Музыкантов профессиональных практически не было. Иногда нарывались на людей совершенно неадекватных. Был у нас барабанщик Зыка — из таких. Мы выступали на каком-то многодневном фестивале в ДК комбайнового завода. Там было много молодых групп, а в конце каждого дня играла более-менее известная команда — вроде хэдлайнера. «Асимметрия» должна была закрывать фестиваль. Этот Зыка чего-то психанул и минут за двадцать до выступления куда-то слился. Больной человек. Ему все не нравилось, все идиоты, он один знает, как надо. А сам ничего не может сделать. Он самый умный, самый звездатый. А все остальные — кретины. Но мы с ним играли, потому что не было замены. Не хватало барабанщиков. Никого не

хватало. Все, кто играл, были взаимозаменяемы. Школ барабанных не было, гитарных не было. В музучилище народ профессионально играл. Но там было просто много придурков, играющих джаз. Чему могут научить в музучилище? Ну, нотам. Но рока там нет. Только джазовое какое-нибудь отделение. Это несерьезно для нас тогда было. Какой это рок? Смешно...

Поэтому все друг другу помогали. Я помогал Рябову. Я подыгрывал им на гитаре на каких-то мероприятиях. Потому что гитаристов тоже не было. Басистое не было. «Рома Билык и Дима Рябов». Мы делали потом даже совместный акустический концерт... Такое свободное уже творчество. Что могли, какие были возможности, то мы и делали всегда.

Просто тогда «Асимметрия» сама по себе уже немного подраспалась, потому что возможностей заниматься не было. Иван уже женился, у него не так много времени было на эту тусню. Ты же понимаешь, что это была тусня, а не в чистом виде музыка, музицирование. Если получалось играть какие-то концерты, то да. А так... Какие-то встречи, идеи, планы, задумки. Придумывали какие-то вещи. Ну и что получалось, то получалось.

Делали в Доме учителя в зале на 200 мест акустический концерт. Брали две колонки «Том», усилитель «Том», перкуссию, баянчик, пару акустик, бас-гитарку включили, девочек на подпевочках, бубен. Приходили люди, все знакомые, любители. Практически каждого знал в лицо, может, не каждого, но со многими пересекался.

Потом «Дух волны» немного спал, мы с Витей решили организовать свою творческую группу, в которую входили Рябов, Витя и я. И назвали ее «Белый шум». Потом на афишах по городу так и было написано: «Творческая группа „Белый шум“ представляет». Мы

делали акустические концерты, электронные эксперименты, артперформансы так называемые.

Есть такое понятие — белый шум. Это когда радиоволны шумят: «Ш-ш-ш-ш-ш...» Нормально. Прикольно. Как надо. Мы пытались организовывать какие-то мероприятия в городе, чтобы люди приходили, чтобы им не было скучно. Люди встречались, тусили, выпивали... Да это Даже не фишки какие-то были, скорее концерты. Люди были готовы платить какие-то деньги, чтобы просто что-то услышать, увидеть...

Мы были достаточно известными людьми в городе. И у нас был свой слушатель. И уже подрастающее молодое поколение, ребята, которым по шестнадцать-семнадцать лет, интересовалась, им нравилось, что в городе какой-то движняк происходит. У нас были цены на билеты по три рубля, другими еще деньгами. Это были, конечно, символические суммы, но такие, чтобы мы могли оплатить аренду помещения, в котором проводили концерты. И еще оставалось на вино и сигареты.

Бухгалтерии никакой не было, все очень просто. Есть Дом учителя. Зал практически всегда пуст. Кроме того, что там свои собрание проводят коммунисты, ничего. Подходишь к директору и говоришь: «Вот мы хотели бы провести концерт». — «А что это за концерт?» — «Ну, мы тут тихонечко, ничего вам тут не попортим — акустический концерт; можно?» — «Ну, можно». Вот и все.

Билеты? Билеты мы печатали банально на ксероксу. Развешивали афиши, и буквально в день концерта все приходили и покупали билеты. Сидела бабушка в окошечке и продавала. Конечно, процентов пятьдесят приходило бесплатно, потому что это все были знакомые. Остальная половина платила за вход, посмотреть, что же там такое происходит. Вот такими вечерами мы занижались.

Изредка куда-то выезжали. Только без всякой организации — когда приехал, тогда и играешь. Выступали все подряд, кто-то лучше играл, кто-то хуже. По-разному. На местные радиостанции мы не успели толком выйти, они только появлялись.

Тогда у «Асимметрии» случился концерт, на который приехал Леха из Мариуполя. Он разучил пару наших песен на трубе и тоже с нами играл. Поскольку с гитаристами, как я тебе говорил, был напряг, я пригласил дружественных музыкантов.

Один из них был по кличке Бугай, играл на басу. Барабанщик был Зыка. Даже Иван пришел на концерт, мы его позвали на сцену из зала. Вот такой концерт.

С нами, с «Асимметрией», Леха играл только один тот раз и тогда, после концерта, оставил трубу. Леха мне однажды привез какой-то хороший усилитель, ему нужно было его продать. Еще трубу свою привез на продажу. Но усилитель я не продал. «Дудку», как он трубу называл, тоже. Потом пару раз мы с ним напивались, когда он приезжал в Таганрог, выходили во двор, и он начинал на трубе играть. Какой-нибудь «Турецкий марш». Как он звучит? Такая известная мелодия. Это, конечно, было ужасно, он к тому моменту ведь уже перестал заниматься. А мы все равно напивались и пьяные гудели на улице, трубили.

Еще, я помню, трубили весело, когда Леха женился. Я был свидетелем у него на свадьбе. Отгуляли свадьбу, и на второй день поехали к его знакомому, к Виталику. Он жил в центре на Кировской площади, рядом с моим проспектом Металлургов. Мы поехали к нему в гости: Леха, его жена Юля, я. А мы пьяные были, сделали привал на газончике, не доходя до дома Виталика. А у Лехи зачем-то труба была в кофре. Он кофр раскрыл и стал на трубе всякую шнягу играть, а мы с Юлей бегали, кричали прохожим: «А у нас свадьба!» И нам кидали в кофр какие-то деньги. И вот так минут пятнадцать мы

трубили, после чего пришел Виталик, и мы отправились дальше бухать.

Леха тоже что-то пытался мутить у себя, но ничего так и не замутилось. Мариуполь — город рабочий. Это не Таганрог со своей, бля, богемой.

Леха большую часть времени, конечно, общался с друзьями по училищу, по инерции просто, интересно было ему. Какие-то знакомые, девушки... он тоже тусил по-своему. Нормально. Как это в небольших городах бывает? Ты в принципе в курсах, что в городе происходит. В Мариуполе театр был какой-то. Это были какие-то Лешины знакомые. И он хотел, чтобы они приехали в Таганрог со своим спектаклем каким-то. А Дима Рябов, кстати, занимался сначала в театре Чехова, потом у него был свой какой-то небольшой театр, потом частный театр, театр кукол. И он как-то в театральной тусне темы раздуливал. Разбирался и знал, что происходит в городе. За пределами его. Поэтому Леха меня и спрашивал. А мы каким боком к театру? Так ведь это одна тусня. Театр, музыка — это одно и то же практически было. Люди творческие собирались, придумывали фестиваль театрально-музыкальный, где все вперемежку. Помимо трупп, приезжали еще и музыканты. Певцы, барды, группы. И в таком фестивале как-то Леха и предлагал участие. Но что-то не срослось.

Вот я Свете все свои дела и описывал. Рассказывал про концерты, передряги в колледже... Короче, про жизнь свою, а она мне — про свою.

«МОИ ЛЮБИМЫЙ БУДУЩИЙ МУЖ...»

7 ноября, вечер. Я лежу на диване. Вдруг звонок в дверь. Открываю — стоят двое. Света с Ксюхой, Ксенией Шихиной из Краснодара, нашей подружкой по слету. У меня шок, и первая мысль в голове: где они будут ночевать?! Что делать? Куда бечь? Они такие:

— Привет, что не пускаешь?

— Извините, извините...

— А мы решили тебе сюрприз сделать!

— Круто! — говорю, а сам не знаю, что делать!

Вышла мама:

— Здравствуйте, девочки!

Мама нормально отреагировала. Мама... Она все время была такая демократичная.

Мы выпили за приезд. А потом мы по-; ехали к отцу домой и почему-то тусили там. Не помню почему, места там как раз было меньше. Он нам там поляну накрыл. И на следующий день они уехали.

В тот день я сделал Свете предложение. Руки и сердца. Мы ехали в трамвае. Там все и произошло. Мы обменялись кольцами. Она мне подарила колечко со змеей. Я же типа змея по гороскопу. Кольцо в виде змеи, обвивающей палец несколько раз. А я подарил кольцо, которое из Болгарии привез специально для Светы. Да! Ее кольцо было женское, но я его как надел тогда, так и никогда не снимал. Света называла «обручальным кольцом». Я не относился к этому как к какому-то сверхважному шагу. Конечно, свадьба! А как иначе? Нормально. Просто у меня такое настроение было — «как порядочный джентльмен». Для меня не было такой проблемы, типа свадьба — это серьезно,

совместная жизнь — такая ответственность, что-то сверхъестественное. Легко.

Они с Ксюхой уехали, Света буквально по приезду прислала письмо: «Привет, мой любимый будущий муж!» Своих родителей на теперь называла не иначе как «твоя теща», «твой тесть». «Теща» сначала, конечно скептически отнеслась к будущей свадьбе. Она убеждала дочь, что я никогда не откажусь от музыки ради нее. Вот смотри, на фотке Света. «Роме от Лелика. Я тебя люблю, хоть ты мне и не веришь. Честно». Она себя Леликом называла, как в мультфильме «Лелик и Болек»...

А потом на Рождество я поехал в Новороссийск и опять же с Ксенией. Ксения была такая сваха. То есть сначала она со Светой приехала ко мне, потом со мной к Свете. Света своего малолетнего брата Вадика брала. Ксюха была подругой классной, не мешала, как раз наоборот, с ней было удобнее. Она сглаживала какую-то неловкость. Была таким буфером. Мне нравилось, что Ксения была рядом. И, наверное, Свете тоже. Потому что... порой не к Свете подойдешь что-то спросишь, а к Ксюше. Она была просто таким другом верным. Нашим со Светой общим другом. Да я вообще не парился. Она в Болгарии ложилась ко мне спящему на кровать и фотографировалась ради прикола. Ксюша, конечно, знала о моих чувствах к Свете.

В Новороссийске очень тепло было, я ходил в пиджаке. Мы жили у Светы дома. Познакомились с родителями. Папа — бывший моряк. Большой такой дядька. Обычный. Самый банальный. Мама более интеллигентная... очечки. Плотная такая.

Новороссийск весь расположен на холмах. На одном таком холме район, где стоят бывшие дачи, переоборудованные под постоянное жилье. Но из-за того, что все на холмах, по склонам оврагов, дома там необычной архитектуры. Вот представь себе: дорога, у

дороги дом. Смотришь спереди — нормальный дом, а сзади — резко становится двухэтажным из-за скоса. А на противоположной стороне оврага — другой такой же дом других хозяев. И одна скальная порода, земли там нет, ее туда специально привозят.

Я зашел в ее комнату. Что тут скажешь — комната настоящей девочки. У нее висело несколько плакатов. С Мадонной, кажется. Врать не буду, не помню, какие-то еще. Зеркало, конечно, большое. Шкатулочки, где колечки, бусики. Помады, разные штучки. Шкаф, на шкафу тоже какая-то куча безделушек, игрушки мягкие, но их было немного. Все интересно было. Позаглядывать, посмотреть. Она тоже ведь строителем была. Я говорю: «Ну, покажи мне свои чертежи». Интересно же, как у них в колледже, конспекты там. Вещи, гардероб — тоже прикольно: «Ой, а вот в этой майке ты была тогда-то!» — «Да, в этой майке»... Ну да, видишь, такая фигня, но как трогательно.

У Светы были короткие юбки. Как девочка она одевалась: какие-то кофточки, юбочки. Без какого-то определенного стиля. Одежду не могу вспомнить, как ни странно. Почему так происходит? Не понимаю. Она рыжая была. У нее были слегка выгоревшие волосы. Одежду, честное слово, не помню, хоть убей. Я-то ее ведь ее каждый день видел, каждый раз в другой одежде, поэтому трудно вспомнить. Да и на это особого внимания не обращал. А еще у Светы были зеленые глаза.

Я был влюбленный... Рождество. Мы стояли ночью на балконе второго этажа, пили шампанское, смотрели на звезды и болтали о разных вещах. Медведицу искали. Романтика за гранью. Вот это я помню. А кто там еще был, нет. На ней тогда была короткая шуба. Не то из лисы, не то из другого зверя какого-то. Она была такая рыже-серо-белая. Она все время в ней была... дай вспомнить... Да, она была в шубе, в мини-юбке,

несмотря на то, что было достаточно холодно. И какая-то маечка на ней... Что носят девочки? Топик? Кофточка была. Вот так она ходила. Со вкусом одевалась. Скажем, гламурно по местным меркам. Достаточно пестро, необычно. У нее были зеленые тени. Зеленые-зеленые глаза...

Обязательно каблуки. Ходила на разных: и на высоких, и на низких. Она была не очень высокая. Причем она была даже не худенькая. В теле. Мне как раз тогда нравились более плотненькие девушки. Не толстые, нет... ну, мне нравилось. Худая — тоже хорошо. Блондинка, брюнетка, крашенная — без разницы. У меня не было тогда какого-то определенного «своего» типа. Потом я уже начал задумываться, с какими девушками я был, а тогда мне было все равно. Потом уже опытным путем я выяснил формулу моей девушки.

Света себя украшала. Сережки, колечки. Были заколочки в виде бабочек, как зажим. Она забирала волосы с лица и закалывала пряди назад. Мне не очень нравилось почему-то, но я никогда не говорил. Здорово было, когда просто распущенные волосы. А она как-то их назад делала или по краям. Говорили мы с ней в основном о колледже. Она в строительном училась тоже на ПГСс (промышленно-гражданское строительство), как и я. Тоже чертила. Я ей помогал. Она тоже мне что-то подсказывала. По профессии. Это, знаешь, как два музыканта встретятся и давай о гитарах тереть — хрен остановишь. Так что мы о профессиональных вещах говорили частенько. Но чаще говорила она. Я не стеснялся, мне просто незачем было.

Она лишь один раз приезжала одна в Таганрог. Я повел ее с собой в гости к Ивану в беседку, где все тусили. Познакомил с ребятами: с Иваном, Наташей, Вовчиком и другими. «Здрасьте!» — «Здрасте!» Они такие: «Так это то, куда ты ездешь?» Достаточно

спокойно встретили ее, потому что я часто приходил в компанию с разными девушками. Наверное, поэтому спокойно. Типа, ну, посмотрим — что сразу-то лезть обниматься-целоваться, поглядим, как с ней завяжется. Да откуда им знать, серьезные отношения или нет? Они смотрели, если хожу три месяца с девушкой, значит, они начинают с ней больше общаться. А Свету они один раз только видели. У нас в компании всех принимали. Типа: «О, Новороссийск! Круто! Я там был!» Но мы обычно в этом коллективе терли свои какие-то терки. У нас были свои шутки, свои песни. А Света просто посмотрела на моих товарищей, а что говорить-то?

С Ираидой и Оксаной я Свету тогда так и не познакомил. Как-то не сложилось. Но они знали, что я езжу все время в Новороссийск. Свету они видели только на фотографиях. Говорили: «Круто, молодец, влюбился». Как девчонки еще могут сказать? Они ведь больше подружками были, чем какими-то там объектами. С Оксаной я не особо мог советоваться, она ж болтливая жутко! Но каждый раз, когда я приезжал из Новороссийска, шел сначала к ним, а пси том только домой. «Ну как там? Давай рассказывай, колись!» А Ираида более спокойная. Молчит, слушает, улыбается. Она более романтичная, а Оксана более прагматичная, вещи любила.

Света заочно меня к Оксане ревновала. Даже в письме как-то написала. Я переписал; ей на память видеокассету с какой-то нашим вечеринкой. И там я с Оксаной как-то заигрываю. Света очень расстроилась. Хотя поводов к ревности у нее было — ноль. С Оксанкой мы были просто друзья.

У Светы был младший брат, совсем малой. И вот мы вчетвером гуляли: Света с братом, Ксения и я. Она показывала нам Новороссийск. Мы ходили в порт, лазали по городу. Понравился город, горы. Я гор не видел до этого. Море мне понравилось. Оно было

чистым. Порт, корабли. Круто! Акватория. Там же самая крупная естественная акватория в мире. Не искусственная, а природная.

А потом я начал к ней ездить очень часто. Когда как. Когда это было раз в неделю. Когда раз в две. На автобусе туда невозможно было ехать из-за гор. На поезде часов девять-десять. Я приезжал на выходные, ведь я тогда и учился, и работал. Я ехал и все время много курил, особенно на подъезде. Я мог ночь не спать, меня колбасило. И мне представлялось, вот я сейчас приеду, мы опять встретимся...

Она меня встречала на вокзале несколько раз, потом я сам уже находил дорогу до ее дома. Я уже выучил, как ехать и на чем... Помню, поезд подъезжал. Я выходил. Она уже стояла на перроне. Она все время разговаривала по телефону, у нее тогда уже был мобильник. Сотовый. Это был 99-й год, но телефон у нее был, я помню это прекрасно. «Эриксон», такой квадратный, большой. Это ж порт, понятно, что там уже не проблема была мобильный иметь. Кроме того, она пыталась устроиться в новороссийский «Билайн», работала на испытательном сроке, но что-то у нее не срослось. Я часто ей звонил. Приходил на переговорный пункт и, короче, названивал ей по ночам домой и на этот номер тоже.

Она встречала, мы гуляли, ходили по разным там местам. Потом мы приходили к ней домой. Родители нас встречали. Ура-ура. Мы ездили на рынок, они двоих нас посылали. Там был такой магазин конфискованного алкоголя. Греческого. И цены были очень низкие. И вот мы покупали алкоголь, еще арбузы, всякую хрень. Маме по хозяйству: мясо какое-нибудь, картошку... Она умела торговаться, знала, что почем. Я перед каждой поездкой собирал деньги, а там их сливал. Деньги можно было всегда потратить. На что угодно: пойти в кафе, забуриться куда-нибудь. На личные какие-то

нужды. Стипендию получал, эту стипендию всю — туда, в Новороссийск.

После рынка мы возвращались домой. У них во дворе стоял стол, за которым мы по вечерам все время сидели. Светин папа работал на КамАЗе и рассказывал истории, с этим связанные. Шоферские байки. Мы сидели, слушали. «Ну, — думаю. — Неплохие у меня будут родители!» Мечты и все такое... Они нормально ко мне относились. Не знаю, конечно, в качестве кого они меня воспринимали. Вот молодой человек приезжает, вроде намерения серьезные. Ну, раз посылали на рынок, значит, все-таки дружелюбно были настроены. Теплые отношения.

Хотя Света писала мне, что проблемы с родителями у нее из-за меня были. Как-то мы договорились встретиться в Ростове. Я туда поехал на какой-то съезд профсоюзных деятелей от колледжа. К тому же Валера Крахмалюк нашел там нехилую шабашку: трехкомнатную квартиру, в которой нужно было полностью сделать косметический ремонт. Валерка вообще был деятелем, все время говорил: «Надо заниматься бизнесом! Буду рыбу возить в Москву!» У него всегда была масса идей, он очень хорошо учился в колледже, очень работоспособный был. Мотор в попе! Хороший человек, но до красивого финала он дела довести не мог.

И мы в письме со Светой договорились, что она ко мне приедет в Ростов. Родителям сказала, что у нее какой-то семинар там, и приехала ко мне на один день обманным путем. Ночевали в этой квартире, которую ремонтировали. И еще я прекрасно помню, тогда было солнечное затмение. Помнишь, в 99-м году? Так вот родители Светы узнали об обмане. Письма от меня она получала на почтовый ящик бабушки (со своим какие-то напруги были). А я сдуру написал что-то прямо на конверте «до встречи в Ростове», что-то типа того. И

как только Света за порог, бабка прибежала к родителям и наядбедничала. Света потом мне писала, что по возвращении из Ростова ей устроили жуткий скандал. Отец обозвал чуть ли не проституткой, а мать сказала, что после такого Света упала в ее глазах, раз по первому требованию сорвалась и помчалась ко мне. Но я все же думаю, что она преувеличивает.

Девочки вообще все время любят все преувеличивать. Поиграть в дочки-матери, точнее, в сыночки-матери. «Мой дорогой, только надевай шапку, повязывай шарфик», «Не делай ничего с собой такого, я буду переживать». Ну, да, я не спорю, приятно про шарфик, приятно. Просто у вас все как-то преувеличено. Гипертрофированно, что ли... «Ой, я так переживаю, лишь бы ничего с собой не сделал». Что я могу такого с собой сделать? Ну, то, что я пил, — да. Неадекватное поведение? Так ведь все парни в том возрасте с неадекватным поведением. Почему-то так принято, что вроде как мальчики — дурачки. Они глупые. Они могут себе повредить. Напиться, упасть, подраться. Поступок плохой какой-то совершить. Ага. Я приезжаю без предупреждения, без звонков — здравствуй, Света, я приехал. Нормально, скажешь? Для девочек не очень нормально, я считаю. Предупредить... Девочка так не приедет. Вот я о чем говорю. Девочка по-другому мыслит. Она думает, а если никого дома нет? Не поедет. Или поедет? Ладно, уговорила, поедет. Но только она всю дорогу будет думать — есть кто, нет. Париться. А мальчик и не подумает. Приедет, а там закрыто. Бля, а че закрыто? Странно! Не подумал, что так может быть. Но ты понимаешь, о чем я?

У Светинога папы была гитара. Мама расспрашивали меня про мою музыку, папа слушал мою кассету, даже на работу на автобазу носил. Была одна про Питер и про моряков с текстом Вити Бондарева. А папа Светы очень любил Питер, учился там в мореходке. Ему песня очень

направилась. Он давал мне гитару, и я ее часто пел. Уже и Света, и мама ее сидели такие: «Э! Опять эта песня...» Там второй куплет заканчивался такими словами: «Твой ангел, пойманный бушлатом моряка, прибитый к небесам адмиралтейской шпилькой...» Трындец! Это ж Бондарев! Очень в его стиле. И потом, много лет спустя, я приехал в Питер, и мне сказали, что ангел не на адмиралтейском шпиле, а на Петропавловке. А на Адмиралтействе — крест. Но на это никто не обращал внимания. Просто красиво звучало.

Однажды ее папа подарил мне морскую звезду засушенную. В какой-то мой очередной отъезд. Я ее привез и папе своему подарил. Не знаю, может, он сказал папе передать? Не помню. То есть хороший человек был.

Я уезжал, она меня провожала на вокзале. Мы плакали... То есть она сначала долго плакала, потом я садился в поезд, я сильный мужчина, типа все нормально. Я заходил в тамбур и стоял, лил слезы, твою мать!!! Короче, да, были такие моменты, причем каждый раз, когда уезжал. Что-то такое меня настигало...

Как-то мы решили летом с ее друзьями пойти в поход в Абрау-Дюрсо. Потому что они все время хвалили свои места, говорили, как у них круто. Мы все собрались компанией: Света, две девушки — ее подружки, я и еще один парень. И вот мы поехали на автобусе за город. Там есть два села — Абрау и Дюрсо, рядом в горах красивое озеро и недалеко знаменитый завод шампанского «Абрау-Дюрсо». И вот мы там, кажется, дня три были. У нас были рюкзаки, топоры, котелки, вся хрень. Палатка, конечно. Магнитофон с батарейками взяли, гитару — то есть все дела. И вот там оттягивались. Мне как раз пошили те штаны широкие, я в них приехал такой весь модный. Камуфляжку взял. Штаны, куртка. И мы там тусили, выпивали, отдыхали,

купались. Я с удочкой был, помню, все чего-то ловил, ловил. Рыба плескалась рядом, а я так ничего и не поймал. А потом мы напились и купались в озере ночью. Я голый, а они топлес. Светина подружка нас фотографировала. Мы плескались, орали... Даже фотографии остались. Вот это я помню прекрасно.

Что ты имеешь в виду — платонически? Да, без интима. Ну, как-то не удавалось. Когда я приезжал, мы с ней спали на полу в ее комнате. В ее комнате спал еще ее младший брат. Его клали на кровать, а мы на полу вдвоем. Круто! Матрац, одеяло. Лежим и шурыкаемся ночью. Шур-шур-шур... Так о батарее я однажды ударился! Поворачивался и зацепился за что-то... кошмар! Что значит — ненастоящая любовь?! Когда так сильно любишь, секс не так важен, я тебе уже говорил. Даже дотронуться до человека не сразу решаешься. Я бы не сказал, что ей вообще неинтересно было. Она заигрывала, фотографию мне симпатичную прислала в неглиже, чулочки-трусики...

Мне как-то ни разу не пришлось ее защищать от кого-то. Скорее, она меня. Я как-то напился, и она попросила двух морячков британских меня донести до такси. Мы где-то на набережной сидели в кафе: две ее подружки, она, я и два каких-то моряка — взрослых англичанина. Столиков свободных не было, вот они и подсели к нам. Они спрашивали: «Vodka?» Я говорил: «Yes!» И бегал от нашего столика за водкой — за чекучечкой, а потом морячки стали бегать. И мы с ними стали вместе выпивать, общаться. Как на каком языке? На водочном! Они такие: «Vodka?» Я говорил: «Yes! Vodka!» — и улыбался, и кто-то из них шел за водкой. И что-то я так ухлестался, надо было уходить, я встал... и больше я ничего не помню. Света наутро была очень Злая, ругалась на меня. Оказывается, какой-то из этих морячков нес меня до такси. Я слегка в себе разочаровался огорчился. Ну, мало ли, с кем не бывает.

Там два взрослых мужика сидели и я пацан. Молодого накачали... После этого я никогда так больше не напивался. Сама к алкоголю Света относилась нормально как все девушки — вино, шампанское. А я — все, все что есть — мое! Эта история с морячками случилась после похода на Абрау-Дюрсо, кстати мы хотели пойти еще на гору какую-то, но сил больше не было, и мы сели на набережной. И все так закончилось — все эти англичане проклятые!

Это ты верно говоришь, мы редко со Светой были наедине. Очень. То с друзьями, то с родителями. Да, когда два человека любят друг друга, никто им не нужен. Факт! Почему всегда был кто-то? не знаю... Так получалось.

ДОЖДИ-ПИСТОЛЕТЫ

Роман со Светой развивался. Я постоянно приезжал. Она собиралась поступать в какую-то школу ФСБ в Ставрополе. Она все время об этом говорила. Сначала она хотела поступать в МГИМО, но мама ее отговорила — огромный конкурс и все такое.

Мы все время говорили о будущем: ну вот, мы сейчас закончим колледж, что мы будем делать? Я говорил: «Я хочу поехать в Москву. Давай вместе поедem. Уедem, будем жить вместе. Поженимся, все дела...» Но с другой стороны, я был готов и приехать жить к ней. Построить дом. Мы даже обсуждали, где именно. Такие мечты...

Света была очень деловой. В облаках не парила. Понятно, что она не случайно на слет поехала, ведь отбирали лучших представителей учебного заведения. Ее избрали президентом колледжа. Она проводила КВНы, играла в студенческом театре. Потом, когда началась очередная предвыборная кампания, она предложила одному из тамошних кандидатов какую-то агитационную программу для молодежи с дискотеками по нескольким городам региона. Все это встречам нашим не способствовало, понятное дело. Из-за ее общественной нагрузки стало меньше возможности встречаться. Но мы не переставали любить друг друга. Писали письма. Обсуждали нашу будущую свадьбу, семейную жизнь.

У меня к осени тоже начались какие-то напруги в колледже. На меня свалилась куча проблем. Жуть! К тому же «Белый шум» стал единственной силой в Таганроге, которая хоть что-то организовывала. Просто, кроме нас, никто в городе ничем таким больше не занимался. Так получилось. Все развалилось...

Витя стал работать на радиостанции «ТВС» («Таганрожская вещательная станция»). Он познакомился с каким-то диджеем прикольным. Как-то Витя мне говорит: «Группы нет, давай он сделает кавера на песни твои, которые в Таганроге знают, и ты споешь. Плюс живая гитара с примочкой. Ты будешь играть, петь, а диджей будет всю основу играть». Сделали. И опять: «Творческая группа „Белый шум“ представляет: диджей Вадс, Рома Билык и группа „Асимметрия“...» Какое-то техно... там название было специально убийственное придумано... Вспомнил! «Аппроксимация метаболизма». Что такое — я до сих пор не знаю. Концерт был протестом против введения платного проезда в общественном транспорте. В Таганроге до того момента был бесплатный проезд на трамвае и троллейбусе.

Я учился в колледже, профработник, все дела. Поэтому директриса дала нам зал без проблем. Мы готовились, репетировали. Ди-джей Вадс принес свой компьютер, установил на сцене. Колоночки зарядили. Гитара, примочка. Пришел Дима Рябов, заранее посмотрел, пока люди не пришли.

Мы расклеили афиши по городу. И часов в семь вечера все начиналось. И приехал еще как раз Валера Полиенко. Витя ему говорит: «Может, ты снимаешь на видео все это безобразие, ты же во ВГИКе учишься». — «Да без проблем!» Взял камеру.

Витя очень переживал, потому что мы практически вдвоем все это организовали, придут люди, не придут — все ведь уже развалилось, народ редко куда ходил. Начали потихонечку заходить люди, садиться в кресла. Ты актовый зал себе представляешь? Обычная сцена и кресла, рядами. Мы несколько рядов убрали и сделали небольшой танцпол.

Началось шоу. Свет был таким: какой-то серебристый шар, от которого расходились лучи, плюс

еще какие-то два мигающих прожектора. Мигалку желтую принесли, поставили на колонку. Самую обыкновенную ментовскую мигалку.

Песни в рейв-аранжировке звучали очень странно — тыдыщ-тыщ-ты-тыщ... Я пел припевы, там были проигрыши — смешные переделки песен. Голоса животных вставлялись, какие-то фразы непонятных людей. Песни мои, бондаревские. Штук двенадцать, наверное.

Витя, чтобы не переживать, очень сильно выпил. Концерт идет, Витя видит, что все сидят, смотрят. А на афишах-то было написано «Дискотека», вся фигня. Прогрессивная музыка. Все сидят и ничего не могут понять. И тут Витя выскакивает, хватается микрофон и начинает орать: «Этот концерт посвящен бесплатному проезду в городе Таганроге. Да здравствуют бесплатные трамваи!» Начал какую-то чушь нести под этот ды-дыщ-дыщ. Я пою песни, Витя что-то орет в микрофон: «Да здравствует бесплатный проезд!» — все пердит, шумит. Никто ничего не понимает. Потихонечку начинают вставать, танцевать, колбаситься. Ну и под конец уже все танцевали, всем все нравится, все врубились. В общем, шло такое жесткое мясо. Валера бегал по сцене, спускался в зал, снимал приборчики, людей. Ужас! И Рябов Дима тоже снимал всю эту канитель. Ну, с горем пополам закончился концерт. Все разошлись. Витя остался, Валера и я. Ну и чего-то Валера рассказывал про Москву, мы убирали актовый зал. Как-то так закончилось...

Я замечал, что со временем письма наши со Светой стали обыденными. Вот пришло письмо, читаешь, и все в порядке. Прочитал. А мысль-то все время о том, ну и что же будет дальше? С этой ситуацией. Уже не так было с этими письмами весело, романтично. Уже не в облаках. Вот информация: что с ней произошло, что со мной. Надо было что-то делать. Потому что мы оба

закончили учиться, и еще хуже бы было. Что-то должно было бы произойти. Любви меньше не становилось, нет. Просто больше тревоги, что с этим всем делать дальше. Как можно было назвать отношения? Я думал — а что дальше? Я закончу колледж, она соберется куда-то поступать, значит, будет продолжаться то же самое. Так ведь? Где жить, что делать? Что она думает? Как я хотел? Я хотел жить где-то, строить дом... Ну, не с родителями, конечно.

И мне захотелось определиться. Я знал одно: я ее люблю и хочу быть с ней. Новый год мы встретить не смогли из-за ее каких-то заморочек общественных. Последнее письмо я от нее получил в декабре. Написала, что Новый год будет встречать в Харькове, что ее кандидат прошел в Думу, что ее команда КВН выиграла... Короче, меня перестала прикалывать эта неопределенность. И я как-то очень сильно расстроился — ну как так? Я встречаю Новый год в Таганроге, и у меня рождается такая мысль: без всякого предупреждения поехать самому к ней на Рождество, забрать ее к себе. И точка.

Я надеваю костюм, белую рубашку, галстук, пальто. И еду в Новороссийск. Приезжаю в канун Рождества, 6-го. С вокзала — прямо к ней домой. Я открываю калитку, захожу во двор, собака не тявкает, знает меня. Прохожу к дверям, стучу. Открывает деверь Света и с удивлением:

— Привет.

— Привет, а что так нерадостно?

— Заходи.

Мы зашли в дом. Родители типа: «Ой, Рома, здравствуй!» И какое-то гнетущее молчание Светы. Я такой:

— А что случилось?

— Да нет, ничего.

— Но, может, все-таки что случилось?

— Пойдем, выйдем.

И вот мы выходим... И дальше я ничего не помню...

— Нам надо расставаться...

— А в чем причина?

— Да ни в чем. Все кончилось. Я молчу...

— Чего молчишь?

— Ну, ладно, хорошо, — говорю спокойно, ничего не понимая, что происходит. — Я тогда поеду. Ты проводи меня.

А поездов нет. Там один поезд ходит, и тот через день. Нельзя было в этот день купить билет на поезд. Только на следующий день вечером. Я говорю: «Наверное, пойду на автостанцию. Ты меня проводи».

И мы шли... Я молчал. Потом... Как-то так получилось, что она сама начала рассказывать. Я ничего не говорил. Она сама, типа, знаешь, бывают такие ситуации, когда девушка начинает как-то оправдываться? Что-то наоборот говорить, что никакой не было у нас любви. Просто фигня какая-то. «Не было никакого романа у нас. У меня еще два парня здесь есть. И я с ними встречалась тайком». Что-то такое: «Ты приезжал. А все эти мои подруги, они тоже знали об этих моих отношениях. Ты приезжал — уезжал. Но у меня была своя жизнь...»

И мы идем, она чего-то там рассказывает, а я иду и слушаю. Ничего не понимаю. Так потихонечку мы дошли до автовокзала. И каким-то чудом буквально через десять минут отходил автобус до Краснодара. А мне было уже все равно, куда ехать, по большому счету. Но надо было просто ехать. Я уже не мог находиться рядом. Нужно было ехать.

Она говорит: «Вот автовокзал». Я: «Все, спасибо. До свидания». — «Все. Пока», — и она уходит. Я покупаю билет до Краснодара. Вечер. Темно.

Я сел в автобус, ехал часов пять или шесть. Долго ехал. Горы, перевалы. Потом у водителя сломалось

колесо. Он менял колесо. В салоне темно. Я сижу, думаю. О чем, не могу понять. Потому что шок. Приезжаю на автовокзал в Краснодаре. Звоню Грише, веселому своему знакомому по студенческому слету. Гриша и Ксюша у меня в Краснодаре были. Я ему звоню: «Гриша, привет, я в Краснодаре». Он говорит: «Щас приеду, стой на углу, никуда не ходи!»

Он приезжает: «Че случилось?» Так и так. Рассказываю историю. Говорит: «Ни фиги себе! Поехали до Ксюхи!» Мы еще долго стояли на автовокзале, не могли карточку какую-то купить, чтобы позвонить ей. Попросили у какого-то чувака мобильный. Дозвонились. Она говорит: приезжайте, конечно. А уже раннее утро, часа четыре. Но еще темно, зимой светлеет поздно.

Мы приезжаем к Ксении. У нее тоже частный дом, а во дворе флигель. И мы у нее втроем. Она достает какую-то бутылку, закусь. Мы сидим и пьем. Ксюша спрашивает: «Как так получилось?» — «Не знаю. Ничего не знаю, я буду пить». И мы пьем. Гриша что-то рассказывает смешное. Он такой человек — очень веселый. Одни шутки. Не помню, кто что рассказывал. Какой-то ужас. И потом я еще целый день с ним провожу. Как в тумане. Ксюша тоже такого поворота не ожидала. Она как девушка себя повела. Даже в таком возрасте есть различие между пацанами и девчонками. То есть она повела себя как хозяйка: меня привела, достала бутылку, спать уложила потом... Девчонка, в общем. Молча как-то смотрела на все это дело. Не помню, чтобы она высказала свое мнение по поводу случившегося. А Гриша наоборот: «Да ну ее! Зашибись! Найдем, щас тебе такую девку найдем! Бля, да у меня столько классных девок, щас пойдем в клуб, познакомлю! Гульнем! Все, Ксюха, давай, одевайся! Круто!.. Слушай анекдот, короче...»

И вот я с ними провожу еще день. Провожают на поезд до Таганрога. Приезжаю домой, подхожу к

калитке. А я весь какой-то грязный, помятый... Меня не то что валяли где-то. Просто я эти дни не раздевался. Белая рубашка была вся мятая, заляпанная хренью, не помню, блевал я, нет. В общем, в таком виде я явился...

Заваливаюсь домой. Звоню в дверь. Мама открывает дверь и все понимает. Сын стоит никакой. Она говорит: «Раздевайся, ложись спать». Я разделся и лег. Когда проснулся, мама говорит: «Как ты себя чувствуешь?» — «Нормально». — «Да ты не переживай. Все будет нормально». — «Мама! Как будет нормально?! Как?! Все очень плохо...» Она: «Сынок, ты, конечно, мне сейчас не поверишь, но у тебя будут тысячи таких». — «Мама! Как ты можешь говорить такие вещи? Какие тысячи?! Не будет больше ничего! Никогда ничего не будет!!!»

Вот так закончилась поездка.

Я неделю еще ходил, ничего не понимая. Не разговаривал ни с кем. Ни в колледж, никуда. Даже к Ираиде и Оксане не приходил. Они тогда были на каникулах где-то. Мне не с кем было поделиться, да не особо и хотелось, по большому счету. Я очень злился. Хотел ли я отомстить... Хотел что-то сделать, но я не знал что. Не знал, как дальше жить. Что делать. Я ничего не понимал. Что происходит. Почему, зачем. Я решил, раз так, то я так буду жить. И меня смутило не только наличие еще двух парней в ее жизни, кроме меня... Меня все смутило. А самое больное для меня было — обман. Предательство. Вот.

Что значит — «не стал бороться»? Знаешь, когда так говорят, значит, все. Конец. Какое упорство? Может быть, просто мне до этого никто таких слов не говорил? Может, это ударило по моему самолюбию? Может быть, я растерялся? Наверное. Нет, у меня были конфликты. Пятое-десятое. Но что б такого — никогда. Ни с того ни с сего. Может, что-то и предвещало бурю. Может, что-то не ладилось. Но на расстоянии я этого заметить не мог. «Обручальное» кольцо тебя интересует? Когда я

вернулся, пришел домой, увидел его и выкинул. Не в мусорное ведро, я положил в карман, вышел на улицу и выкинул. Пошел по дороге и выкинул. То самое. В виде змеи.

Кто змеи, так ее подружки. Когда я ехал в Краснодар на автобусе, я сидел и осмысливал. Вспоминал, как мы ездили до Красного озера, по городу гуляли. И они все веселились, улыбались. Они же знали, что я не один был у нее. Как она говорит. Да я вообще не уверен, что это действительно было так. Но тогда зачем ей нужно было врать мне насчет каких-то парней? Не знаю. Может, отделаться от меня? Чтобы было больнее. А может, я напрягал? Такой непонятливый был. Потому что влюбленный.

Я просто не думал, что так бывает. У меня-то в голове совсем все другое было. И я этого просто не замечал. А скорее всего, так оно и было. Ну как любящий человек может сказать ни с того ни с сего «до свидания»? Как? Что ее могло на такое сподвигнуть? Так человек может поступить, только когда знает, что, если продолжать отношения, любимому будет хуже. Но такой ситуации не было. А я искренне верил во все это. Какой я был наивный мальчик и как меня круто обломали! Круто. Слушай, а я раньше не задумывался обо всем этом! Неужели не любила...

А про Свету я вот что тебе скажу. Для меня это был человек, с которым я хотел быть. Я приезжал, я встречал родителей. Пел песни. Встречался с ее подружками. Мы тусили. Я думал, так надо. У нее дела все время какие-то. Потом приходило время мне уезжать, я уезжал. Мы расставались. Я возвращался в Таганрог. Жил. Собирал деньги для следующей поездки. Я все время думал о ней. От нее приходили письма. Я писал. Что-то себе думал. Представлял, как у нас все будет, как мы закончим колледж, как мы поженимся. Мы уедем и будем жить в другом городе. И

все у нас будет зашибись. Как-то так... Я же не мог ей сказать: «Не встречайся с подружками!» Такая принципиальность была только в последний раз, когда я приехал к ней и сказал: «Поехали со мной».

Да, я хотел ее увезти. Я хотел, чтобы она уехала со мной в Рождество. Новый год мы не вместе встретили, так хоть Рождество. «Поехали куда угодно! Хочешь в Таганрог, хочешь куда. Поехали!» А она: «Нет». Нет так нет.

О ЛЮБВИ

Через месяц она прислала письмо. В нем что-то было написано очень много. Я плохо помню. Типа прости, извини, давай останемся друзьями. Что-то там извинялась. Но если честно, я ничего не понял, что она хотела там сказать. Наверное, я просто не хотел даже читать. Понимать что-то. Так... Просмотрел мельком по диагонали. Она просила что-то ответить. Но я ей не ответил. Обидно, конечно. Так это, значит, я такой обидчивый? А как я мог ответить? Что я мог ей сказать? «Да, давай приезжай в гости, все хорошо, будем друзьями?» Нет, не мог. Я гордый слишком. Время гордость не лечит. Не во всех случаях. Может, в других каких-то ситуациях я могу сейчас простить. Но только не это.

Я был в разлуке с человеком. Я не очень-то хорошо ее знал, мне все время что-то мешало. С родителями познакомились. Какие-то отношения. Добрые, нормальные. Я даже не мог представить другие. И мне казалось это естественным: я приезжаю к человеку. По возможности. Как есть возможность, я сразу еду. Как для чего? Чтобы увидеть. Чтобы в конечном итоге воссоединиться с ней. Вот такая у меня была любовь. Я уверен, что если бы была такая любовь в Таганроге с девушкой, которая бы ко мне точно так же относилась, такой же был бы эффект. Просто здесь еще были препятствия, расстояния, письма. Разлука. Все это очень сильно повлияло, вероятно. Я ехал, я думал. Мне нравились встречи, мне не нравились расставания.

Чем ближе был момент расставания, тем становилось хуже. Мы шли к вокзалу и молчали все время. Я молчал. Она тоже молчала. Изредка говорила что-то. Никто из нас, что будет дальше, почему-то не

говорил. Каждый раз расставание было — как будто навсегда. И неизвестно, что дальше. Я, конечно, говорил ей, что приеду в следующий раз, как только будет возможность. Она говорила: «Приезжай!» Вот так происходило.

Целоваться за редакцией «Таганрожской правды» — это тоже романтика, но совсем не та. Тут другое какое-то состояние. Нужно ехать, нужно преодолевать расстояние. Нужно видеть человека. Ты его видишь, немножко успокаиваешься. Мама приготовила еду. Папа принес какой-то выпивки. Поужинали. Я сыграл на гитаре. Света рядом. Вроде все хорошо. Бац! Уже уезжать — что, уже уезжаешь, да? Ну, как-то мне казалось, что там все уже хорошо. Приезжаешь туда — уже хорошо. И тебе не нужно ничего добиваться. Потому что твой приезд уже как бы и есть залог того, что мы вместе. И, по идее, уже не должно быть особой романтики. Она есть, конечно, тоже, но в другом. Ты приезжаешь, и с этим человеком все хорошо.

Получается, что мне не пришлось ее добиваться. Я приезжал, жил у нее дома. Я ее не добивался. Точно. Может, все дело в том, что действительно романтики не было? Был приезд. Как только я приезжал, приходил, папа — привет, мама — привет. Садитесь, дети, есть. Нормально. Пятое-десятое. Какая романтика? Внутри ее не было. Моя романтика была в дороге, в поездах. Во встречах и расставаниях. Я ехал в ночь и не спал. Ни с кем не разговаривал. Не люблю говорить о своих проблемах. Я был очень закрытым человеком. Да и сейчас такой, достаточно закрытый и гордый. С какого перепуга я бы с кем-то обсуждал? С какими попутчиками? Какая цель? Я лучше помолчу сам с собой. Лучше же повообразить, написать что-то. На худой конец почитать, книга хоть молчит.

Очень кайфовое состояние было в поезде. Ты — путник. Путник в ночи. Ты — один. Как в кино. Ты

стоишь в тамбуре в пальто. Волк-одиночка. Есть такие каменные образы. Знаешь? Ну, может, Габен, тебе видней... Ты стоишь один. Ты куришь. Ты едешь неизвестно куда. Конечно, знаешь куда, но не суть. Ты не спасаешь мир. Просто ты один. Человек. У тебя есть такие-то цели. Это очень кайфово. В этом есть романтика. Ты один. И все принадлежит тебе. Мир. Ты есть ты. Ты можешь делать все. Это твой мир, и ты внутри его.

Вот я такой был. Я придумывал себе, как мы встретимся. Что мы будем делать. Куда пойдём. Мечтатель... Мне хотелось видеть так. Если с сексом не получалось, я не расстраивался — по большому счету, не важно это было. Я этим всем горел — встречей, ожиданием ее, расставанием. Когда есть конфликт в любви, тебе нравится человек, и ты преодолеваешь препятствия, что-то делаешь. Я ночью срывался. Садился в поезд. Билетов не было — подходил к проводнику, давал денег и ехал... Может, ей не очень все это нравилось — мои спонтанные приезды? А мне путешествовать хотелось? Сейчас вот напутешествовался...

Но если бы мне просто хотелось путешествовать, то я бы к ней приезжал как к подружке. Верно? Хотелось именно поступков ради своей любви. Может, здесь мой эгоизм? То есть получается так, что я все-таки выдумал себе любовь? Нет, ты скажи мне, ты-то что думаешь? Молчишь?... Бывало, мы сидели с ребятами, начинали какую-то тему тереть, я вдруг вспоминал о Свете и говорил: «Ребята! Я пошел». — «Ну, давай». Я заезжал домой, брал деньги, какие есть. «Мама, я поехал». — «Куда, сынок?» — «Я в Новороссийск!» — «Ну, езжай...» И я шел на вокзал, я знал расписание поездов наизусть. Я забирался в проходящий поезд и мчался к Свете. Помню, самый популярный поезд был «Санкт-Петербург-Новороссийск» с остановкой в Таганроге. Я

на нем чаще всего добирался. Срывало меня, и я улепетывал...

Тяжело ей, наверное, было. Приезжал, не предупреждая. Хотя у нее и мобильник был, но я как-то думал, что человек всегда рад тебя видеть, любимый человек... Она никогда так ко мне не срывалась. У нее же дела все время какие-то были... Я даже никогда не задумывался...

Я вернулся в Таганрог. Рвал и метал. Я устроил жесткий террор девушкам. Всем. Доходило до того, что я познакомился с девушкой на улице, получал все, что мне нужно. На следующий день — выходил, знакомился с новой. А сам видел, что по другой стороне улицы идет моя вчерашняя... И так происходило до того момента, когда я понял, что меня все это уже достало.

Потом как-то поспокойнее стал. Таганрог — город маленький, да. Нет, не потому что девушки закончились, ты что! Просто я понял, что все это бессмысленно. И глупо. Легче не станет. И никому лучше ты не сделаешь, прежде всего самому себе. Бессмысленная месть, тем более невинным людям. Я понял, что это нельзя делать, все это как-то устаканилось. Леха опять же иногда приезжал или я к нему. Он уже тогда работал на металлургическом заводе, на Ильиче. Я все время в каких-то разъездах, в своих делах. Мы просто реже виделись. Но виделись все равно. Приезжали друг к другу, когда была возможность.

А сначала было — направо, налево. Причем жестко очень — не как отношения парня и девушки. А так — по жесткачу. Ночь секса и до свидания. Я даже не пудрил девушкам мозги. Не так чтобы там улыбаться им. Я же не спорю, чтобы скадрить девушку, нужно что-то делать. Я знал. Но чтобы я специально как-то распинался и чего-то завоевывал, такого не было. Сами шли в руки. Когда как. Когда я вижу, что она не против,

а я что, буду против? Ну, давай, красавица, давай... Это вовсе не зависело от того, что меня в городе знали. Просто такой тип девушек, наверное. Я подумал, что любовь закончилась. И поэтому какие могут быть ко мне претензии и вопросы? Никаких. И я могу делать, что хочу. Такая месть. Не знаю, кому и зачем. Но она была. Такое чувство, все бабы — бляди.

Может, и были среди них такие, что серьезно смотрели на отношения. Мне было все равно. Казалось, что все они предатели, в конечном счете. Чего я буду думать о них? Не предъявляли они никаких претензий ко мне. Если и случалось, то, как только они предъявляли, я тут же от себя отсекал. Я не хочу сказать, что полгорода перетрахал. Не льсти мне. Просто в тот момент попадались девушки, и я не принимал их всерьез.

Не был готов к каким-то отношениям. Отношений не было. Как и романтики. Другое у меня восприятие было. Да, вел себя как подонок. Ты это хочешь услышать? А что эту тему развивать... Такое все было мутное. Я помню, встречался с девушкой, какие-то отношения были, но при этом мог встречаться еще с одной, с двумя. И что выгорало, то выгорало. Вот так вот. У меня не было одной какой-то. Чем больше, тем лучше. Я понимал, что я свободный и поэтому могу делать все что угодно. Я ничей. Я понимал, что эти романы не приведут ни к чему такому глобальному. Есть секс — хорошо. Нет — до свидания через какое-то время. До свидания, некогда. Но я все время искал контакта какого-то. Не мог быть один. Было холодно.

А многие музыканты в Таганроге бегали в общагу пединститута, потому что это, вообще, было самым значным местом. Я никогда там не был. Но многие ребята говорили, что там очень голодные девки, их очень много и они все хотят и любят все. То есть какой-то полный разврат. Я этого не видел, сам не знал.

Почему не дошел? Потому что для меня это было слишком. Я не могу так. Я был все-таки романтиком. А что ты улыбаешься? Я не мог познакомиться в общаге с девушкой и сразу предлагать ей секс.

Со Светой я их не сравнивал, все девушки разные. И все по-разному происходит. Поэтому сравнивать нечего было... В этот раз хорошо. Или в этот раз не очень. Эта хуже, эта лучше. А эта стесняется, эта — нет. Ну, такой опыт. Набор баллов. Нет, не как звездочка на фюзеляже за сбитого противника. Просто опыт. Дело в том, что я же стеснительный очень человек, я не мог же подойти и сказать типа: «Эй, подруга, а ну, давай раздевайся». Да? У меня все было достаточно культурно. Если девушка не подавала признаков близкого контакта, то я не мог идти на это. Я же не могу заставлять, это ж изнасилование получалось. Все-все. Она такая: «Ой, а что ты?» А я: «Ну ты ж не хочешь». — «Ой, ну, я не готова». — «Ну будешь готова, значит, обращайся». Но чтобы нахрапом брать — это нет.

Представляешь себе? Лезет девушка целоваться, а ты заводишься, начинаешь дальше руками действовать, а она: нет, я не такая. И ты говоришь, ну, ладно, не такая, значит, не такая. Она сразу: ой, ты что, обиделся? И опять лезет целоваться. А я так понимал: когда лезет целоваться, значит, пора. Она: нет. Тогда не лезь ко мне. Я объяснял, что, если человек начинает очень крепко целоваться, для меня есть сигнал того, что дальше можно действовать. Для некоторых девушек это не было никаким сигналом. Для них это был такой роман поцелуев. Для меня нет. Для меня было одно: если человек идет на довольно жаркий поцелуй, значит, все, вперед!

Потом, не все девушки в Таганроге такие. Скорее, совсем наоборот. На таганрожских девушек влияло и воспитание, и городские нравы. Если ты где-то лажанешься, об этом будет говорить весь город. Во-

первых, эффект маленького городка, а во-вторых, страх, воспитание. Они так воспитываются с самого начала. В большом городе ты можешь пройтись с девушкой по проспекту, а потом уехать в свой район, и никто об этом никогда не узнает. Маленький город держит в рамках. В принципе, это неплохо. Я никогда так не делал: не даешь, значит, до свидания. Ну не хочешь, недотрога, ну и ладно.

Выходит, остался голый секс. Которого не хватало. Я же был молодой человек. Достаточно взрослый. Со Светой было все иначе. Когда кого-то любишь, его уважаешь. Твои внутренние установки не позволяют тебе многое. Например, изменять. Просто реально стыдно это делать. Потому что любишь.

Мужчины же немного другие. Все время есть какой-то небольшой соблазн. И ты не вкладываешь в него измену. А просто какое-то чувство. Физическое, легкое. Но тогда даже такое не приходило в голову, потому что у тебя был человек, в которого влюблен. И все другие девушки, они тут же отпадают. Они и не девушки для тебя, просто такие прохожие, с которыми можно поулыбаться, при встрече в щечку чмокнуть. Безобидно. Потому что ты целиком там. И мозгами, и телом, и душой. А когда нет любви, все свободно! Тело и душа. Что угодно, пожалуйста! Но при этом ты тоже переживаешь. Ты не как животное передвигаешься по городу в поисках жертвы, да? Ты тоже переживаешь, с кем-то встречаешься. Но такого огня, желания нет. Что-то такое холодное. Расчетливое. Ну, как бы это объяснить... Ты даже не задумываешься о любви. Формальные отношения. Формально целуешься. Хотя тебе это нравится, да? Формально занимаешься сексом, хотя тебе это тоже нравится. Формально расстаешься, встречаешься. Немножко все как-то притуплено. Приглушено.

Нет, я задумывался, когда я видел, что человек не просто к тебе липнет, а действительно влюблен. И тогда я вел себя немного аккуратней, потому как не хотел давать повод человеку понадеяться на что-то. Я все время пытался объяснить, что ну да, мы там типа занимаемся с тобой сексом, но это просто секс и за этим ничего нет. Я давал знать, я показывал, объяснял своими поступками.

Но ведь есть девушки, которые готовы на такие отношения? Я видел, что одна девушка любит меня, горит мной. И мне было очень неловко. Я старался не видеться с этим человеком и всем своим видом показывал ей, что ее чувства не взаимны. Не для того, чтобы ее унижить или оскорбить. Но я при каждой встрече показывал ей, что не ее люблю. Хотя она мне, конечно, интересна как женщина. Я вообще никогда в той своей жизни не говорил, что люблю. Просто так не говорил... Я даже искусственно слегонца отталкивал от себя. Тем самым объясняя, что мне приятно, конечно, с ней спать, обнимать, целовать. Но дальше это ни к чему не приведет. Хотя у нее, может, в голове другие какие-то были планы, мечты. Я не мог ее обманывать. Я же видел, что человек реально меня любит. Сохнет. И при любом моем капризе она тут же появляется. Но это что-то ведь значит, правильно? Во-о-от... я изредка пользовался этим. Потому что мне тоже было одиноко.

К Свете, наверное, были более взрослые чувства. Я рос. Я планировал. Я мечтал. Все было тверже, объемней. Например, с Настей — я ни о чем не думал. Мне просто было кайфово. Было легко. Это нельзя назвать любовью. Это была Великая Влюбленность. Но не любовь.

А со Светой была любовь... И предательство. А это очень серьезно. Меня до этого никто не предавал. Для меня нет границы между предательством и изменой. Это одно и то же. Мне кажется так. Нет? Не важно, как

тебе человек об этом говорит. Самое главное, что он тебе говорит.

«Я еще встречалась с несколькими, и вообще, ты мне не нужен. И все у нас было не по-настоящему. И, короче, лучше тебе уехать». Для меня это было самое страшное, что можно было услышать в тот момент. Когда тебе говорят, что ты не нужен, что все было шуткой. «Все мои улыбки, все) отношения с тобой, поцелуи, все твои надежды — все было неправдой. Я тебя просто обманула». Когда это человек тебе говорит в лицо и идет провожать тебя до автовокзала — вот это страшно. Это реально страшно. Ты ничего не можешь поделать. Ты ничего не можешь сказать человеку. Это реальный шок. Тогда. А сейчас как было бы? Не знаю. Давай не будем возвращаться? Потому что это глупо... Я очень верил в ту любовь.

БРИЛЛИАНТОВЫЙ ВОЛОС

Потихонечку приходил в себя. Я понимал, конечно, что все впереди, что обязательно еще произойдет со мной что-то хорошее. Но в другом. Я другие цели ставил перед собой. Я внутренне как-то уже собирался уезжать. Мне нужно было плотно заняться учебой, потому что я много пропустил, помимо того, что я часто ездил к Свете, я еще занимался и общественной деятельностью. Мне, конечно, делали поблажки всевозможные. Но диплом все-таки нужно было защищать. Я углубился в учебу, в мысли о Москве: как я буду, что. С Бондаревым мы встречались часто, писали песни, придумывали акции, концерты.

Музыка стала жестче, гораздо жестче. Появилась какая-то щетина — жжжжжж. Ярая. Которую, может быть, я не замечал в текстах, но уже выявил для себя. И мне это нравилось. Мне нравилось быть очень жестким человеком. Начиная с пения, заканчивая поведением.

Я стал носить более «жесткую» одежду, более близкую к панку. Некая небрежность появилась. Я понял, что мало кто меня понимает, да и вряд ли когда-либо понимал, по большому счету. И я осознал, что я могу быть кем угодно. Я просто это использовал: начиная с романтика, заканчивая полным подонком. Я надевал футболки, красил их гуашью, обливался водой и смотрел, что получится. С таким испачканным телом и ходил. У меня были синие волосы. То есть полный протест. Синие волосы, зеленые волосы. Обычной зеленкой красил. Долго она отмывалась от головы. Но когда отмывалась, волосы все равно еще были зелеными. На солнце это было хорошо видно на моих волосах. Была такая песня, текст Бондарева там такой:

*Бриллиантовой зеленью выкрасить волос
Пустить папирсой в толстого Фрица
Бриллиантовый волос на морозе искрится
Ничего не случилось
Ничего не случится
У меня реально был на солнце бриллиантовый
волос.*

*Раскачали качели веселые дети
На коленях порвались буржуйские джинсы
Бриллиантовый волос на морозе искрится
Ничего не случилось
Ничего не случится*

А дальше:

*Просто плачет зима ледовитой карточью
Просто падают снегом замерзшие птицы
Бриллиантовый волос на солнце искрится
Ничего не случилось
Ничего не случится*

В общем, такие были очень жесткие песни. Я ушел в альтернативу таганрожскую. Не то что альтернативу... Музыка была тяжеловата и немного странновата. Мы экспериментировали.

Говорят, что когда все хорошо, то нет вдохновения, а когда все фигово, пишутся хорошие песни. На самом деле это вранье. По-другому стоит вопрос: готов ли ты об этом рассказать или нет? Поэтому и пишутся песни. А когда ты не готов, ты пытаешься скрыть, закрыться какими-то словами, начать петь вообще о другом. Только не об этом. Потому что тебе стыдно, тебе больно. Тебе не хочется об этом вспоминать, думать. Поэтому у всех разные песни и получаются. Кто-то говорит: «Да, когда мне плохо, я пишу хорошие песни». На самом деле он не об этом пишет, абсолютно о другом. Себя обманывает. Поэтому тут неважно, хорошо

тебе, плохо. Главное... Я недавно понял, главное — понять, что ты хочешь сказать, да? Людям если хочешь что-то сказать, надо обязательно сказать. Даже если ты думаешь, что тебя не поймут. Или тебе стыдно будет. Главное — сказать это. Потому что врать — невозможно. Невозможно что-то придумывать. Нереально. Это ж каким надо быть фантазером и профессионалом, чтобы придумать историю. Нафантазировать у себя в голове. Можно дофантазировать. Допридумывать, как бы ты хотел, как ты мечтал, как представлял. А так чтоб целиком — невозможно.

Я не посвящал песен конкретно ни Свете, ни ее предательству. У меня это плохо получалось бы. Я не знал тогда, как посвятить песню девушке. Можно написать какой угодно текст и сказать, что это посвящено какому-то человеку. Но это не будет правдой. Можно написать: «Изумрудный волос на морозе искрится, ничего не случилось, ничего не случится. Посвящается Светлане Ряшенцевой». Но это было бы неправдой. Ясно, что не надо вставлять слова «Света», «Новороссийск». Но все равно ты должен писать и думать о человеке. О каких-то эмоциях. А не о бриллиантовом волосе. А я не мог выразить идею так на бумаге, и для меня это было немного в подляк. Не пацански. Че я буду? Я-то знаю, что я люблю, что я буду сопли пускать, писать на бумаге непонятные слова. Просто спеть серенаду под окном — всегда пожалуйста. А писать о том, что со мной происходит в реале, тогда мне это не было интересно. Не понтово. Не круто. Круто писать о чем-то непонятном. Что не со мной. Что далеко. Белый снег, синий лед — вот такое. Как называется? Символизм? Типа. Не какая-то там бытовая фигня. Это что-то великое и непонятое. А что великое... никто не понимал, но все ходили и думали: ну, круто,

да. Это теперь я научился быть откровенным, а тогда, значит, был — символистом, да? Прикольно...

Я просто меньше общался с людьми. Дома сидел, ходил к Ивану. Он меня знает с детского сада. Разным. С волосами, в бусах, с цветочками. Потом оборванного, в майке, выжженной аммиаком, хлоркой, с зелеными волосами. Потом в каких-то непонятных одеждах, нереальных. В порванных цепях, обмотанного чем-то, в безумных очках. Во, блин, ужас! Он меня разным видел, поэтому, когда я приходил, он никак не реагировал. Он понимал, что я разный, но в душе остаюсь простым человеком. Он же друг мой. Я менялся все время, но мы всегда находили общий язык. Ходили, гуляли по-прежнему.

Жесткость началась с приходом Бондарева, а после разрыва со Светой выросла. А еще такой момент — группа распалась, тот «хипповый» состав, когда были волосы, хождение босиком, расшитые маечки, бусы. Кто-то женился, кто-то уехал. Я понимал, что остался один. Я разочаровался в музыке. Не в музыке, а в группах, где все товарищи. Я понял, что я один и нельзя позволять никому вмешиваться в твоё творчество. Я понял, что никто не разделяет моё ощущение мира, как разделяю его я сам. Я понял, что я — это я. Я — это центр. Все. И кому-то отдавать свой центр — это глупо. Этого нельзя делать. И я начал как-то потихонечку сам действовать. И оказалось, что это возможно. Раньше я не представлял себе такого. Что я — это я. Мне казалось, что я — это я и еще минимум четыре человека. И без них меня нет; А оказалось, что и без них я есть. Когда я остался один, мне ничего не оставалось, как понять это. Потому что один я — это тоже я. И я не исчез никуда. Не пропал.

Я просто менялся. Чем дольше я жил, тем больше я приходил к тому, что мир немного другой, чем мне казалось. Когда ты специально выпендриваешься и

стремишься выделиться, чтобы быть не таким, как все, и при этом требуешь к себе любви, действительно получается наебка. Каждый человек требует к себе любви. Я не знал, что мне нужна любовь. Я чувствовал, хотел этого, но я не мог понять. Противоречие было внутри меня самого. Я хотел всех посылать, мало что давал людям. Но нельзя, ничего не отдавая людям, требовать от них любви. Точнее, не любви, а хотя бы понимания. Уважения, ощущения нужности. Я со временем начал понимать, что хочу жить среди людей. Значит, я должен понять, что происходит со мной, с людьми. Так я начал потихонечку подстригать волосы. То есть мое юношество, мой максимализм стал потихонечку проходить. Мои идеалы начали меняться...

Мне нужно было закончить колледж. Один раз я его уже бросал, и бросать второй было просто глупо, надо было доучиваться. Я погрузился в другую действительность. Надо было заняться дипломом, опять же преддипломная практика. Защита? Три листа ватмана размером А1. Это разрез дома. План этажей, кровля. Технико-экономические показатели. Геодезия, план фундамента. То есть разработка проекта. Например, надо построить коттедж двухэтажный. Или пятиэтажку. Тебе даются какие-то параметры. И ты, исходя из них, должен все рассчитать, сколько плит перекрытия, какая толщина стен. Все это надо начертить, чтобы люди могли эти чертежи взять и по ним все построить. План завоза материалов. План использования строительных машин. Если все это просто привезти, то ничего работать не будет. Словом, рассчитать строительный цикл. И ты рассказываешь, что ты там начертил. На защите тебя могут остановить и задать любой вопрос. Формулы-шмормулы. Какова ширина кирпича? Сколько его нужно? Какой марки цемент используется для заливки фундамента? Себестоимость, сколько человеко-дней на такой-то

процесс. Мне тогда это было интересно, хоть я и знал, что, как только получу диплом, свалю в Москву.

Мы, конечно, понимали, что никогда по нашим проектам ничего не построят, но все равно было прикольно. Мы собирались, готовились, друг другу что-то объясняли, помогали.

Идешь по городу, смотришь на дома, и все знаешь: вот это репер, это нулевой уровень, а это никакой не подвальный этаж, а цокольный. Вот это несущая стена. А тут шов плохо сделали. То есть ты куда ни заходишь, тебя везде окружает строительство. Очень кайфово. И мы, молодые специалисты, идем и гордимся. Ребята, ну мы же с вами все знаем! Куда ни зайдешь, все твое, все родное. Ты знаешь, как любой дом выглядит в разрезе. Ну да, и разрез этого дома могу представить. Это же не забывается.

И практика. Весной мы строили дом, студенты — считай, практически разнорабочие. Мы не ходили с умным видом и чертежами, не указывали, куда какой бригаде надо. Нам этого не разрешали ничего. Так что нас использовали как разнорабочих, которые и кирпичи кладут, и штукатурят, и разгружают, такелажем занимаются. Что, не знаешь, что такое такелаж? Это типа монтирование. Вот плита перекрытия, ее надо поднять краном, ее прицепляют, поднимают. Плита уложена. Цемент зафигачили, дальше давай! Вот кто такелажник на стройке.

Кирпичи привозили прямо с завода, практически горячие, надо было работать в перчатках, чтобы не обжечься. И мы разгружали эти кирпичи. Выстраивалась такая длинная цепочка из людей. А кирпичи по этой цепочке летят очень быстро. Ловишь и передаешь кирпич, не смотришь, откуда куда, на автомате. И если кто-то зазеваается, то кирпич прямо в грудак полететь может. Ну что за глупый вопрос: нельзя ли было их на тележке перевозить по стройке!

На стройке человек — самое лучшее средство для всего! Так мы такой цепочкой их и передавали. Играли в такую игру, когда нам скучно становилось. Мы выстраивались в цепочку и потихонечку начинали передавать кирпичи. Потом первый постепенно начал разгонять по всей цепочке, пока кто-нибудь не собьется. «Твою мать!!!» — типа кого-то накроет. Не заметишь, как тебе в лицо летит кирпич, и ты отмахиваешься от него... Вот так мы развлекались.

А однажды мы монтировали оконную перемычку... Ну, объясню, объясню! Вон, смотри окно, там над окошком беленькая плиточка лежит — это оконная перемычка. То есть возводится здание, возводятся стены, первый этаж. И чтобы строить второй этаж, нужно сделать все оконные железобетонные перемычки. Это такой железобетонный брус, после укладки которого идет основная кладка. А если кирпичом, то нужен армирующий... Ладно, не буду тебя грузить. И вот мы монтировали эту оконную перемычку. Мы стояли на стене второго этажа. Нам нужно было поднять два ведра с раствором — перемычка-то кладется на раствор. И мы поднимали раствор на веревках, опираясь на стену. И когда я поднимал, видать, веревка перетерлась, и силой отдачи меня так отбросило, что я полетел спиной плашмя вниз — бах! Не знаю, как я себе ни голову, ни хребет не сломал! Ко мне еще не успели подбежать, как я начал ругаться, я даже ничего не понял. Ко мне побледневший прораб подбежал, типа: «Все-все, нормально, иди домой!» А то! Конечно, несоблюдение правил техники безопасности! Если что, ему бы такое устроили! Мне пацаны сразу самогончик достали. Мы сели, выпили. Ну а пацаны — тоже молодцы, говорят: «А мы все не будем работать — уже конец рабочего дня!» И вот мы все сели с самогонкой отметили рождение мое второе.

Ну, да, выпивал, утешался после Светы. Не так чтобы очень, выпивал с друзьями. Иван сразу мне сказал: «Ну и зашибись! Чего-то она мне сразу не понравилась!», что-то такое: «Ты, конечно, меня извини, но она какая-то странная!» Друзья-то, наверное, видели. Но молчали. А что пацанам-то говорить? Вот мы и пили. Я ходил в гости к соседкам своим — Ираиде и Оксане. Впрочем, я и не жаловался им особо. А что жаловаться-то? Поддержку искать? В себе ее надо искать.

А эмоции вот сюда: мы бухали, репетировали. У нас еще мода на что-то была всегда. Например, тогда началась мода на бильярд. У нас открылось самое первое казино на улице Ленина, ресторан «Баку» бывший. И там устроили казино. Стояло два стола карточных, таких задрипанных-задрипанных. И русский бильярд, стола три-четыре. И мы постоянно ходили играть в бильярд. Бильярдные столы стояли в отдельной комнате. Мы туда заваливались, покупали выпивку. А потом напитки стали приносить с собой. Нельзя, конечно, было, но мы проносили. Потом уже смотрели на это дело сквозь пальцы, потому что мы в бильярд много играли.

Я играл очень плохо. А вот Костя, двоюродный брат Ивана, молодой парень, шустрый такой хулиган, он очень хорошо играл. Нас всех делал, естественно. И как-то мы пришли в казино, принесли что-то с собой, выпили. А там, знаешь, как в старых ресторанах, есть такие витражи на окнах.

И я смотрю, Иван открыл эту, как мне спяну показалось, дверь. Там еще шторы висели, эти гардины огромные, которые все закрывают. Я — сигарету в зубы и «на балкон». Покурить. «Я тоже пойду на балкон», — говорю. «Рома! Какой балкон?!» А я «выхожу» и... падаю вниз. Там был просто такой приступочек у окна. И я прямо шагнул со второго этажа вниз. Хорошо, что там

был козырек над крыльцом! Я на этот шифер
rrrrrrrrrrrrrrрух, ба-бах, блин! И покатился, зацепился.
Слава богу, не скатился.

Все такие подорвались к окну: «Ты куда? Ты где?»
Там же темно. Я такой: «Я здесь! На балконе...» В
общем, я спустился с крыши, вошел в казино.
Нормально так рухнул, царапинами отделался, ничего
не сломал, лицо не разбил. Ты же когда в пустоту
падаешь, ничего не понимаешь... Все долго смеялись.

ДОСВИДОС

Когда-то давно, с Лехой еще в школе учились, мы сфотографировались на площади перед Драмтеатром в Мариуполе. Там все время стоит фотограф. Как в старые времена — древний штатив, все дела. У нас с ним были две черно-белые фотографии. Хорошего качества, знаешь, как раньше были. Прошло время, я свою потерял, у него осталась, пожелтела от времени, просто постарела. И мы решили сфотографироваться снова. Мы проходили по площади, увидели того же самого фотографа, с тем же старым фотоаппаратом на штативе, с тем же старым плюшевым мишкой, та же самая бейсболка на нем была темно-синяя с кривым американским орлом. Абсолютно тот же человек. И мы сфотографировались — 5 лет спустя. Это был, кажется, мой последний приезд в Мариуполь. Предпоследний...

Таганрог. Мы у одной девушки, у Тани, дома тусим. Звонок, мама, мол. Беру трубку, она говорит: «Леша умер. Приезжай домой»

Приезжаю. Мама в слезах. «Вот, пришла телеграмма». Пятое-десятое. Я не знаю, что делать. Попытался найти какие-то темные вещи, ничего подходящего не было. Темно-серая рубаша такая, с короткими рукавами, и темные брюки. Это мне мама нацепила, я ничего не понимал... «Мама, я поехал».

Она проводила меня, и я поехал с Таней в Мариуполь. Автобусы рейсовые уже не ходили. На автовокзале есть таксисты-частники, которые возят народ. До Мариуполя 120 километров. Из-за того, что граница с Украиной, могли быть проблемы. Мама дала мне телеграмму, сказала, что с ней нам будет легче. Потому что по таким поводам пропускают быстрее. Эта

Таня буквально довезла меня до Мариуполя, потому что я ничего не понимал.

Леха Макаров. Друг мой лучший, повесился. Я не знаю, почему.

Я ехал в Мариуполь в полном оцепенении. Такого, чтобы ехать и мысленно прокручивать, как киноленту, нашу с Лехой жизнь, не было. Какие бы это были кинокадры? Что бы я мог вспоминать...

Может, наш поход с классом? Мы поехали после девятого класса в поход. Тогда все дальше расходились по училищам, а несколько самых «умных» продолжали доучиваться в школе. Софья Михайловна, наша классная руководительница и учительница французского языка, не желала больше с нами никуда ехать после предыдущего похода, где мы очень сильно напились. Она сказала: «Никогда больше в жизни!» И мы решили сами, как уже взрослые люди, самоорганизоваться и поехать.

Было лето. Мы собрались, взяли гитары, взяли рюкзаки, надели пионерские галстуки. Тогда уже пионерия отменили, но мы по привычке повязали галстуки. Ну, как мы их расписывали? Мы такой ерундой не занимались. Ну, писали... «Кино», там, а разве кто-то не писал? И мы поехали в Великоанадольский лес, на электричке это минут тридцать от Мариуполя в сторону Донецка. Мариуполь ведь на море стоит.

Были девочки из класса, девочки каких-то знакомых парней. Мы набрали всего. Тогда был модный спирт в литровых банках. Литровая закупоренная банка с железной крышкой. На банке была белая этикетка, на которой красными буквами, как на принтере, было напечатано «Спирт питьевой. 96 %». Мы взяли шесть или семь таких банок, тушенку, картошку сырую. И поехали. Сели в электричку. Гитары, рюкзаки...

Приехали в лес, разбили палатки. Зашли достаточно глубоко, там такие узенькие тропиночки для егелей

были. Пока разводили костер, развели спирт. Выпили. Ну, девочки так, не очень пили. Постелили клеенку на землю, потом покрывало, застелили поляну. У кого чего было готово к употреблению — открыли. Потом начали готовить еду. Котелок, все дела. И поняли, что у нас очень мало воды и надо куда-то идти за водой. И кто-то сказал, что здесь неподалеку, если идти по тропинке туда вглубь, есть какая-то база отдыха или пионерский лагерь в лесу. Мы решили туда сходить. Нас набралось человек семь-восемь смельчаков, которые взяли фляги и пошли. Тогда не было больших пластиковых канистр, как для бензина. Мы взяли фляги, банку спирта, сигареты, водички и пошли.

Мы с Лехой и другими ребятами нашли этот лагерь, приняли еще и стали уже совсем готовенькими. Выходим на поляну. Там строения, корпуса. И дискотека. Представляешь? Девятиклассники, пьяные подростки из леса выходят и заруливают через забор на эту дискотеку. А там такой плац. Два корпуса кирпичных двухэтажных и какие-то еще маленькие подсобные постройки. Жалкие четыре лампочки горят. И дети маленькие, класс шестой. Ну, девочки-то, конечно, выглядели круче, чем мальчики. Такие... И мы так аккуратно, чтобы никто нас не попалил, сели на лавочку с краешку. И сидим. А на нас фуфайки, кто камуфляж достал, галстуки висят на каждом. Сидим на лавочке, пытаемся вырубить воды. А никто не хочет, потому что всем интересна дискотека на самом деле. И сидим. И вот у одного чувака из наших вываливается банка спирта, которая закрыта уже капроновой крышкой (железную сорвали, закрыли капроновой уже). И вот и она у него вываливается. И когда стук о землю, все так поворачиваются, смотрят вниз, а она не разбивается, а просто катится. Упала и катится к людям танцующим. И мы, такие, провожаем ее взглядом. И смотрим, как люди по сторонам тоже смотрят на эту

банку. И мы понимаем: надо срочно валить. И мы хватаем эту банку и сваливаем. Обосрались, что сейчас взрослые придут, нас поймают, еще в милицию, не дай бог, сдадут. И вот мы хватаем эту банку и дергаем к чертовой матери. Мы свалили. Но уже стемнело. Это вообще жесткач был. Когда в лес заходишь, еще ведь темнее. Узкая тропинка. Мы идем и не видим никакой тропинки. И не знаем, что делать. В общем, мы понимаем, что если сейчас куда-то пойдём, то заблудимся. Чуваки, что делать? Надо стоять ждать рассвета. Не, никакого рассвета! Нас ждут ребята! Телефонов же нет, откуда? У Лехи появляется мысль сделать факелы. Мы снимаем носки, находим с зажигалками палки, натягиваем на них носки, обливаем спиртом и поджигаем. Видим дорожку и бежим. Бежим, пока горит свет. Факела догорают, мы останавливаемся, снимаем носки, поджигаем, бежим дальше. Закончились носки, мы поняли, что нужно майки жечь, фуфайку потрошить ватную. В конечном итоге мы намотали то, что никто не пожалел. И побежали. Потом все потухло. У нас кончился спирт. И мы уже понимаем, все, пиздаррики! Мы начинаем просто в лесу орать. Рычать. И где-то вдалеке слышим крики, смотрим по сторонам, и кто-то из наших кричит: я вижу огонь! Реально. Мы смотрим, где-то далеко действительно огонь. Светлое пятнышко колыхается. И мы от радости ломанулись туда, а темно, ничего не видим. Мы через сучья. Падаем, смеемся. Все падают, но все равно бегут. А еще страшно сзади кому-то остаться, потому что сзади — лес. И мы напролом к этому огоньку. Добегаем, там нас встречают девочки, ребята, которые остались. И встреча, я тебе скажу, была — встреча на Эльбе! Мы обнимались, мы целовались, танцевали, пили этот спирт, радовались, что нашлись.

А мы с Лехой как грамотные люди понимали, что все сожрут без нас, и под каким-то деревом заныкали банку

тушенки, хлеб и еще какую-то рыбную консерву. Недалеко от наших палаток. И мы такие наутро с Лехой встали, ну че, пойдём заначку нашу достанем? Потому что все в говне каком-то, в росе, потоптано ногами. Мы подходим к дереву и видим одну ямку. Наш продукт просто раскурочен! Видать, кто-то из наших видел, как мы это дело закапывали. Мы долго ругались и пытались выяснить, кто нашу заначку раскрошил, но, в общем, мы на одну ночь ездили, собрались, пошли на станцию. Станция была такая разбитая, старая, потолка не было. Ни кассиров, ничего. Просто станция, и все. Колодец был, мы налили воды, кто-то достал банку тушенки, сожрали. Там еще у станции росла вишня дикая, все начали жрать эту дикую вишню...

...Что-то такое я мог вспомнить. Но не вспоминал. Я был в прострации, даже на границе ничего не мог сказать. Таня за меня все показывала, что нужно было. Я не верил. Я понимал, что это не шутка, что так не шутят. Но я не мог понять. С чего? Мы приехали в Мариуполь. Стали с Таней подходить к дому. Подхожу к калитке... А поселок Горький небольшой. Там все друга друга знают. Меня увидели, предупредили Лехи-ну маму. И буквально метров за пятнадцать-двадцать выходит тетя Фая. Она идет ко мне... Я смотрю на нее и думаю, ну, сейчас она мне что-то скажет хорошее, типа: «Мало ли, у него была причина это сказать. Чтобы тебя отпустили к нему...» Мысли были. Я не верил в это, но... Она идет, я смотрю на нее и думаю, вот сейчас она должна мне что-то сказать. А она подошла, ничего не сказала, обняла меня, повисла и стала плакать. И я понял: все. Пиздец. Я ее схватил, мы довели ее до дома. Там были друзья. Много людей было, которых я знал. Жена Юля, соседи. И все на меня так смотрели. Как-то так смотрели... Они знали, что я лучший друг. Они знали, что мы с Лехой все время. Я к нему, он ко мне. Мы друг для друга были семьями. И заменяли подчас

матерей друг другу. Самые что ни на есть лучшие друзья.

Мы зашли во двор. Меня Юля, его жена, обняла, типа заходи. И мы заходим в дом. Мы проходим в комнату. И она меня подводит... Я вижу гроб. В нем Леха. И я — все. Я окончательно поверил. Я увидел шов после вскрытия. Знаешь, там, где ямочка между ключицами... и я вижу — там зашито.

Зашли все женщины, Юля, мама Лехи, соседки, Таня. Плачут, что-то говорят мне, а я ничего не слышу. Я посмотрел на это и вышел во двор. Сел на ступеньки. Сижу. Подошел Леха Белый, сосед его, тоже кличка была Белый. Еще один пацан знакомый. И вот они подошли и начали рассказывать. Ну, пацаны, они же гораздо проще. Даже в таких ситуациях. Женщины плачут сразу...

И Белый говорит, что Леха крепко бухал последнее время. Потом со всеми поссорился, никого к себе не подпускал сутки. Жестко бухал. Очень. «Потом я решил к нему зайти, — говорит он сосед через забор с ним. — Захожу, а он висит на сливе». Есть такая проволока, замотанная в пластик, гибкая. И он висит на этой проволоке, на сливе, и табуретка валяется. В саду. Там, где мы палатку с ним ставили, помнишь? Я рассказывал... «Я его быстро снимать, а уже никаких признаков жизни нет». И вот он мне это все рассказывает. Они не могут ничего понять, что произошло. Они что-то у меня спрашивают. Типа что случилось, они не в курсах все. В общем, они мне по мужски объяснили ситуацию. Что произошло. «Мы пришли — он висит». Какое-то оправдание, типа мы не виноваты. Они мне объяснили, вот так было, мы пришли, а он — все.

Он оставил записку. Тетя Фая дала ее мне прочесть. Записка была очень плохо написана. Написано было кровью на обратной стороне фотографии. Я не помню,

кто был изображен. А написано было что-то вроде: «Я всех ненавижу. Единственный человек, которого я люблю, это Рома». Что-то типа «всех ненавижу, Рома, привет»... такая была записка. Я ее не забрал, она осталась у его мамы. Она ничего никому не отдала. Мне только несколько личных вещей Лехиных. Рубашку. Она у меня до сих пор в Москве дома лежит. Отдала, но по минимуму, все себе оставила.

И еще у меня труба его осталась, которую я так и не продал. Она у нас на студии новой лежит. Когда я уезжал в Москву, я оставил гитару дома, потому что не было места в сумке, решил ее потом перевезти. Но трубу взял с собой. С ней и приехал в Москву. Не знаю, зачем. Мой лучший друг.

Да все было у него, и конфликты. Жизнь его не устраивала, потому что он был творческим человеком. Он рисовал хорошо. Он играл на гитаре, на трубе. Песни писал. Ему хотелось какого-то творчества. И я ему говорил: «Давай уедем вместе в Москву!» А он: «Да как я уеду, у меня жена, ребенок...» Он повесился, когда у него уже ребенок был.

На поминках меня алкоголь не брал совсем. Я очень много пил, но это мне абсолютно не помогало. Я сидел совершенно трезвый. А мне казалось, что все как-то к смерти относятся очень легко. Он же был мой самый лучший друг. А эти люди недостаточно скорбят, недостаточно хорошо относятся к этому человеку. Я сидел и смотрел на этих людей. Я думал, что они недостойны все тут сидеть. Мне было очень неприятно все это видеть. И на другой день я уехал. Я сказал, что никогда больше не приеду в Мариуполь. Потому что здесь мне делать больше нечего. Я это всем сказал. И уехал.

В Таганроге меня, конечно, мама поддержала. Мама — это ж мама. После этого у меня глаз покосился, сейчас даже заметно. Нервы. Хуй ли...

Я много раз ему говорил, что собираюсь.

— Круто, я тоже бы хотел...

— Ну, поехали!

— Да у меня жена, ребенок.

— Ничего страшного, будешь приезжать к ним. Устроимся, может, пока настройке работать будем, а потом музыкой займемся!

Как-то так: «В Москве денег больше, поэтому зарабатывать мы сможем, ты будешь отсылать деньги, и мы будем потихонечку заниматься тем, чем хотим». Он хотел, но чего-то боялся. Все-таки семья у него была.

Я очень злился на него. Ну как так можно было сдать и уйти?! Знаешь, это самый простой выход. Проще некуда. Как можно было сдать?! Я не мог относиться к этому как к предательству в полной мере, он же друг мой лучший, и я говорил: «Ты предал меня, ты просто бросил меня. Оставил меня здесь одного. А сам решил свои проблемы вот таким образом!» Но винить его я не мог. Потому что... Не мог. Я понимал, что он неправильно сделал, неправильно поступил. Мне было очень обидно. Я не понимал его. Я хотел вернуть все чуть-чуть назад, отмотать, как киноленту, чтобы исправить, выяснить. Может, я недоговорил что-то с ним, может, я не убедил его в чем-то, в каких-то совместных планах. Ну да, я собирался ехать за своей мечтой, а он останется, он не сможет. Он так и говорил все время. А я отвечал, что нужно ехать, нужно всегда идти к своей мечте. Ну и что, что родился ребенок? Ничего страшного... Я видел, что у него не все хорошо в семье, он не очень любит свою жену. Зачем женился? У нас многие в стране так делают. Нормально. Залетела.

Эта смерть — поворотный момент, наверное, да. Я не могу понять до конца. Это же мой друг. Винить я его не могу, а виню. Двойкая какая-то ситуация. Не могу до сих пор разобраться в этом до конца. Я же прекрасно понимаю, это был его выбор, да? На друзей злиться

нельзя, потому что это друзья. Их нужно поддерживать. В любых начинаниях, даже таких, как бы это ни звучало. Вот тут и проблема возникает. Ты не согласен с ним, а спорить-то уже нельзя. Его нет. Как можно спорить с тем, кого нет? А хочется. Потому что ты же не последний человек в его жизни. Поэтому тебе хочется что-то объяснить ему, а уже невозможно...

Он в последнее время был очень злой. Я его не понимал. Нет, я понимал, что там происходит, поэтому предлагал уехать. Но когда он приезжал или я приезжал, он был агрессивным, как-то злобно настроен даже ко мне. Света к тому моменту так как-то уже «подостыла» немного. А вот то, что друга моего Лехи больше нет, — это вообще край.

В отношении дружбы для меня ничего не изменилось с тех пор. Ничего практически не поменялось. Просто тогда было больше времени. Можно было жить, ничего не делать и общаться. И спорить о чем-то, делиться чем-то. Сейчас просто меньше времени. Но ценности остались прежние. Меня друзья не предавали. Я сделал, видимо, правильный выбор. Друзей выбирают. А для тебя это открытие? Вокруг меня были люди, которые могли стать моими друзьями при прочих равных условиях. Если мне было легко с человеком, я на него ставил. И получалось так, что с ним я больше общался, больше дружил. Но это ж сразу видно, когда человек подходит тебе, ты понимаешь, у вас общие цели, ценности. Ты к нему тянешься. А он к тебе. У меня было много приятелей. А друзей — очень мало. После отъезда в Москву все стало на свои места. И все оказалось правильным по части друзей. То есть кто был просто приятелями, ими и остались, а кто мне нравился, в ком был уверен, друзьями и остались. Без ошибки.

Потом я защитил диплом. Был выпускной бал во дворце Алфераки. Такой греческий был купец в

Таганроге когда-то. У него был дворец, который впоследствии стал Краеведческим музеем. А когда перестройка пришла, коммерция и все такое, его опять сделали дворцом, где проходят светские рауты с какими-то виолончелистами. Вот в этом дворце мы, выпускники колледжей, проводили торжественную часть выпускного вечера — вручение дипломов. Я организовывал все это мероприятие, был его ведущим, под моим руководством программу вечера писали. Нам вручили дипломы, и потом мы поехали в кафе, вечеринку в котором организовывал тоже я. Мы там посидели, отметили, потом пошли к морю на набережную. Там бухач жесткий, разборки, драки. Все мочат друг друга: колледж на колледж. Беспредел. Кто за телку, кто за что. Кто просто по пьяни. Меня никто не трогал. Даже из других колледжей. Не потому что я был сильным. Я сильным не был. Я просто пользовался уважением. Не скажу, что таким уж авторитетом, но уважением. Даже если рядом дрались, меня никто в драку не включал. Изредка шальной подходил какой-то, но тут же этого человека оттаскивали, чтобы от меня отстал.

На другой день был день рождения Стадникова. А на следующее утро я решил сразу уезжать. У меня был на руках диплом. Я себе давно сказал: будет диплом — сразу уезжать. После дня рождения ночью я завалил к маме: «Мама, я уезжаю утром. Помогай — билетов нет». А у меня мама раньше работала на рынке и знала всех челноков, во сколько отправляется автобус из Таганрога в Москву на вещевой рынок в Лужниках. «Хорошо, сынок». Я собрал сумку, и она меня проводила. Я сел в этот рейсовый автобус с сумкой и поехал. Все. Она знала, что я собираюсь уезжать, что это все серьезно. Она даже была рада, что я уезжаю. Она же видела, что происходит у меня в Таганроге. Она понимала, что, если сын останется, он будет маяться, а

в Москве, может, что-то получится. Она не очень-то верила, что я стану музыкантом или артистом. Она даже была согласна, что я буду просто работать где-то в строительстве, чтобы я просто попробовал себя. И она со своим благословением утром посадила меня на этот рейсовый автобус, который ехал в Лужники.

У меня был только телефон Валеры Полиенко, который мне Бондарев дал, и адрес двоюродной сестры Наташи. Мама позвонила ей и сказала, что Рома едет. В кармане у меня было рублей семьсот, по меркам Таганрога я мог прожить примерно месяц на эти деньги. Я как бы собирал, еще мама добавила, чего-то сунула перед отъездом. Как это обычно бывает. Уезжать было не страшно. Наоборот. Надо было уезжать. Пора. Я еще за год до окончания колледжа созрел, понимал, что ничего не будет путного. А попробовать проверить, нужен я или не нужен, могу я или нет, надо было. У меня была даже такая мысль, что, если я приеду в Москву и у меня ничего не получится, я хоть буду спокоен.

У меня была цель — писать песни, играть, и петь их людям. Но я прекрасно понимал, что сразу ничего не получится, хотя и очень надеялся на это. Я ехал петь песни. Изначально. Вообще, я хотел уехать. Я хотел стать известным человеком. Но я не представлял себя в будущем менее заметным человеком. Не смейся, я мечтал о меньшем. Я никогда не думал, что буду музыкантом такого уровня. Другие картины в голове. Я думал, буду работать, буду нормальным музыкантом.

Я уехал, потому что не осталось ничего. Ни друзей, ни любимых. Ничего позади. Никаких обязательств. «В Москву! В Москву!» Но я себе не представлял, что буду там делать. А все это меня подтолкнуло. Группы нет. Есть один я. У меня никого нет. Что делать дальше? Куда? В Москву! И я с чистой совестью просто слился. Досвидос. Все.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Был. Нормально... Да не могло ничего завертеться. Чего там! В общем, из Геленджика мы поехали в Новороссийск. Буквально тридцать минут на машине. Приехали, Новороссийск. Ребята сразу на площадку поехали, я на местное Наше радио, дал там интервью. Я выхожу с радиостанции, меня встречает на выходе какой-то человек: «Мы из Краснодара, там у вас не успели автограф взять. Помогаем проводить ваши концерты, распишитесь». Я расписался, а женщина, которая с ним была, говорит:

— Кстати, Света вам передавала привет.

— Какая Света?

— У вас же была здесь девушка Света. Она сейчас работает в этой компании. Привет вам передавала.

Я говорю:

— Спасибо.

Сразу после этого я решил все-таки съездить к ней домой. И мы с водителем поехали искать тот дом. Я начал объяснять, а сам названия улиц не помню. Помню, что что-то там Октябрьская, надо ехать далеко на гору, где частный сектор на оврагах стоит. И мы туда поехали. Я нашел эту дорогу, которая вела вверх.

Да никакие ощущения! Просто узнавал места: вот это знакомый дом, а вот магазин, в который ходили. А это конечная остановка автобуса. Ну, ехал, думал: «А что я туда еду?» И вот мы заехали наверх, водитель говорит: «Куда дальше?» — «Не знаю. Ты спускайся, и будем щас визуально искать».

Там очень крутые склоны, узкие проезды. Дорога не асфальтированная, даже не щебень, а крупные камни. И мы на здоровенном «мерседесе». Я говорю: «Не проедем!» А он: «Да проедем, проедем!» С горем

пополам спускались, поднимались, искали... У людей спрашивали, где живет такая-то семья. Никто что-то не знает таких. А я не могу вспомнить, где это конкретно. Примерно помню, что спуск, но я же пешком ходил. Мы все объездили.

Искали минут сорок, а там очень много переулков, маленьких и узких подъемов, спусков. В общем, мы так и не нашли. И надо было уже ехать на площадку. Я, короче, плюнул на все, и мы уехали. В принципе мне уже достаточно было.

Если бы нашел, не знаю что. Заглянул бы, конечно. С добрым бы я чувством зашел. Типа: «Здравствуй, Света! Спасибо тебе за все, что ты для меня не сделала»...

Я приехал на площадку, мы отыграли концерт. Короче, я был уверен, что она придет. Я сначала пытался глазами ее найти, изредка посматривал в зал. Потом плюнул на это дело. «Дожди-пистолеты» спел нормально, без посвящений. Просто пел и думал типа: «Вот так вот. Круто. Вот она в зале и слушает...» Но спел я с удовольствием, чего тут говорить? Злорадства не было, просто чувство небольшого удовлетворения и легкой обиды. Я вышел с таким лицом на сцену! Фредди Меркьюри отдыхает! Просто такая внутренняя неотразимость! И колоссальное спокойствие. Такая гордость. Не пафос, нет. Красота!

Концерт закончился, всем все понравилось. Подошел ко мне наш тур-менеджер Максим. Обычно передают какие-то письма, игрушки. И он протягивает мне фотографию и коробочку. Я смотрю на фотографию, там я и Света. Я тут уж окончательно понял, что она была на концерте. В коробочке кольцо, которое я привез из Болгарии и ей подарил. На коробочке было написано: «Это твой первый и последний подарок. Я тебе его возвращаю». И на обороте фотографии тоже что-то было написано. Какие-то числа, даты. Быстрым почерком. Что-то: «Я думаю, что...», но ручка уже,

видимо, не работала, что-то выдавлено на глянце, я не смог разобрать.

Да, фотка осталась. Чего тебе там смотреть? Обычная фотография! Ладно, ладно, найду потом... Я спрашиваю у Макса: «А кто тебе передал?» — «Охранник». — «Ты можешь его позвать?» Макс приводит охранника. Спрашиваю: «Кто передал?» — «Девушка. Сказала, что ничего не ждет, и ушла». Значит, она все отдала и скрылась... Кольцо — обыкновенная стекляшка. Да, покажу, если найду, уже засунул куда-то...

Не знаю, какую мораль можно вынести из всей этой истории.

Ну... Я потом чего-то подумал... Все-таки хорошо, что так все случилось. Типа хорошо, что что-то случается с людьми. Со мной вот случилось. Какие-то вещи, которые трогают. Хорошие, плохие. Просто задумываешься о чем-то, что-то тебя беспокоит внутри. Не то что беспокоит, а ты чем-то живешь. Какие-то чувства есть. И ты вспоминаешь. Хорошо или плохо. Я хотел увидеться с ней, конечно. Не знаю, может быть, и лучше, что не увидел. Все осталось точно так же интересно, как и раньше. По крайней мере, негатив ушел. Вроде отпустило. Я спокойно уже отношусь. Вообще, я на нее не атось. Хотя выяснить кое-что еще надо было. Что? Истинные причины. Но я думаю, я еще узнаю. Думаю, все еще не закончилось...